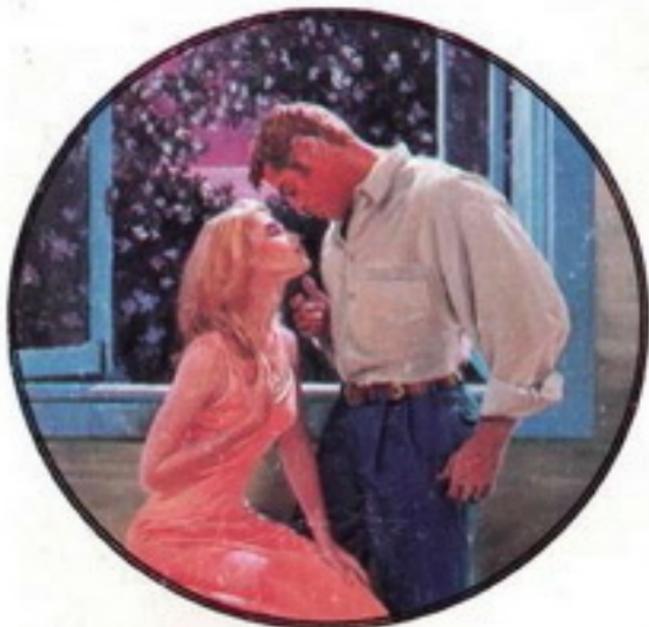

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

HARLEQUIN®

Робин Доналд
**ОСТОРОЖНО,
ТИГР!**

Робин Доналд

Осторожно, тигр!

OCR Anita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157500

Осторожно, тигр!: Радуга; Москва; 1998

ISBN 5-05-004632-7

Аннотация

Они похожи друг на друга, как близнецы. Откуда это сходство? Неужели они брат и сестра? Это возможно, если кто-то из них незаконнорожденный. А ведь их так тянет друг к другу! Косые взгляды окружающих, недовольство родных, то радость и надежда, то полное отчаяние... Что-то их ждет впереди?

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	64
ГЛАВА ПЯТАЯ	83
ГЛАВА ШЕСТАЯ	101
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	119
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	140
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	154
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	169
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	191

Робин Доналд

Осторожно, тигр!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Лесия, взгляни-ка на того мужчину. Вон того, высокого, который идет сюда вместе с шикарной блондинкой. Можно подумать, что это твой брат-близнец.

Ясные зеленые глаза Лесин Спринг проследили за сдержанным кивком подруги и наткнулись на человека, который приближался к ним, прокладывая себе путь в массе людей, решивших, что наслаждение оперной музыкой на открытом воздухе – идеальный способ провести летний день.

Широкоплечий, в хорошо сшитом костюме, ноги каждая чуть ли не в милю длиной, он уверенно шагал в людской толчее, явно не сомневаясь, что толпа раздастся перед ним и его спутницей, как море некогда раздалось перед Моисеем. Именно так оно и было.

Лесия всегда завидовала подобной непоколебимой уверенности в себе.

Ростом незнакомец значительно превосходил ее, а лицо, если бы не мужская резкость черт, было в точности тем самым лицом, которое каждое утро смотрело на Лесию из зеркала.

Первобытное суеверное предчувствие шевельнулось где-то внутри.

– Точно такое же лицо, – взволнованно шептала Андреа, – такой же прямой удлинённый нос и – о Боже, да! – в точности такой же раздвоенный подбородок. Просто не верится! И волосы у вас обоих медового оттенка, хотя твои светлее. Он наверняка тебе родня!

– Невозможно, – откликнулась Лесия, почему-то робея. – Он и правда похож на папу, но папа был у своих родителей единственным сыном.

– А двоюродные братья, сестры? Они есть у всех.

– Только не в папином семействе. Оно вовсе не славилось многодетностью. Насколько мне известно, у них в роду из поколения в поколение у каждой пары рождался всего один ребенок, и непременно сын, пока на свет не появилась я и не нарушила порядок.

Взгляд Лесии перебежал на женщину рядом с незнакомцем. Стройная, аристократические черты лица, свободная шелковая блузка и брюки, легкие, дорогие и элегантные, необычайно шли ей. И женщина это знала.

Сердце девушки внезапно сжалось, но, подавив неприятное ощущение, она продолжила излагать аргументы:

– Кроме того, папа был австралиец и никогда не бывал в Новой Зеландии.

– Какая досада, – вздохнула Андреа. – Если б он был твоим родственником, ты могла бы нас познакомить. В нем

определенно что-то есть. А эта женщина смотрит на него таким взглядом, словно проглотить его готова, дай ей только волю.

Переведя снова взгляд на лицо незнакомца, поражавшее мужеством и твердостью, Лесия заметила:

– Не думаю, что его так легко разгрызть.

– Крепкие орешки как раз по мне, – игриво заявила Андреа. – О-о, а как он идет! Словно уверен, что весь мир бросится врассыпную, уступая ему дорогу. Готова спорить, что в постели он сущий тигр.

Лесия заставила себя поддержать шуточный тон подруги:

– Ты это поняла с первого взгляда?

– Как и любая из присутствующих здесь женщин. А ты просто упрямишься, не желая видеть того, что бросается в глаза. – Андреа надела солнечные очки и произнесла, выговаривая слова в истинно английской, как ей представлялось, манере: – Обратите внимание, мой дорогой Ватсон, как необычайно слаженно работают его мышцы. Он поднялся на гору и ничуть не вспотел, значит, он вынослив. – Андреа просмаковала последнее слово с преувеличенным сладострастием. – Это очень важно. А поскольку на нем костюм, который стоит больше половины моего месячного жалования, – нам известно, как редко встречаются в Новой Зеландии богатые наследники, – мы можем смело сделать вывод, что у него очень хорошая работа. Следовательно, он умен. А ум, дорогой мой Ватсон, это еще одно необходимое качество

в идеальном любовнике.

Забавляясь словами подруги, Лесия в то же время испытывала и совсем другое чувство. Словно загипнотизированная, она глядела на незнакомца, жадно впитывая в себя и его повелительную манеру держаться, и солнечные блики в его рыжеватых волосах, и золотистый оттенок его кожи. Сидевшая рядом Андреа не понимала:

– А если говорить о темпераменте – дорогая, ты только посмотри на его рот.

Лесия проглотила слюну.

– Это поразительно, – пробормотала она, потрясенная охватившим ее странным чувством единства, связи с этим человеком, вызванным всего лишь сходством черт. – Даже не по себе становится.

Андреа нехотя оторвала глаза от мужчины и всмотрелась в напряженное лицо Лесин.

– Могу себе представить, – согласилась она. – Я бы не хотела встретиться со своим двойником, каким бы красавцем он ни был.

Мужчина и его спутница направлялись к тентам, расположенным на невысоком пригорке, позади людского скопления. Казалось, он целиком занят своей дамой, но когда какая-то девчушка бросилась им наперерез, споткнулась и упала, он резко остановился, подхватил малышку и поставил ее на ноги с неожиданной для его властного облика заботливостью. Крошка сморщила личико и издала протяжный вопль.

Какая-то женщина тут же вскочила на ноги и поспешила к ним, натыкаясь на расстеленные коврики, сумки с провизией, зонтики и сидящих под ними людей. Мужчина передал ей ребенка и, прежде чем двинуться дальше, добавил несколько слов с самым серьезным видом. Прижав к себе малышку, женщина оскорбленным взглядом проводила его высокоую гибкую фигуру.

– Интересно, что он ей такое сказал? – прошептала Андреа.

– Судя по тому, как мамаша насупилась, это вряд ли был комплимент, – сдержанно отозвалась Лесия. – Такая малышка могла запросто потеряться в толчее. Мать должна лучше следить за ней.

Андреа рассмеялась.

– Наверное, он так и сказал ей. Видишь, вы даже думаете одинаково.

Незнакомец был теперь всего в нескольких метрах от них. Лесии вдруг захотелось пригнуться и низко опустить голову, чтобы остаться незамеченной. Смехотворный порыв, но она все же отвернулась в сторону и стала смотреть на сцену. И тут ее окликнули. Она резко обернулась, и ее глаза встретились с глазами незнакомца. Что-то растворилось у нее в желудке. Или нет, ошеломленно подумала девушка, скорее размягчились кости. В синих глазах мужчины промелькнуло удивление, но в следующий же момент их выражение снова стало вежливо-непроницаемым.

– Вот и вы, девочки, – раздался мужской голос. – Ешьте быстрее, а то растает.

Питер Фарринг обнял Лесию за плечи и легко поцеловал в волосы, прежде чем она успела отстраниться. Незнакомец смерил Питера взглядом и, не замедляя шага, двинулся дальше наверх.

Дрогнувшей рукой Лесия приняла протянутый ей рожок с мороженым, глубоко вздохнула и торопливо выдавила улыбку.

– Большое спасибо.

– На здоровье, – радушно отозвался Питер.

Увлеченно поглощая мороженое, Андреа поведала ему о мужчине с лицом «точь-в-точь как у Лесии».

– Лесия говорит, он копия ее отца, – закончила девушка, – хотя по отцовской линии у нее нет никаких родственников.

– Правда? – переспросил заинтригованный Питер. – Но могло случиться так, что... ну, не всегда же точно знаешь всех своих родственников.

Смущение на его лице пояснило, что именно он хотел сказать. Лесия повела плечами.

– Значит, предки этого человека жили в Австралии, а не в Новой Зеландии, потому что из всей родни только мы с мамой перебрались сюда после смерти отца.

– Если он тебе не родственник, – объявила Андреа, – я готова целый год не прикасаться к шампанскому.

– Он, должно быть, чрезвычайно хорош собой. – Тон

Питера ясно говорил о том, что комплимент предназначен именно Лесии.

– Вы понимаете, что я имею в виду, правда? – обратилась Андреа к Питеру с тем потрясающим отсутствием такта, которое иной раз заставляло Лесию удивляться, почему та все еще остается ее ближайшей подругой. – В Лесии есть что-то такое... Вот и он тоже. Величавый, гибкий и опасный. Словно ему принадлежит все, на что падает его взгляд. Ни дать ни взять король в своих владениях.

– Я очень хорошо понимаю, что вы хотите сказать, – отозвался тот, глядя на Лесию долгим взглядом.

Тут, хотя и с некоторым опозданием, Лесия вспомнила о своем решении, принятом еще неделю назад, – не поощрять ухаживаний Питера, несмотря на то, что он ей симпатичен.

Нынешний приятель Андреа не слишком увлекался оперой, поэтому подруга и предложила Лесии провести сегодняшний день вместе. Но, к несчастью, едва они устроились на своем коврикe под зонтом, их увидел Питер и заявил о своей готовности к ним присоединиться. Причин прогонять его не было, но так неловко общаться с человеком, который по всем признакам влюблен в тебя, но которому ты не можешь ответить взаимностью!

Разгладив лоб и старательно придав лицу приветливое выражение, Лесия беспечно сказала:

– Возможно, увидев нас рядом, вы решили бы, что мы похожи лишь очень отдаленно. Меньше всего она была распо-

ложена говорить сейчас о незнакомце.

Но Андреа считала, что тема еще не исчерпана.

– Похоже, что вашим сходством вы обязаны некой греховной связи.

– Наверняка, – сухо признала Лесия. – Мать рассказывала ей, что первый из Спрингов приехал в Австралию из Англии и всегда утверждал, что у него нет никаких родственников.

– Разумеется, в те времена никто и не стал бы распространяться о своих внебрачных детях. Этот человек может оказаться твоим кузеном, – решила Андреа. – Лесия, ты должна завязать знакомство с этим великолепным зверем.

Та пожала плечами:

– Спящего зверя лучше оставить в покое, – и отвернулась.

В краткий промежуток между двумя ударами пульса незнакомец увидел ее, заметил их сходство и не обрадовался. Нет, Лесия ни в коем случае не собиралась искать с ним знакомства. Но не могла и выкинуть его из головы. Жутковато было неожиданно увидеть свое собственное лицо – только более высокомерное и властное. Как-то мама рассказывала ей старинную сказку о девочке, которая заглянула в колодец и увидела рядом с собой отражение лица мужчины, своего суженого. Несмотря на жаркое солнце, по коже Лесии пробежали мурашки. Теперь она точно знала, что ощутила та девочка.

Остаток дня прошел вполне приятно, и Лесия решила, что странное ощущение между лопатками вызвано просто нерв-

ной реакцией. Вряд ли тот мужчина мог разглядеть ее среди толпы в пять тысяч человек, заполнившей пологие склоны кратера. Вместе с доброй третью оклендского населения Лесия закусывала, болтала, смеялась, угощалась напитками до тех пор, пока не зашло солнце и концерт наконец не начался.

Он состоял из пестрой смеси популярных арий и дуэтов, которые жизнерадостно и с большим подъемом исполнялись перед благожелательной аудиторией. Программа увенчалась четырьмя песнями – их пропела своим золотым сопрано мировая знаменитость. А затем последовало то, чего большинство детей – да и многие взрослые, подумала Лесия, поглядывая на оживленные лица вокруг, – ждали с особенным нетерпением.

– Полет валькирий! – торжественно провозгласил ведущий, полилась музыка, и почти в то же мгновение, довершая божественное впечатление, в небе вспыхнули красные и зеленые лазерные лучи. В теплом чистом вечернем воздухе взлетели и рассыпались с драматической силой огни фейерверка.

Запрокинув голову, Лесия с замиранием сердца созерцала высоко в небе огненные вспышки, захваченная, пожалуй, самой волнующей из вагнеровских мелодий.

Все еще находясь под впечатлением от представления, они собрали свои коврики и зонты, подняли корзинки из-под провизии и приготовились влиться в растекавшуюся во всех направлениях толпу. Резкий толчок под ребро заставил

Лесию подскочить и с негодованием обернуться.

– Так я и знала, – прошептала Андреа. – Посмотри вон туда.

Незнакомец шел напрямиком к ним. Сердце Лесии испуганно забилося. Секунду она пыталась уверить себя, что он не видит ее и просто идет своей дорогой, как все прочие, но целеустремленное выражение лица, с которым он рассекал людской поток, доказывало, что она ошибается.

Лесия успела только втянуть в себя немного воздуха, как он уже остановился прямо перед ней, и она беспомощно взглянула в его глаза, темные, сине-стального цвета. Во рту у нее мгновенно пересохло. Она слышала, как стоявший рядом Питер что-то сказал, но шум в ушах не дал ей разобрать смысла слов. Однако, когда заговорил незнакомец, она слышала его сразу.

– Я думаю, – неторопливо произнес он глубоким голосом, в котором слышались завораживающие хрипловатые нотки, напоминавшие шуршание гальки в прибрежной пене, – что у нас с вами общие корни. Меня зовут Кин Пейджет.

Лесия нутром почувствовала, как атмосфера вокруг нее слегка изменилась, словно бы Питеру и Андреа его имя о чем-то сказало. Ей понадобилось все самообладание, приобретенное за двадцать девять лет жизни, чтобы ответить спокойно:

– А меня – Лесия Спринг.

– Итак, мы родственники? – И он протянул руку.

Она вложила свою руку в его ладонь, отрицательно мотая головой.

– Это невозможно. Я похожа на своего отца, он был похож на своего, а других родных у него не было.

Рукопожатие Кина было крепким, глаза смотрели испытующе.

– Сходство слишком значительное, чтобы быть случайным, – авторитетно заявил он. —

Вот моя визитка.

Быстро пошарив в сумке, Лесия нащупала свою визитку. Его карточку она не глядя положила в карман и сказала небрежно, изо всех сил стараясь казаться равнодушной:

– Должно быть, просто удивительная игра случая. Говорят, у каждого человека есть двойник.

Увы, слова прозвучали с ненужной горячностью вместо равнодушной небрежности, отметила с досадой Лесия.

– Так утверждают старые дамы, – парировал Кин Пейджет, коротко улыбнувшись. – Но фольклору я всегда предпочитаю науку.

Его взгляд скользнул по двум ее спутникам, и он поздоровался:

– Добрый вечер.

И тут же, повернувшись, отправился назад, к тентам.

– О Боже! – Андреа шумно перевела дыхание и, обмахиваясь ладонью, подняла глаза к небу. – Я чуть не упала в обморок. От звука его голоса у меня мурашки так и бега-

ли вверх и вниз по позвоночнику. Не стану говорить, что со мной сделал его взгляд. Кто он? Тебе знакомо его имя, Питер, правда?

– Да. – Питер был консультантом по инвестициям, и по его тону ясно было, что Кин Пейджет входит в сферу его компетенции. – Это владелец фирмы, производящей озоновые фильтры.

– Что это такое – озоновый фильтр? – спросила Андреа, которая читала в университете лекции по истории искусства.

– Такой прибор, который очищает воду с помощью электрического тока и воздуха. Они выпускаются давно, но пейджетовские более совершенны, чем прежние, причем они и дешевле, и безопаснее. Он очень многообещающий предприниматель: проникательный и практически не знает промахов.

Андреа открыла было рот, но он упредил ее следующий вопрос:

– Пейджет не женат.

Андреа повернулась к Лесии.

– Значит, ты почти наверняка в родстве с человеком, который гребет денежки лопатой, – сказала она, с наигранной алчностью поблескивая глазами. – Неплохо!

Потрясенная чувством облегчения, которое она испытала, услышав от Питера, что Кин Пейджет не женат, Лесия пожала плечами.

– В любом случае мне не по себе оттого, что кто-то бродит

неподалеку с точной копией моего лица.

В толпе наконец-то мелькнул просвет, они скользнули в него и вскоре подошли к дому, где жила Лесия, – старому зданию неподалеку от порта. Поскольку Питер сопровождал девушек всю дорогу, элементарная вежливость требовала от Лесин пригласить его на чашку кофе.

Уже в квартире у Андреа возник вопрос:

– Но почему мы раньше ничего не слышали о Кине Пейджете? Мне кажется, такой человек, кроме того, что он просто потрясающий мужчина, обречен быть героем восторженных статей в разных солидных газетах и журналах.

Питер усмехнулся.

– Так и есть. Но, по-моему, он не любитель мелькать на публике. Мне кажется, он предпочитает держаться в тени.

– Какая скарედность! – простонала Андреа. – Я уверена, он мог бы скрасить жизнь всех молоденьких девушек и многих почтенных дам, если бы не отказывался время от времени позировать перед объективом. А мы бы все дружно лишились чувств.

– Кофе готов, – сказала Лесия, останавливая полет фантазии своей подруги. Она внесла в комнату поднос и опустила его на низенький столик перед диваном. Хорошо бы увести разговор от Кина Пейджета и всего личного.

Вскоре она с большим облегчением услышала, как Андреа, искупая свою прежнюю бестактность, заявила, вскакивая на ноги:

– Пора идти. Питер, возьмем одно такси на двоих, хорошо?

Кинув на Лесию умоляющий взгляд, он все же кивнул и поплелся следом за Андреа к лифту. Лесия помахала им на прощанье рукой, закрыла дверь и решила, что Питер, похоже, превращается для нее в проблему. К несчастью, он в самом деле очень славный, а она не может в силу своего характера грубо обращаться со славными молодыми людьми.

– Хотя давно бы следовало научиться, – пробормотала она, вспомнив другого славного парня, которого не сумела вовремя оттолкнуть.

Бедняга Барри!

Она смыла под душем испарину и крем от загара и накинула широкий халат в полоску ее самых любимых – кремового и персикового – цветов, которые так шли к ее волосам и чистой, оттенка слоновой кости коже. Кин Пейджет тоже хорошо смотрелся бы в этих тонах.

И стоило Лесин представить его глаза, как что-то сжалось у нее под ложечкой в горячий тугий комок.

– Дурочка, вот ты кто, – сказала она своему отражению, нанося на волосы бальзам.

Только потом она вошла в спальню и достала из сумки визитную карточку. Карточка была простой, строгой, ничем не примечательной, но личной, а не деловой. Кин Пейджет жил за мостом через залив, у моря, в районе Такапуны; судя по названию улицы, из его дома должен быть виден Рангитото –

остров с дремлющим вулканом, который придает ландшафту Окленда неповторимые очертания.

Деньги... философски подумала Лесия, пряча назад карточку.

Она просто ужаснулась своему разочарованию оттого, что на следующий день он не позвонил ей. На Рождество и Новый год Лесия сполна отдала дань светским развлечениям и решила январский уик-энд, когда Окленд праздновал годовщину своего статуса новозеландской провинции, провести в одиночестве. Однако, несмотря на то, что она мечтала об этом на протяжении нескольких недель, воскресный день оказался ей пустым и гулким, как эхо. А предстояло пережить еще и понедельник, который также был выходным. Обычно оживленные улицы пустовали, изнывая под солнцем; все, кто только мог себе это позволить, покинули Окленд и двинулись за город или на побережье.

Лесия распахнула в квартире все окна, полила цветы и в поисках вдохновения спустилась в сад. Ее просили сделать эскиз дома для энергичной, предприимчивой дамы средних лет.

Лесия один за другим делала наброски, подгоняла чертежи фундамента под местоположение участка. Она знала: раз дама решилась сделать заказ ей, значит, хочет выкроить максимальную площадь для сада. Увлеченная трудной задачей, девушка несколько часов провела в шезлонге под раскиди-

стой джакарандой, исчеркав множество листов чистой бумаги.

А Кин Пейджет все не звонил ей.

К концу недели Лесия потеряла всякую надежду получить весть от Кина Пейджета. Конечно, она вовсе не надеялась, твердила она себе, просто ей было любопытно, ведь никогда прежде она не переживала ничего похожего на тот миг неудержимого и полного отождествления себя с другим человеком.

На протяжении долгих знойных и душных дней позднего лета Лесия все пыталась убедить себя, что едва осознанное, зарождающееся в ней влечение было самым обыкновенным родственным чувством, пыталась избавиться от неясных страхов, которые с тех пор держали ее в тягостном плену.

Праздными жаркими вечерами, отходя ко сну, Лесия думала о Кине Пейджете и после ночей, наполненных беспокойными навязчивыми сновидениями, просыпалась со взвинченными нервами, охваченная томлением. Его имя звучало в ее ушах, а надменное лицо стояло перед глазами, и никакими силами невозможно было избавиться от того и другого.

Однажды рано утром, когда Лесия завтракала, зазвонил телефон. Проглотив кусок тоста с такой поспешностью, что оцарапала горло, она схватила трубку.

– Алло!

– Лесия, это Кин Пейджет. Я хотел бы пригласить вас сегодня на ланч, если это возможно.

– Сейчас посмотрю, – сказала она, быстро листая записную книжку и даже не помышляя об отказе. – Да, сегодня у меня получится.

– Хорошо. Вы сможете быть у «Южных морей» в двенадцать тридцать?

Деловая встреча у Лесии была назначена на три часа, так что времени оставалось предостаточно.

– Это не составит труда, – сказала она, но, решив, что ответ прозвучал несколько сухоовато, добавила: – Спасибо за приглашение.

– Значит, до встречи. – И он повесил трубку.

Вот образец краткого делового разговора, подумала Лесия, тоже кладя трубку на место.

Что она испытывала? Восторг? Возбуждение? Испуг? Скорее, смесь этих трех переживаний сразу. Только один-единственный раз в жизни она с такой отчетливостью ощутила свое тело, все его нервы и клетки, атомы и электроны. Только единожды она подчинилась внутреннему зову, который околдовал ее чарующей музыкой и подтолкнул к роковому шагу.

Восемь лет назад, освободившись от запутанных отношений с человеком, который оказался женатым, она поклялась, что никогда не позволит себе попасться в безрассудные, жадные, губительные сети любви.

Но, видимо, тот унижительный эпизод с Энтони не был достаточно поучителен. Всего год спустя она стала встречаться с Барри и не сразу поняла, что он любит ее с тем же самоотверженным обожанием, какое она сама дарила Энтони. Она сумела освободиться от Энтони, когда узнала, что он женат, негодование и сила воли превратили ее страсть в отвращение. Но Барри – чьей единственной ошибкой было неумение контролировать свои чувства, – Барри пострадал от ее глупости.

Итак, она пойдет в ресторан с Кином Пейджетом, только чтобы удовлетворить свое любопытство. А если он захочет продолжить знакомство, она вежливо и тонко, но очень твердо откажется. Она не собирается снова попадаться в ту же ловушку.

Словно сбросив с себя чары, Лесия отошла от телефона. И все-таки в то утро ей понадобилась вся ее решимость, чтобы сосредоточиться на спецификациях и калькуляциях, и на час раньше, чем это было необходимо, она бросила работу.

Быстрый взгляд, брошенный в зеркало, показал ей, что, даже несмотря на ее профессиональный подход к нарядам, аккуратное платьице из хлопковой ткани не годится для обеда в «Южных морях» – ресторане одновременно модном и знаменитом своей кухней. Постояв под душем, Лесия открыла дверцы шкафа и угрюмо уставилась на висевшую там одежду. Ее и раздражало и одновременно пугало то, что ей хотелось выглядеть как можно лучше ради Кина Пейджета.

– А что бы я надела, если бы собралась пообедать с заказчиком? – обратилась она в пустоту.

Что-нибудь старое и проверенное, разумеется. И Лесия с решимостью извлекла наружу шелковое платье рубашечного покроя, достаточно изящное, чтобы выглядеть элегантно, и достаточно простое, чтобы чувствовать себя в нем удобно, точно такого же чистого зеленого цвета, как ее глаза.

Над прической она немного поразмыслила. Днем она обычно носила волосы распущенными, но сейчас по неизвестной причине, над которой пока не хотелось задумываться, она свернула прямые блестящие пряди в тугой узел высоко на макушке.

Более тщательно, чем обычно, она накрасила губы и легонько прикоснулась к векам кисточкой с золотисто-коричневыми тенями, такими светлыми, что они просто подчеркнули естественный оттенок ее кожи. Потом побрызгала на себя своими излюбленными духами «Джой».

Избегая смотреть в зеркало, словно отражению была известна какая-то ее преступная тайна, Лесия вышла на улицу под ослепительное солнце.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отделенный от гавани оживленной улицей и доками, дом Лесии был всего в километре ходьбы от ресторана «Южные моря». Черпая силы в бодрящем соленом бризе, она отправилась вдоль берега.

Около ресторана под навесом в виде паруса сидели люди, разговаривая и разглядывая проходящих мимо, но Кин Пейджет ожидал ее в баре, просматривая, по-видимому, какие-то деловые бумаги.

Едва Лесия появилась в дверях, он поднял взгляд, и она увидела, что на его лице промелькнуло изумление, какое и сама она испытывала, глядя на него. Но когда он поднялся на ноги, это выражение уже успело исчезнуть.

Испытывая нелепое смущение, Лесия постаралась не обращать внимания на устремившиеся на нее взгляды и приглушенные реплики посетителей бара, долетавшие до ее ушей. По крайней мере никому здесь не придет в голову, что мы любовники, подумала она, высоко вздернув голову.

– Когда вы с такой прической, сходство между нами делается еще заметнее, – сказал Кин, придвигая ей табурет, а потом усаживаясь на свое место. – Что будете пить?

– Сок лайма с содовой, пожалуйста.

– Вы позвонили бы мне первая?

– Нет.

– Почему?

Поняв по его холодноватому оценивающему взгляду, что уклониться от ответа не удастся, Лесия медленно сказала:

– Я решила, что благоразумнее не делать этого.

– Но почему?

Она удержалась и не пожала плечами, вместо этого рассеянно оглядела зал. Несколько человек торопливо отвели любопытные глаза.

– Не было логической причины, – ответила она наконец. – Вы же сами признали, есть что-то зловещее во встрече с человеком, с которым вы похожи как две капли воды.

– Я подумал вначале, не в самом ли деле мы что-то вроде брата и сестры, – сказал он, снова беря инициативу в свои руки. – Но мы оба похожи на своих отцов, следовательно, это полностью исключено.

– Откуда вы знаете?

Кин Пейджет посмотрел на нее серьезно и прямо.

– Я, разумеется, навел справки, – ответил он так, словно это было самое заурядное дело.

Лесия подобралась.

– Понятно, – проговорила она сквозь зубы. – Это объясняет, почему вы молчали всю прошедшую неделю.

И ей тут же захотелось откусить свой неуправляемый язык.

– Да, – ответил он, следя за ней насмешливым, не лишенным приязни взглядом.

Тут подоспели напитки, и девушка получила возможность немного успокоиться. Но подумать только, что у него хватило наглости! Не в силах сделать хоть глоток, она едва прикоснулась губами к холодному запотевшему бокалу и опустила его на стол.

– Я полагаю, – произнесла она сурово, – что ваши расследования осветили мою жизнь с самого детства?

– Мне известно, что вы, Лесия Спринг, родились двадцать девять лет назад в Австралии. Отец ваш был австралиец, а мать из Новой Зеландии. Через год после того, как ваши родители поженились в Мельбурне, отец ваш сильно разбился и уже не смог поправиться, он умер до вашего рождения. Моника – ваша мать – переехала в Новую Зеландию, поближе к своим родителям, и, когда вам исполнилось четыре года, снова вышла замуж. Теперь она проживает в Гисборне со своим вторым мужем, владельцем весьма прибыльного предприятия по переработке продуктов. Вы – способный архитектор с хорошей репутацией, имеете доходную, но маленькую практику, которую не желаете расширять, работая одна и на дому. Почему, кстати?

– Потому, что я люблю быть сама себе хозяйкой, – ответила Лесия, покоробленная столь хладнокровным и безучастным изложением фактов своей биографии.

– Так же, как и я, – отозвался Кин Пейджет, наблюдая за ней из-под полуопущенных век. – Но вы могли бы поставить свое дело на широкую ногу, учредить собственную фирму,

нанять служащих и остаться при этом сама себе хозяйкой.

– Я еще не готова к этому. Мне нужно набраться опыта.

– В двадцать два года вы были помолвлены с одним студентом-архитектором, но три месяца спустя разорвали помолвку. Что произошло?

– То, что вы можете сойти за моего брата, еще не дает вам права копаться в моей личной жизни, – холодно отчеканила Лесия, с трудом сдерживая гнев и испуганно замирая от мысли, что Кину Пейджету известно и об этой драме в ее жизни.

– Точнее будет сказать, что это вы можете сойти за мою сестру, – ответил он примирительно. – Я старше вас на шесть лет и пользуюсь преимущественным правом на семейные гены.

Лесия подавила невольный смешок.

– Мы хотя и не брат с сестрой, – заметила она, – но преуспеваем вполне по-семейному. А у вас есть кто-нибудь?

– Братья или сестры? Нет. Я один.

Тяжелые веки, наполовину скрывавшие его глаза, придавали волнующую чувственность его взгляду, но между тем ничто не могло скрыть напряженного внимания, которое светилось в сине-стальной глубине этих глаз. Пытаясь не дать себе расслабиться, чтобы сохранять твердость и объективность, Лесия продолжала:

– Мы должны быть в родстве или через внебрачную связь, или через общего предка-англичанина, еще до того, как на-

ши семьи эмигрировали. И этот предок жил довольно давно, так как Спринги поселились в Австралии почти сто лет назад. И, по-моему, не бывали в Новой Зеландии.

– Пейджеты живут здесь на протяжении шести поколений, – сказал Кин довольно безучастным тоном. – И мне тоже неизвестно, пересекал ли кто-нибудь из них Тасманово море, но это нельзя исключить полностью. А поскольку мы оба похожи на своих отцов, а мой отец был копией своего отца...

– И мой тоже! – вставила Лесия. – Я видела старые фотографии бабушки и прабабушки, фамильное сходство у них очень ярко выражено.

Кин пожал плечами.

– Где-то должно быть пересечение. Невозможно поверить, что подобное сверхъестественное сходство вызвано случайным сочетанием генов.

Сзади неслышно подошел официант и тихо сказал:

– Ваш столик готов, мистер Пейджет.

Когда они оба встали, Кин машинальным жестом поддержал Лесию под локоть, видимо, он делал так с каждой женщиной, которую ему приходилось сопровождать.

Когда они уселись за столик, просмотрели меню и сделали заказ, Кин спросил:

– Мне уже немало известно о вас, может быть, вы хотели бы узнать что-нибудь обо мне?

Все! – откликнулась про себя Лесия, но вслух сказала:

– Ваши родители живы?

– Нет. – Выражение его лица не изменилось, но Лесия почувствовала, что затронула больную струнку. – Они умерли, когда мне не было еще и шести лет.

– Как жаль...

Кин отпил воды из бокала, потом поставил его на стол и произнес сухим, равнодушным голосом, который показался Лесин не вполне искренним:

– Это случилось почти тридцать лет назад. Я их едва помню.

– Примерно тогда же умер и мой отец.

– Именно в том самом году... Хотя здравый смысл и пытается убедить меня, что мы чужие, отпечаток фамильных черт на наших лицах говорит об обратном. Кстати, архитектура довольно необычная профессия для женщины.

Лесия помотала головой.

– Не такая уж необычная, хотя нас действительно не очень много: по-моему, лишь около четырех процентов архитекторов – женщины. Но мне моя профессия нравится.

– Вы проектируете жилые дома или коммерческие здания?

– Мне приходилось работать с коммерческими объектами, но дома я люблю больше. И еще торговые центры. – Она слегка улыбнулась. – Как и подобает женщине.

Он приподнял брови, но промолчал, продолжая изучать ее с хладнокровной самоуверенностью. Лесия вздохнула.

– Я вчера был в одном из ваших домов, – сказал наконец Кин. – Такой тихий уютный дом, моя двоюродная бабушка без ума от него. Она говорит, что никогда в жизни не переедет в другое место и ничего не станет в нем менять.

Глаза у Лесин заблестели, она улыбнулась.

– Какой чудесный комплимент!

– И при этом дом предназначался не для нее, а для другой женщины.

Он назвал адрес.

– Я его помню. – Лицо у Лесин помрачнело, она знала, что женщина, для которой был построен дом, умерла полгода назад. – Надеюсь, что вашей бабушке в нем и правда удобно, – сказала она.

– Вы можете пойти и узнать у нее самой, – сказал Кин ничего не выражающим тоном. – Она любит гостей и, кроме прочего, является семейным летописцем. Если кому-нибудь и под силу выявить связь между нами, то только «тете» Софи. Более того, она займется этим с наслаждением. Она обладает чутьем ищейки. Не стану перечислять все семейные тайны, которые она извлекла на Божий свет и выставила на показ с озорным удовольствием. Ее кредо: хорошая тайна – это разоблаченная тайна.

Лесия рассмеялась.

– Даже страшно становится.

– Тетя Софи очень добросовестна. Когда она впервые заинтересовалась своими предками, она начала с того, что изу-

чила все методы хранения и сортировки информации, и решила, что сделать это полноценно возможно только с помощью компьютера. И приобрела последнюю модель.

– Сколько ей лет?

– Почти девяносто. Пейджеты или умирают молодыми, или живут вечно.

Его лицо осветилось сдержанной, но теплой улыбкой.

– Наверное, ваша бабушка замечательный человек.

– Она яркая индивидуальность, это бесспорно. Я договорюсь о подходящем времени для вашей встречи, – произнес он так твердо, словно ему даже в голову не пришло, что престарелая родственница может не захотеть знакомиться с посторонней молодой особой.

– О... но... – начала Лесия и запнулась, осознав, что опытный противник одержал над ней верх.

– Но?

– Нет, ничего, – выговорила она с трудом. Ей внезапно показалось, что она прошла в запретную дверь и эта дверь тихо и неумолимо закрылась за ее спиной.

Официант принес обед: гребешки в белом вине для Лесии, бифштекс с кровью и салат для него. Когда они приступили к трапезе, Кин спросил:

– Откуда у вас такое очаровательное имя?

– Думаю, оно семейное. Но по крайней мере я не таскаю его на себе во всей его средневековой красе – Летиция. Или, того хуже, Леттис.

– Кажется, оно латинское?

– Да, и означает «радость».

Он поднял свой бокал с минеральной водой, и Лесия проводила взглядом его сильную руку с длинными пальцами, загорелую и твердую. По ее спине пробежал холодок.

– Ну и как – вы радуетесь?

Ей удалось небрежно пожать плечами.

– Я оптимистка – в разумных пределах, со спокойным характером, – ответила она. – Наверное, это вполне исчерпывающая моя характеристика.

Чувствуя себя неловко из-за того, что, отвечая на вопросы, слишком раскрылась, Лесия снова сделала себе строгое предупреждение. Кин сам по себе не представлял для нее опасности. Следовало бояться собственной неудержимой реакции на его могучее мужское обаяние, которое ощущалось за волевой сдержанностью.

– А как насчет вас? – спросила она, отчаянно стараясь выглядеть беспечной, спокойной и лишь от нечего делать проявляющей легкий интерес к новоявленному родственнику. – Вы, должно быть, типичный бизнесмен, который работает весь день, а то и всю ночь напролет. – Она посмотрела на него и подумала, что ему следовало бы запретить улыбаться. Улыбка у Кина была вызывающей и абсолютно неотразимой и несла в себе явную угрозу для каждой дочери Евы.

– Вы, кажется, решили провести собственное маленькое расследование? – заметил он вкрадчиво.

Лесия проглотила очередной гребешок, на этот раз почти не почувствовав его великолепного, нежного и пряного, вкуса.

– Моя знакомая, с которой я слушала оперу в парке, дала мне статью о вас из одного делового журнала. Там была и ваша фотография, – добавила она. – От нее меня просто в дрожь бросило.

– А что, вы думаете, почувствовал я, когда увидел тогда в толпе свое собственное лицо?

Мне захотелось вытащить вас оттуда и спросить: какого черта вы с ним делаете!

Лесия высоко вскинула брови.

– Но вы ничем не выдали своих чувств. Я уверена, что ваша... женщина, которая была с вами тогда, ничего не заметила.

– Да, она ничего не заметила. – И легкая насмешка проскользнула в его тоне.

Направление собственных мыслей неприятно поразило Лесию. Ну хорошо, ее влечет к этому мужчине, она готова с этим примириться. Тут нет ничего удивительного. Он просто излучает непреклонную волю. И способность подчинять, как и повелительное выражение лица, должно быть, была присуща ему от рождения. А это в соединении с умом и обаянием, которым он наделен просто в несправедливом избытке, пронизательно рассудила Лесия, делает его живым искушением для большинства женщин. Поэтому главная задача –

справиться с собой.

Вот наказание, думала Лесия, двигая вилкой по тарелке последний гребешок. Она и раньше испытывала интерес к мужчинам, но никогда ей не казалось при этом, что она стоит на краю обрыва и один шаг может или вознести ее к небесам, или низвергнуть прямо в ад. Даже с Энтони, человеком, которого она любила так страстно и который заставил ее ощутить, что сдержанность и рассудительность покидают ее, уносимые вихрем слишком бурных чувств.

Она заговорила о чем-то другом, надеясь, что сделала это достаточно ловко, и вздохнула с облегчением, когда трапеза закончилась. Логика и скучный практический здравый смысл предупреждали ее, что чем дольше затянется ее общение с Кином, тем труднее будет отказаться от его приглашения, перестать думать о нем, мечтать о нем...

Нельзя сказать, что и сам Кин так уж стремился продлить их свидание. Расплатиться за обед было делом нескольких секунд, и когда они поднялись, Кин снова поддержал ее под локоток. Насмешливо сказав себе, что электрический ток, пробежавший от этого прикосновения по ее нервным окончаниям, – всего лишь привычная реакция, Лесия позволила проводить себя через вымощенный мрамором зал и вывести под яркое солнце. За столиком позади нее какой-то человек вдруг сказал что-то и рассмеялся. Лесия почувствовала, как кровь стремительно отлила от ее лица. Похолодев, она с усилием оглянулась.

Конечно, это был не Энтони. Совершенно незнакомый мужчина со светлыми усиками потянулся через стол и подносил к губам женскую ручку. Энтони был темноволосым и утонченным и руку Лесии при всех целовал не чаще, чем разувался публично.

Испытав радость облегчения, Лесия тут же подумала, что, даже если бы незнакомец и оказался Энтони, это не имело бы никакого значения. Она больше не любит его, она никогда и не любила подлинного Энтони – женатого мужчину, чьей любовницей она была в течение нескольких быстро промелькнувших недель, прежде чем ей рассказали, что он женат.

Не замедляя шага, Лесия прошла мимо.

– Вам нехорошо? – спросил Кин.

– Нет, все нормально, спасибо, – ответила она чужим голосом.

Но это была неправда, потому что, когда он предложил:

– Я отвезу вас, – Лесия кивнула и, поблагодарив, пошла следом за ним на стоянку.

Уже в машине Кин спросил:

– Что случилось?

Он еще не запустил двигатель, и слова тяжело повисли в тихом сумраке. Лесия болезненно втянула в себя воздух.

– Я просто удивилась.

– Это тот человек, с которым вы были помолвлены?

– Нет! – И прежде чем он успел спросить что-нибудь еще,

произнесла отчужденно: – Странно, разве ваш сыщик не выяснил, что Барри сейчас живет в Веллингтоне?

– Тогда кто тот человек, который смеялся в ресторане?

– Я его не знаю. Никогда в жизни не видела.

– Но он напомнил вам кого-то, кого вы боитесь.

– Нет. – Она снова глубоко вздохнула. – Я никого не боюсь.

Только себя. Своей природы, которая заставляет ее питать слабость к определенному сорту мужчин.

– Значит, вы всегда так эффектно бледнеете, когда слышите мужской смех? – Кин дотронулся до ее щеки. – Вы до сих пор не можете согреться, – добавил он укоризненно, неумолимо сверля ее острым взглядом. Его рука коснулась пульсирующей жилки за ухом Лесин и на секунду задержалась там. Горло у девушки сжало такой спазмой, что она не могла ни дышать, ни рассуждать и только слышала частый стук собственного сердца. Она стиснула зубы и замерла. То, что не позволяло ей уютно прижаться щекой к его теплой и крепкой ладони, вовсе не было силой воли. Это была догадка, и скорее интуитивная, чем логическая, что Кин Пейджет не преминет воспользоваться любой уступкой, даже самой незначительной.

Кин отвел руку, и Лесия остро ощутила одиночество, холод и тоску.

– Но с тем человеком, за которого вы его приняли, вам меньше всего хотелось бы встретиться, – негромко произнес

Кин.

– Он напомнил одного неприятного субъекта, – овладев собой, сказала Лесия.

Кин, наверное, решил, что не нуждается в более подробной информации, и не стал спрашивать дальше.

Волны залива играли под ослепительным солнцем, а над ними вдоль всего полуострова, который оканчивался морской базой в Девонпорте, реяли паруса, белые и всех цветов радуги. А дальше, отделенные узким каналом, высились покрытые лесом склоны Рангитото – небольшого вулкана, возникшего всего несколько сотен лет назад.

– Я думаю, это был роман, – внезапно произнес Кин.

– Ваша сестра в подобном случае посоветовала бы вам заниматься своим делом. – Лесия постаралась придать голосу насмешливую, а не раздраженную интонацию, но вряд ли особенно преуспела. Слишком близко подошел Кин к правде, а она ужасно не хотела, чтобы он узнал, как глупа и наивна она была когда-то.

– Как жаль, что вы не моя сестра, – сказал Кин, останавливая машину у ее дома. Разумеется, частный детектив сообщил ему, где она живет.

Его лицо помрачнело, резкие черты еще больше заострились. В его властных глазах появилась обеспокоившая девушку настороженность. Ей внезапно пришло в голову, что они блестят, словно два револьверных ствола. И она вздрогнула, потому что Кин только что признал, что не ей одной

приходится бороться со скрытым соблазном...

– Да, было бы спокойнее иметь вас в качестве брата, – произнесла она с официальной сдержанностью. – Спасибо за обед, он доставил мне большое удовольствие.

Его темные брови сошлись на переносице.

– Я провожу вас до дверей, – сказал он.

Помотав головой, Лесия открыла дверцу машины.

– В самом деле, в этом нет необходимости. Мне уже совсем хорошо. До свидания.

Лесия вышла, твердо захлопнула за собой дверцу и, не оглядываясь, направилась к подъезду. Но она знала, что Кин не уезжает и смотрит, как она поднимается по ступенькам крыльца.

Она быстро пересекла фойе, вышла в сад и без сил опустилась на скамью под джакарандой.

Остановив взгляд на звездочках летнего жасмина, который пышно разросся вокруг маленькой беседки и издавал сладостный аромат, наполнявший влажный воздух, она постаралась успокоиться, созерцая невинную красоту растения. Но цветы начали расплываться у нее в глазах, и Лесия прижала ладонь ко лбу, пытаясь унять тупую пульсирующую боль.

К прибытию заказчиков головная боль сменилась утомительной, удручающей апатией, и это мешало Лесин держаться с обычной профессиональной бодростью.

К счастью, молодой супружеской паре понравились ее эс-

киз и общая идея, с особенным же энтузиазмом они восприняли ее предложения, позволявшие им сэкономить значительную сумму. И хотя молодожены пообещали еще подумать и связаться с ней завтра, Лесия была почти уверена, что это чистая формальность.

Надо бы ликовать. Но вместо этого она выпила стакан апельсинового сока и невидящими глазами уставилась вниз на улицу. Поскольку ее квартира была одной из самых дешевых в доме, окна выходили не на залив, а на автостоянку и шоссе, но из спальни и кухни можно было видеть сад, этого было достаточно, чтобы, глядя на него, отдохнуть душой. Но не сегодня.

Раздражающе резкий телефонный звонок прервал ее подсчеты. Заморгав, Лесия заметила, что за окнами уже стемнело и, значит, она снова пропустила время ужина. Она встала, нечаянно смахнув на пол стопку бумаг. Автоответчик был включен, и Лесия нагнулась за разлетевшимися листками, не сомневаясь, что звонит Питер.

Но это был не Питер. Глубокий голос Кина произнес:

– Моя бабушка будет рада встретиться с вами и поблагодарить за свой новый дом. Завтра в семь вечера я за вами заеду.

Послышался щелчок – он положил трубку. Лесия неловко вскочила, швырнула бумаги на стол и воскликнула:

– Ну почему он не мог подождать! Я подошла бы через секунду.

Теперь придется перезванивать ему и объяснять, что она не сможет поехать.

Его визитка! Куда она задевала его визитку? Через пять минут Лесия выяснила, что ее нет ни в папке с деловыми бумагами, ни в сумке, ни в записной книжке. Может быть, она ее выбросила? Лесия не помнила, но, судя по всему, дело обстояло именно так.

Сокрушенно вздыхая, она достала телефонный справочник. Пейджетов было совсем немного, причем у трех в инициалах стояла буква «К». Но никто из них не проживал на Северном берегу. Упрямо вскинув подбородок, Лесия набрала номер справочной службы, и ей сообщили, что телефонным номером Кина они не располагают. Лесия не могла вспомнить название его фирмы, а спрашивать у Питера, которому оно было известно, было бы грубо и бестактно. Правда, оставалась еще статья, которую прислала Андреа, – но нет, и ее она тоже выбросила.

Сердито взглянув на телефон, Лесия чертыхнулась и угрюмо отправилась на кухню – приготовить себе что-нибудь на ужин. Если эта несчастная карточка не отыщется, то завтра в семь часов ей придется быть в полной боевой готовности.

Когда телефон зазвонил снова, она уронила нож, которым разделывала авокадо, бросила плод на стойку и рванулась к трубке. На сей раз звонил Питер.

– Привет, Лесия. – Голос его звучал бодро и жизнерадост-

но. – Как приятно было увидаться с вами на прошлой неделе.

– Да, тогда мы отлично провели время, – покорно ответила она. – Больше всего мне понравился фейерверк.

– А я любовался, глядя на вас, пока вы любовались им. – Несколько тяжеловесный комплимент. – Я хотел спросить, вы не согласитесь сходить со мной на «Дон Жуана» в следующий уик-энд? Я слышал, это изумительная постановка.

Лесия ответила очень мягко:

– Нет. Мне жаль, но я не смогу.

Голос Питера едва заметно изменился.

– Тогда, может, пообедаем вместе?

– Нет, большое спасибо.

Он быстро овладел собой, и они поговорили еще несколько минут о разных пустяках, после чего Питер простился и повесил трубку. Вряд ли он позвонит снова.

Как обидно, что ее влечет к мужчинам совсем иного сорта, общение с которыми напоминает прогулку по краю обрыва. К опасным мужчинам. Вроде Энтони и Кина, у которого наверняка роман с той очаровательной женщиной, вместе с которой он был в парке.

Запретный плод... Видимо, это ее пунктик. Но по крайней мере она знает, что от таких мужчин следует держаться подальше.

Поскольку визитная карточка Кина упрямо не желала находиться, к семи часам следующего вечера Лесия приготовилась к встрече. Она оделась в персиковый и золотистый

тона, которые лучше всего гармонировали с ее кожей и глазами. Почему-то – Лесия не желала вдаваться в причину – она не хотела, чтобы Кин увидел ее квартиру, и ждала его в саду, сидя на скамье, так удобно поставленной, что с нее через стеклянный вестибюль был хорошо виден главный вход. Несмотря на строгое внушение, которое она заблаговременно сделала себе, под ложечкой у нее начинал закручиваться непрощеный тугой клубочек радостного возбуждения, и ей пришлось разжать пальцы, потому что ладони покрылись крохотными бисеринками пота.

Как только высокая фигура Кина появилась в дверях, Лесия встала и вышла в вестибюль.

Его темный силуэт застыл в дверном проеме, выходящем на солнечную улицу. От души надеясь, что ее внутренние переживания не отражаются на лице, Лесия с улыбкой приблизилась.

Глаза Кина на несколько неуютных секунд задержались на ее лице.

– У вас сегодня выдался нелегкий день?

Губы Лесин невольно сложились в ироническую улыбку.

– Утро я провела на стройплощадке, дискутируя с прорабом, который, как видно, абсолютно не умеет разбираться в чертежах и спецификациях и уверен, что уж женщине-то это точно недоступно.

– И чем кончилось дело?

– У меня на этот случай в запасе есть один фокус. – Она

почувствовала, как владевшая ею досада постепенно улетучивается. – Я взяла молоток, гвоздь, приставила гвоздь к деревяшке и с одного удара загнала его вглубь. Почему-то мое умение одним махом забить гвоздь в доску по самую шляпку, не погнув и не испортив его, убеждает большинство мужчин в том, что я знаю свое дело.

Кин рассмеялся.

– И долго вам пришлось практиковаться?

– Неделю, – ответила она не моргнув глазом.

– Да, чтобы завоевать репутацию, часто достаточно одного эффектного жеста. А что случилось с вами днем?

– Ах, днем? Я обсуждала вопрос о ценах с одним потенциальным заказчиком, который думал, что сможет, оплатив стоимость коттеджа, получить дворец. Он также решил, что за честь стать его личным архитектором я готова провести с ним ночь. Больше он уже не заказчик.

– Кто он? – требовательно и резко спросил Кин.

Лесия пожала плечами и, не отрывая взгляда от его помянутого лица, ответила спокойно:

– Какое это имеет...

– Кто этот человек?!

У Лесин перехватило горло.

– Не пытайтесь встать в позу старшего брата. – Ее голос прозвучал неестественно ровно. – Я вам не сестра и сама могу о себе позаботиться.

– И часто такое случается? – Тон его был холодным, по-

что безразличным, но стоило лишь взглянуть на его окаменевшее лицо и надменно сжатый рот, как становилось ясно, что он все еще изрядно разгневан.

– Не слишком, – ответила Лесия. – Изредка. И не со мной одной. Множеству женщин в их профессиональной и деловой деятельности приходится сталкиваться с подобного рода ситуациями.

Она видела, как усилием воли он обуздывает свою ярость и как на его лице снова воцаряется устойчивое выражение суровой отрешенности.

– Очень хорошо. – Он взял ее под руку и повел за угол к автостоянке. – Пойдемте, лучше поторопиться, а то тетя Софи решит, что я забыл.

Лесия напредила себе о необходимости глотнуть воздуха. Несмотря на то, что она с первой же минуты угадала в нем вспыльчивый, непримиримый нрав, она все же не представляла, до чего он может быть грозен. Но, несмотря ни на что, одно его присутствие привело ее в состояние захватывающего дух ожидания, смешанного с удовольствием такой глубины, что все дневные огорчения были немедленно забыты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Софи Уорбертон оказалась высокой, элегантной, аристократического вида дамой с точно такими же синими глазами, как у ее внучатого племянника, а нос, раздвоенный подбородок и скулы были одинаковыми у всех троих. Выглядела она лет на двадцать моложе своего возраста.

– Силы небесные! – воскликнула она, едва успев окинуть Лесию цепким взглядом. – О да, вы определенно из нашего рода.

Старушка держалась очень мило, поблагодарила Лесию за дом, с гордостью провела ее по всем комнатам и настояла, чтобы Кин выпил с ней рюмочку ее любимого виски.

Наконец она заговорила о самом для нее интересном:

– Дорогая, после того как Кин вчера рассказал мне о вас, я быстро просмотрела свои хроники, но не нашла никаких свидетельств о связях с Австралией. Конечно, логично допустить, что связующим звеном стал чей-то внебрачный ребенок, но я не пойму, когда и как это могло произойти.

– Я тоже, – отозвалась Лесия. – Я знаю о папином семействе совсем немного, но мама говорила, что, насколько известно, у них из поколения в поколение рождался всегда только один ребенок – мальчик. Из фотографий видно, что все они очень походят друг на друга. И на Кина тоже, – добавила она, слегка улыбнувшись, – с той лишь разницей, что

все они были лысыми. Даже мой отец, хотя рано умер, успел потерять почти все волосы.

– Тогда как у Пейджетов пышные шевелюры, – кивнула тетя Софи.

– Наши предки были людьми серьезными и прямодушными, но и они грешили не меньше нашего, а многие из них скрывали свои грехи гораздо тщательнее нас. Очень возможно, что кто-то из Пейджетов наведался в Австралию – или Спринг в Новую Зеландию – и позволил себе легкомысленный шаг. Нам предстоит собрать всевозможные документы и изучить их внимательно и с изрядной долей скептицизма. А уже потом судить, есть ли что-то общее между нашими семьями.

Было видно, что эта идея переполняет ее пылким энтузиазмом прирожденного исследователя. Лесия невольно переглянулась с Кином и прочла в его глазах легкую иронию и искреннюю привязанность к старушке. И безнадежно подумала, что куда легче оставаться за своими оборонительными укреплениями, когда он держится отчужденно и безразлично.

– Конечно, – продолжала миссис Уорбертон, – связь могла иметь место еще в Англии.

Лесия кивнула.

– Но неужели гены не потеряли своей силы на протяжении стольких поколений?

– Они у нас хорошие, крепкие, – сказала пожилая дама,

с улыбкой переводя глаза с Лесин на своего внучатого племянника и обратно. – Что вам известно о ваших предках?

Остро ощущая на себе напряженный, внимательный взгляд Кина, Лесия пересказала хозяйке дома ту скромную часть семейной истории, о которой ей довелось услышать, и закончила словами:

– Думаю, что я могла бы узнать побольше от мамы, хотя ей вряд ли многое известно об отцовской родословной.

– Дорогая, вы сделаете это? Может быть, и мне стоит написать ей?

– Нет. Лучше я сама.

Лицо миссис Уорбертон осветилось нетерпеливой, полной ожидания улыбкой.

– Как невероятно интересно обнаружить новую семейную ветвь! И такую одаренную. Дорогая, вы должны называть меня тетей Софи.

Лесия покраснела. Она сознавала, что, если согласится на это любезное предложение, будет еще труднее сохранять дистанцию между собой и Кином.

– Спасибо, – поблагодарила она, не глядя в его сторону. – Я с удовольствием.

У Лесии были кузены и дяди с материнской стороны и многочисленная родня со стороны отчима, но возможность иметь родственников по линии Спрингов заполнила в ее сердце пустоту, о которой она раньше даже не подозревала.

Тетя Софи занимала их еще в течение получаса, потом

Кин поднялся.

– Боюсь, нам уже пора.

Старушка улыбнулась своему внучатому племяннику, и по выражению ее лица было видно, как нежно она его любит.

– Спасибо тебе за то, что ты привез Лесию, – сказала она. – Благодаря ей мне снова есть к чему приложить руки. Просто не терпится начать.

Уже в машине Кин спросил небрежно:

– Вы ужинали сегодня?

– Я не голодна, – солгала девушка.

Поджав губы, Кин включил мотор и вырулил на дорогу.

– Боитесь, – сказал он. – Можете поехать и просто посмотреть, как я буду ужинать.

– Нет, спасибо, я уже... – Голос ее стих. Лгать Лесия не умела, а Кин и так уже ей не поверил. Она беспокойно шевельнула пальцами, сцепила на коленях руки.

– Почему вы меня боитесь? – спросил он.

– Ничуть я вас не боюсь.

– Значит, боитесь себя. – Ему достаточно было беглого взгляда в ее сторону, чтобы угадать правду. – В этом все дело. Но почему?

– Страх тут ни при чем, – сказала Лесия, отчаянно пытаясь выглядеть спокойной. – Просто мне странно смотреть на вас и видеть свое собственное лицо. Возникает такое чувство, словно я раздвоилась... или меня вытеснили из собственного тела.

– Если бы у нас были братья и сестры, мы привыкли бы к такому ощущению, – невозмутимо откликнулся он.

– Наверное, но все-таки... – Лесия снова замолкла. Она вовсе не собиралась объяснять Кину, что не в силах сдерживать охватившее ее, как пламя, внезапное влечение и видит в этом серьезную опасность. Ведь она не имела ни малейшего представления о том, что чувствует Кин. Кроме естественного любопытства, разумеется. И Кин, и его двоюродная бабушка заинтригованы появлением нового члена семьи, и им обоим просто интересно докопаться до сути вещей. Как, впрочем, и ей самой.

А если их взаимное тяготение есть не что иное, как инстинктивное предчувствие существования между ними кровных уз и это предчувствие она принимает сейчас за желание?

И, в конце концов, существует еще женщина, с которой Кин был на концерте, – вполне возможно, его любовница. От этой мысли Лесию бросило в жар.

Кин подъезжал к автостоянке перед рестораном, прилепившимся на полпути к вершине одного из маленьких вулканических холмов Окленда.

– Нам надо привыкнуть видеть себя друг в друге, – произнес он таким авторитетным тоном, что Лесия даже рассердилась.

Значит, Кин намерен поддерживать с ней отношения. Несмотря на ее прежние благие намерения, подобная пер-

спектива подлила масла в неуправляемое пламя чувств, которое руководило сейчас ее поступками.

– Не думаю, что я привыкну, – ответила она без всякого выражения.

Когда их подвели к столику, из-за которого, естественно, открывался вид на город и море, Кин спросил с усмешкой:

– Ну и что вы решили?

– О чем вы?

– Похоже, что сейчас вы выбираете между двумя вариантами поведения, из которых оба вам не слишком нравятся, – мягко проговорил Кин.

День угасал, на землю быстро начали опускаться сумерки. Дольше глядеть в глаза Кину сделалось слишком рискованно, и Лесия отвернулась и переключила внимание на пейзаж, открывавшийся перед ними. В меркнувшем свете она успела различить сочно поблескивающие цветы бугенвиллеи, ветви которой перекинулись через решетку. Через мгновение внизу, в гавани, вспыхнули огни, и пышное многоцветие сникло перед неумолимым приближением ночи.

– Мне не слишком понравилось, что вы даже не усомнились в моем согласии поехать с вами ужинать. Я больше люблю, чтобы меня спрашивали, – сказала Лесия как можно язвительнее.

Темная бровь взмыла вверх.

– Но в семейном кругу...

Она покачала головой, и он, прищурившись, взглянул на

нее.

– Да, я тоже не испытываю к вам родственных чувств. – И прежде, чем Лесия успела что-нибудь вымолвить, добавил: – Скажите, неужели вам приходится каждому прорабу на каждой стройплощадке демонстрировать свое умение забивать гвозди?

– Все что угодно, лишь бы дело двигалось, – подтвердила она. – А как у вас в фирме? Вы принимаете женщин на ответственные должности?

– Я – да, – ответил Кин. – Для меня главное, чтобы эта женщина справлялась с работой.

– А если у нее вдруг заболит ребенок, – поинтересовалась Лесия, – что тогда?

– Некоторые женщины берут работу на дом, другие обращаются к услугам няни из нашей же фирмы. У нас существует набор услуг, которые мы предоставляем в зависимости от конкретного случая.

– Очень прогрессивная организация.

Кин пожал плечами.

– Я руковожу прибыльным предприятием, имею дело с современными условиями жизни, а не с теми, которые были сорок лет назад. Женщины работают, и, значит, следует приспособлять бизнес к ним и их потребностям. Это относится и к мужчинам. Давно прошли времена, когда от мужчин требовалось заботиться в первую очередь об интересах предприятия в ущерб семье. Я сам не сижу на работе до полуночи

и не жду таких жертв от моих служащих.

– А вы не замечали в них недостаток рвения?

– Насколько я могу судить, человек, которому приходится работать дольше восьми-девяти часов в день, или чрезмерно загружен, и в этом случае мы нанимаем кого-то сверх штата, или же недостаточно компетентен, тогда ему помогают. Разумеется, если он не меняется к лучшему, то недолго задерживается на своем месте.

Лесия сделала какое-то замечание по поводу производимых его фирмой фильтров и, когда он удивленно приподнял брови, добавила:

– У меня профессиональный интерес к фильтрам, и к тому же я читала о вашей фирме в статье, которую мне дали знакомые.

– Тот самый знакомый, что принес вам мороженое и поцеловал, когда я столкнулся с вами на концерте? – Его улыбка стала жесткой и вызывающей. – Он что, ваш возлюбленный?

Возмущенная Лесия ответила очень любезно:

– Я думаю, что ваш сыщик должен был прояснить и этот вопрос.

В глазах Кина вспыхнуло яркое синее пламя.

– Он утверждает, что у вас нет постоянного друга, – сказал Кин. – Или он ошибается?

– Нет, – нехотя признала Лесия.

– Но этот Питер – он хотел бы стать им?

– А женщина, которая была с вами в парке, она ваша воз-

любленная? – Эти слова слетели с губ Лесин прежде, чем она успела им воспрепятствовать. Ужаснувшись, она поспешно добавила: – Но мне это неинтересно, и вам я тоже не собираюсь рассказывать...

Кин остановил лихорадочный поток ее слов загадочной улыбкой.

– Нет, – последовал ответ, – она не моя возлюбленная и никогда ею не была.

– Я не хочу больше обсуждать эту тему, – ледяным тоном заявила Лесия.

Кин снисходительно кивнул. Словно даровал свое высочайшее позволение, сердито подумала Лесия.

– Ну, ладно. А о чем бы вы хотели поговорить?

– Расскажите лучше о своих фильтрах, о том, как вы стали их выпускать.

Это было единственное, что пришло ей в тот момент в голову. С губ Кина слетела быстрая насмешливая улыбка, и ответил он очень вежливо:

– Они очищают воду в бассейнах, а также удаляют из воды возбудителей болезней растений, поэтому их широко применяют в сельском хозяйстве. Они отфильтровывают микробы, соли железа и прочие примеси из питьевой воды.

– Журналист, который написал ту статью, – сказала Лесия, – хвалил как ваши изделия, так и вашу деловую сметку.

– Стараюсь, – ответил Кин, и его голос снова сделался вежливо-безразличным. – Но это слишком уж профессио-

нальный разговор для ужина.

Разговаривая, Лесия подалась вперед, но его замечание заставило ее немедленно выпрямиться.

– Извините.

– О, я, как правило, люблю обсуждать серьезные темы, – сказал Кин, блеснув глазами, – и нахожу ваши суждения очень интересными, живыми и пикантными. И они всегда уместны.

Комплимент был слишком щедрый. Лесия даже не знала, как к нему отнестись.

– Спасибо, – сказала она, пытаясь понять, какие чувства отражаются в сине-стальной глубине его глаз. К счастью, тут принесли заказ.

Пока они ели, Кин ненавязчиво расспрашивал девушку о ее семье. Лесия наслаждалась превосходными блюдами и вином, но присутствие Кина она ощущала всей кожей так остро, что не в состоянии была расслабиться и думала только о нем. Все остальное блекло и уходило в тень. Где-то в густых переплетениях ветвей генеалогического древа между ней и Кином, возможно, существовала какая-то родственная связь – может быть, даже не слишком отдаленная, – но Лесия ну просто не могла смотреть на него как на родственника.

Если Кин и заметил, как она замкнулась в себе, то ничем не показал этого. Лесия невольно отметила, что у него прекрасные манеры, что за столом он очень увлекательный собеседник с широким кругозором и юмором. Сама того не

желая, она вынуждена была все это признать. А когда был допит кофе, она попыталась внушить себе, что испытывает облегчение. Но увы – она чувствовала то же, что почувствовала Золушка при первом ударе часов.

А ведь она трезвая, уверенная в себе деловая женщина, которая любит свою работу и преуспевает в ней. Ее практика расширяется день ото дня, а банковский счет – если не считать закладной – разумно сбалансирован. Весь мир принадлежит ей!

Но этот мир, думала Лесия, идя с Кином к выходу, не включает в себя одного человека...

– Шоссе сегодня так забито транспортом, – пробормотала Лесия, когда они влились в поток машин.

– Кажется, в вас заговорила девушка из Гисборна, – поддразнил ее Кин.

Она сдержанно улыбнулась.

– Наверное. Помню, я поразилась, впервые приехав в город, как много людей ходят и ездят по улицам глубокой ночью.

– Но теперь-то вы стали истинной горожанкой – хладнокровной и невозмутимой.

– Я до сих пор люблю сельскую жизнь. И отпуск провожу дома, – призналась она, почему-то нервничая, – а скоро поеду на три недели в Австралию.

Грубое восклицание заставило ее вскинуть ресницы. За несколько машин впереди вспыхнули белые огни заднего хо-

да, и в тот же миг автомобиль, следовавший за нарушителем, со всей силой врезался в него.

– О Боже! – ахнула она, увидев, как второй автомобиль ярко вспыхнул, охваченный пламенем.

Кин распорядился:

– Возьмите фонарь из бокового кармана и сигнальте машинам, чтобы отъезжали назад, – только будьте осторожны. – Кин быстро и в то же время ловко свернул на обочину и, выхватив из-под сиденья маленький огнетушитель, выпрыгнул на дорогу. Уже устремляясь к горящему автомобилю, он крикнул ей на бегу: – Не подходите близко!

Теря драгоценные секунды, Лесия шарила кругом, отыскивая фонарик, нашла его наконец и, выбравшись наружу, захлопнула за собой дверцу. И тут же услышала пронзительные крики, от которых ее бросило в дрожь. Она начала махать фонариком, делая большие круги. Машины замедляли ход, некоторые останавливались.

– Что? Что случилось? – крикнула какая-то пассажирка, распахнув дверцу.

– Впереди авария.

– Я врач, может быть, понадобится помощь... – Она двинулась вперед по дороге.

Из темноты вынырнул мужчина.

– Дайте мне, – приказал он, выхватив у Лесии фонарик. – Надо расчистить полосу для спасательных машин. – Он шагнул на дорогу и принялся сигналить автомобилям, заставляя

их сворачивать ближе к обочине. Завизжали тормоза, освещенные красноватыми отблесками пламени, в окнах показались лица людей, пытавшихся разглядеть картину аварии.

Душераздирающие крики не прекращались, и Лесия побежала к пылающему автомобилю.

– Назад! – крикнул ей кто-то и, больно схватив за руку, рывком удержал на месте. —

Соседняя машина тоже может взорваться, – объяснил остановивший ее мужчина, чей темный силуэт отчетливо выступал на фоне огненного шара.

– Где Кин? – глупо спросила Лесия, пытаясь выдернуть руку.

– Стойте здесь, девушка. – Мужчина шумно переводил дыхание и отпускать ее не собирался. – Вы только взгляните на них. Вот храбрецы! Но меня туда не заманишь.

Широко раскрыв глаза, Лесия смотрела на двух мужчин, которые находились на рискованно близком расстоянии от огня. Один направлял струю из маленького огнетушителя в адское пламя, другой тащил кого-то из машины.

Лесия сдавленно вскрикнула, поняв, что это Кин борется там сейчас со смертью, такой ужасной, что даже думать об этом было невыносимо.

– Нет, – проворчал державший ее человек, крепче сжав пальцами ей руку. – Вы им там только помешаете.

Он, конечно, был прав. Лесию бил озноб, глаза и губы пересохла. Она страстно желала, чтобы Кин убрался побыст-

рее прочь от гибельного пламени, и замерла в ужасе, видя, что он вовсе не собирается делать этого. Озаренный слепящим сиянием, Кин напоминал сейчас дьявола в преисподней. Он ни на секунду не останавливался, не прекращал отчаянной борьбы.

И вдруг со зловещей внезапностью крики прекратились. Второй мужчина отскочил назад. У Лесии замерло сердце, но тут же снова сильно забило от неимоверного облегчения, Кин отпрянул от автомобиля, таща за собой безжизненное тело. Лесия жадно глотнула горячий, отравленный копотью воздух и застыла – Кин передал свою ношу двум подбежавшим мужчинам и снова бросился назад, в пламя.

– Нет! – в ужасе закричала она высоким пронзительным голосом. – Нет, Кин!

Он действовал так быстро, что трудно было разобрать, что он там делает, и когда он снова, низко согнувшись, отбежал от машины, Лесия увидела: он держит на руках... ребенка!

Люди стали подходить ближе, но их остановил глухой удар, от которого вздрогнула земля под ногами. Теперь и второй автомобиль превратился в огненный шар. Кин и другие мужчины, которые несли взрослого пассажира, упали на землю. Лесия прижала ладонь к губам, пытаясь заглушить крик, рвавшийся из ее груди, – отчаянный первобытный крик утраты. Она освободилась из рук державшего ее человека и бросилась вперед. Слава Богу, Кин тут же выпрямился в полный рост.

– Держитесь подальше от пламени, – произнес он хриплым, но четким голосом. Его тон был настолько авторитетным, что люди пришли в себя, очнулись от сковавшего их столбняка, вызванного вторым взрывом, и зашевелились: одни начали суетливо помогать все еще распростертым на земле, оглушенным взрывом людям, другие принялись поднимать тело пострадавшей и оттащить ее на посыпанную гравием обочину.

– Несите подальше от огня, – командовал Кин.

Вдыхая едкий, зловонный запах плавящегося гудрона, Лесия пробилась к нему сквозь толпу и громко воскликнула:

– У вас все в порядке?

– Немного обжегся, – выговорил он осипшим голосом. – Но ничего серьезного.

Она жадно вглядывалась в его угловатое лицо, ища на нем страшные следы ожогов, и смутно улавливала обрывки разговоров теснившихся вокруг людей:

– Никогда еще не приходилось встречать такого смельчака...

– Запросто могли сами погибнуть... настоящие герои...

– В жизни не видела ничего подобного...

– Кто бы мог подумать, что удастся вытащить оттуда хоть кого-то, а тем более двоих...

Подбежала женщина-врач и принялась разглядывать руки Кина.

– Их необходимо обработать, – сказала она, – хотя вам

здорово повезло. – И уже через плечо посоветовала Кину: – Не садитесь за руль, пока другой врач не осмотрит вас хорошенько. Вы пережили серьезный шок.

Лесия спросила, не узнавая собственного голоса:

– А в той машине... были еще люди?

Кин ответил отрывисто и бесстрастно:

– Шофер на переднем сиденье – тот, из-за которого случилась вся эта проклятая заваруха, – успел выскочить невредимым. Я видел, как он убегал вниз по автостраде. Двое его пассажиров погибли.

В эту минуту раздался вой сирен, утешительно возвещавший о прибытии профессиональной помощи, и на месте аварии появились новые лица – пожарные, бригада врачей и полицейские.

Кин быстро и четко разъяснил полиции суть случившегося.

– Вы очень пострадали, сэр? – спросила его женщина-констебль.

– Обжег немного ладони. Ничего серьезного.

– Хорошо было бы не откладывая заняться ими. И, конечно, вам не следует садиться за руль.

– Я поведу машину, – сказала Лесия. – И прослежу, чтобы о нем позаботились.

Констебль улыбнулась.

– Спасибо вам, сэр, за все, что вы сделали. – Она взглянула на Лесию. – Проследите, чтобы ваш брат побыстрее обра-

тился в медпункт.

– Ключи! – Лесия решительно протянула руку.

Кин не возражал. Они сели в машину, и Лесия, повинувшись указаниям полицейского, объехала пожарные машины и осторожно тронулась вперед.

– Я живу на Северном берегу, – сказал Кин. – Если вы меня туда доставите, я отправлю вас обратно на такси.

– Сначала я отвезу вас в клинику. – Лесия уже заранее предвидела, что без этого разговора не обойтись. – Вы проявили уже достаточно героизма...

– К черту героизм! – воскликнул он. – По пути мы заедем к одному приятелю.

Он с трудом выудил из вещевого ящика сотовый телефон.

– Джофф! Да, мне известно, который теперь час. Я тут столкнулся с непредвиденными обстоятельствами на авто-страде... Да нет, идиот ты этакий, разве я смог бы позвонить, если бы сильно пострадал? Несколько ожогов на руках – и все. – Последовала пауза. – Нет, машину веду не я. Скоро увидимся.

Они миновали мост через залив, проехали по сонным улицам утопающего в садах предместья и остановились перед домом с освещенными окнами. Не успела Лесия выключить мотор, как в дверях показался Джофф, рослый, крепко сбитый мужчина. Он взглянул на Лесию с удивленным выражением, которое тут же поспешил прогнать с лица. Решил, наверное, что у отца Кина была близкая подруга, думала она

мрачно, пока Кин представлял их друг другу.

– Очень приятно. – Джофффри Браун пожал ее протянутую руку. – Ну пошли, старик, показывай свои раны.

Лесия предложила подождать в приемной, но врач и слышать об этом не захотел.

– Нет-нет, заходите тоже, – пригласил он, указывая дорогу в кабинет. – Должен же кто-то рассказать, как все там было на самом деле.

Джофф Браун загородил собой от нее Кина, и Лесия отступила назад.

– Кин – настоящий герой – сказала она. – А я только махала фонариком и заставляла машины сбавлять скорость.

– Очень существенная помощь, – отозвался доктор. – Ну что же, дружище, ты и в самом деле не так уж плох.

Сжав зубы, Лесия сделала три шага вперед и, обойдя доктора, взглянула. Ожоги были страшные, но Джоффф произнес как ни в чем не бывало:

– Тебе всегда просто дьявольски везет. Вот эти пару дней поболят, а потом заживут и даже шрамов не останется. Я сделаю тебе противовирусный укол. Ожоги на ладонях немного серьезнее, но и из-за них не стоит особо беспокоиться.

– Я же говорил тебе, – сказал Кин.

– И, как всегда, оказался прав. Это твоя самая отвратительная черта.

Мило болтая о всяких пустяках, доктор обработал обожженные места и забинтовал руки.

– Очень удачно, что у тебя в машине оказался огнетушитель, – заметил он, кончив накладывать повязку. – В противном случае черта с два тебе удалось бы хоть кого-нибудь вытащить.

– Удача здесь ни при чем, – твердо возразил Кин. – Я всегда вожу его с собой.

Доктор нахмурился и заглянул ему в глаза.

– Да, разумеется. Ладно, не стану донимать Лесию распросами о твоих подвигах, поэтому можешь не сверкать на меня глазами. Лучше дам тебе успокоительное, а ты прими без разговоров.

Но Кин коротко отрезал:

– Нет.

– Это вовсе не значит признаться в собственной слабости, – добродушно сказал доктор и, отойдя к раковине, налил в стакан воды. – Выпей, судя по голосу, у тебя воспалено горло.

Кин осушил стакан и, поставив его на место, сказал:

– Но в успокоительном я все же не нуждаюсь. – Он поднялся на ноги. – Я вызову такси. Пусть забросит меня домой, а потом отвезет Лесию. Ей тоже не стоит больше садиться за руль.

Джофф Браун снова кинул на него любопытный взгляд.

– Мне совсем не трудно довести вас до дома, – вмешалась Лесия. – Тогда вам не придется завтра забирать отсюда машину.

– На мой взгляд, она в полном порядке, – произнес Джофф, оглядывая девушку с еще большим любопытством. – Головокружения не чувствуете?

– Ни в малейшей степени, – ответила она твердо.

– Вот и отлично, – сказал доктор, подталкивая их к двери. – Сам я – увы! – никого никуда отвезти не смогу. Сюю в отъезде, а я сижу с ребенком. Когда доберетесь до дома Кина, выпейте чашечку крепкого сладкого чая. Хорошо, Лесия?

Когда Кин сел в автомобиль, его приятель на минуту задержал девушку и сказал ей доверительно:

– Побудьте с ним. Ему нельзя оставаться одному. Постарайтесь, чтобы он тоже выпил этого самого чая, и пусть в нем будет побольше сахара или меда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кин жил в самом конце длинной аллеи. Дом его стоял совсем рядом с морем, и, следовательно, из окон наверняка были видны пологие склоны острова Рангитото.

Когда они подъехали к гаражу, Кин нажал кнопку на пульте. Тут же зажегся свет, тяжелая двойная дверь со скрипом взмыла вверх. Лесия заехала внутрь, и дверь за ними опустилась. Она выключила двигатель.

Выбираясь из машины, Лесия бросила на него озадаченный взгляд. Кин вроде бы был таким же, как всегда, но в нем чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, говорившее о том, что свое безупречное самообладание он сохраняет лишь благодаря отчаянному усилию воли.

Наверняка это результат пережитого потрясения, подумала Лесия машинально и проследовала вместе с ним в маленькую прихожую. Он кивнул на дверь – это оказалась кухня. Мягко вспыхнули лампы, и их огни отразились в гладкой поверхности стойки, заиграли на фурнитуре.

– Очень мило, – заметила она спокойно. – Кто оформлял ваш дом? Нанси Эверард?

– Точно. – Кин прошел к телефону, а Лесия, не спрашивая разрешения, налила в чайник воды и поставила его на плиту.

– Вы всегда так ревностно выполняете инструкции? – жестковато поинтересовался Кин, поднимая брови и убирая

руку с телефонной трубки.

– Всегда, когда их дает врач. Но я и правда не отказалась бы от чая... если только вы не возражаете.

И подумала нервно, что, пока она заваривает и пьет этот чай, у нее есть основания оставаться с Кином, выполняя предписание доктора Брауна.

– Ничуть, – ответил Кин коротко.

Неловкими от смущения пальцами она достала заварочный чайник и чашки, сахарницу, молоко, чайные ложки, разложила и расставила все это на подносе.

Гостиная была просторной и элегантно обставленной, с большими незашторенными окнами, которые выходили в сад, где темнели листья кустарников и в серебристом сиянии луны виднелась неподвижная глянцевая гладь бассейна, почти сливавшаяся с мерцающей бескрайней поверхностью моря.

Когда Кин захотел зажечь свет, Лесия воскликнула:

– О, пожалуйста, не надо. Вид такой восхитительный.

– А вы сумеете без света разлить чай по чашкам?

– Я хорошо вижу в темноте.

Девушка разлила чай, добавила ему две чайные ложки сахара и поставила перед ним на широкий кофейный столик чашку с блюдцем.

– Обычно я не пью чай с сахаром, – безразличным тоном заметил он.

– Но сегодня выпьете, – строго сказала Лесия, стараясь,

однако, чтобы ее голос не звучал слишком матерински или начальственно. – Сахар поглощает избыток адреналина.

Она уже ждала, что Кин категорически откажется, но он только сказал:

– Тогда вы и себе сделайте такой же. – И добавил мягко, хотя с явным предостережением: – Как правило, мной не так легко командовать.

О, в этом Лесия ничуть не сомневалась.

– Некоторые мужчины, – заметила она холодно, – так упиваются собственным мужеством, что забывают, что они такие же люди, как и все.

– И вы считаете меня одним из них?

– Нет, – ответила она безмятежно. – Вы не настолько глупы.

Воцарилось напряженное молчание, потом Кин сказал вкрадчиво:

– Я не нуждаюсь в том, чтобы со мной нянчились, Лесия.

– Если приготовить чашку чая означает, по-вашему, нянчиться, – возразила она, – значит, вы просто не знаете, что это такое. Нянчиться – это когда вам приносят завтрак в постель или трут спину под душем.

И тут же она пожалела, что привела именно эти примеры.

В темноте его улыбка, мгновенная и пугающая, была похожа на ослепительную белую вспышку. Ничего не ответив, он поднял чашку с блюдцем, которые поставила перед ним Лесия. В полной тишине послышалось слабое звяканье фар-

фора о фарфор, и Кин негромко чертыхнулся. Она быстро спросила:

– Вам очень больно?

– Не слишком.

– Это просто шок, – сказала она самым будничным тоном. – Не удивительно, если принять во внимание, что вам пришлось сегодня испытать. Но сладкое непременно поможет. Хотите, я подержу вам чашку?

И без того высокое мнение Лесии о его характере поднялось еще на несколько градусов, когда он сквозь зубы проворчал:

– Разумеется, не хочу. Но если обязательно надо, чтобы этот проклятый сахар попал в мой организм, вам придется мне помочь, поскольку сам я вряд ли справлюсь.

Лесия обошла стол кругом и села рядом с ним на диван. Хотя Кин не смотрел на нее, она кожей чувствовала его напряженность. Сосредоточенно сдвинув брови, она поднесла чашку к его четко очерченным губам.

Все равно что кормить тигра, подумала она.

Эта непрощеная и опасная близость постепенно разжигала в ней глубоко тлеющее пламя чувственности. Сцепив зубы, она подносила ему чашку до тех пор, пока весь чай не был выпит.

Потом Кин сказал:

– Моя мать умерла от ожогов.

О Боже!

– Как жаль. Сегодняшнее несчастье, должно быть, вызвало у вас ужасные воспоминания, – тихо сказала Лесия.

– Да. – Кин долго молчал, прежде чем заговорить снова. – Она нечаянно уронила свечу, и на ней загорелась одежда. Она бросилась вверх по лестнице. Ее не успели догнать, она добежала до моей двери и распахнула ее настежь. Я тогда подумал, что вижу кошмарный сон.

Лесия машинально положила ладонь ему на руку. Кин сидел неподвижно.

– Когда сегодня эта женщина закричала, – выговорил он хрипло, – я вспомнил все так отчетливо. Не то чтобы я когда-нибудь забывал, но большей частью мне удавалось отодвинуть воспоминания в прошлое, которому они принадлежат. Я до сих пор слышу, как кричит моя мать – от чудовищной боли, от безграничного ужаса. Одежда на ней пылала – и волосы...

Лесия не могла больше выдержать. Она обхватила его за плечи, обняла изо всех сил, прижалась щекой к его щеке, испытывая лишь невыразимое словами, глубокое, пронзительное сострадание, пытаясь передать ему вместе со своим теплом хотя бы малую частицу собственных сил. Его руки сомкнулись вокруг нее; тихо ахнув, девушка ощутила, как напряглись его мускулы, в следующий миг он приподнял ее и, посадив к себе на колени, крепко сжал в судорожном порыве.

– Странно... – Голос его звучал отрешенно, почти бесстрастно. – Но больше я ничего не могу вспомнить. Я знаю,

что отец набросил на нее одеяло с моей кровати, что она пролежала несколько месяцев в больнице, прежде чем умерла, но в памяти ничего этого не сохранилось – одна пустота. Я тогда жил у дяди с тетей, должно быть, они оберегали меня.

Но ту страшную ночь он так и не смог забыть...

– Все хорошо, – тихонько приговаривала Лесия, не вдумываясь в смысл своих слов и стараясь лишь, насколько это было в ее силах, хоть немного успокоить его. – Все уже позади. Все хорошо...

Сколько времени они сидели так, она не знала. Они не разговаривали, не шевелились. Крепко обнявшись, сидели в темной гостиной и слушали стук сердец друг друга.

Лесия проснулась, зевнула и потянулась, разминая онемевшие мышцы, и только тогда поняла, что лежит, привалившись к чему-то теплому; и это теплое дышит.

Пытаясь вспомнить, где находится, она отчетливо различила биение двух сердец – своего собственного, частое и взволнованное, и другого – размеренное и спокойное, прямо у своего уха.

Медленно и настороженно она приоткрыла веки.

Они с Кином лежали, вытянувшись на диване, их головы были рядом на маленькой диванной подушечке. Ночью они, как видно, поменялись местами, и Лесия теперь лежала между Кином и диванной спинкой, ее левый бок прижимался к его боку, а лицом она уткнулась ему в шею. Его длинные пальцы покоились на ее бедре.

Лесия затаила дыхание. Если она попытается перебраться через него, он немедленно проснется...

Кин пошевелился, и ее охватил трепет и горячее желание дать ему все, чего он пожелает.

Лесия вскинула ресницы и тут же встретилась с пронзительным взглядом синих глаз, в глубине которых тлело опасное пламя.

– О Боже, – слабо пробормотала она, инстинктивно пытаюсь разрядить рискованную ситуацию. – Как ужасно затекла нога.

Огонь в глазах Кина слегка приутих.

– Что вы здесь делаете? – спросил он, почти не разжимая губ.

– Наверное, то же, что и вы. Думаю, это самое странное пробуждение в моей жизни.

Пальцы на ее бедре согнулись, сильно сжали ей бок, затем расслабились. Кин резко сказал:

– Я встаю.

Несмотря на забинтованные руки, которые приходилось щадить, он поднялся на ноги без всякой суетливости, с особой мужской грацией, и это движение беспокойно отозвалось в незащищенном уголке сердца девушки. Едва Кин встал, как она тут же последовала его примеру – ей сделалось очень не по себе, когда он навис над ней во весь свой рост, окидывая ее горящими синими глазами.

– Черт! – простионала Лесия, держась обеими руками за

поясницу и неуклюже пытаюсь разогнуться. – Наверное, мне уже никогда не принять вертикальное положение.

Кин подошел к окну, и в его гибкой тигриной походке не было и следа одеревенелости. Услышав ее слова, он обернулся и оглядел ее с таким надменным выражением, что девушка тут же выпрямила спину и вздернула подбородок.

– Мы оба повели себя не слишком разумно, – произнес он, язвительно отчеканивая слова. – Я вызову для вас такси.

Он двинулся к двери, но задержался, ровно настолько, чтобы добавить с холодной и неумолимой учтивостью:

– Первая дверь направо – ванная. В шкафчике есть запасные зубные щетки, расчески и чистые полотенца тоже, на случай, если вы захотите принять душ.

Если? Ничего больше Лесия не хотела так сильно, но все же подошла к окну, отдавая дань мастерству инженера, который расположил бассейн так искусно, что край, где кончалась каменная кладка, почти неуловимо для глаза сливался с бледно-серебристой рассветной гладью моря.

Кин умело подбирает специалистов! Сад его, полный экзотических растений, дышал покоем. Дом окаймляли кусты гардений с зелеными глянцевыми листьями, их пышные белые соцветия мерцали в перламутровом свете раннего утра. Неброская красота цветов агавы контрастировала с царственными голубыми розами агапантуса и восхитительными серебряными свечками астелии. Это был строгий, мужской сад.

Хотя солнце едва взошло, было ясно, что день обещает быть типичным для февраля Южного полушария – жарким и душным. На севере невысокие холмы и узкую отмель бухты сплошь покрывали коттеджи и сады, дальше тянулись горы – зелено-голубые, подернутые дымкой, и среди них, милях в тридцати, высилась поросшая кустарником раздвоенная вершина Тамагау.

А рядом с этой благодатной землей соседствовало море, мирное, неподвижное в тишине раннего утра, и две яхты грациозно скользили рядом вдоль канала. Непонятное болезненное чувство сдавило Лесии горло. Встряхнув головой, она повернулась и прошла в ванную.

Ванная была облицована теплым итальянским мрамором приглушенных изысканных кремовых тонов с розовыми прожилками. Как и на кухню, на нее не пожалели денег. Лесия приняла душ, снова влезла в свою одежду, зачесала назад со лба мокрые волосы, не глядя на свое отражение, распаковала новую зубную щетку и почистила зубы. Потом несколько раз глубоко вздохнула и вернулась в гостиную.

– Такси уже ждет, – сказал Кин с другого конца комнаты.

Он успел раздвинуть стеклянные двери, и теперь дом был распахнут навстречу морю. Ветерок доносил из сада аромат гардений, пробуждающий любовное томление, смешанный с соленым запахом моря.

– Спасибо. – Она повернулась к двери.

– Лесия! – Она остановилась. Кин, неловко помедлив, вы-

говорил: – Спасибо вам.

– Пустяки, – ответила она так беспечно, как только могла. – Вы ведь хорошо себя чувствуете?

– Да.

– Вот и отлично. – Эти слова имели явственно ощутимый горький привкус. – Значит, я поехала. До свидания...

Он проводил ее до такси, заплатил шоферу, не обращая внимания на ее протесты, и, когда машина тронулась вдоль аллеи, усаженной пальмами и кустарником с лазоревыми цветами, махнул на прощанье забинтованной рукой. Помахав в ответ, Лесия решительно отвернулась от высокой фигуры, отчетливо выделявшейся на фоне белого фасада дома. Внезапное острое чувство одиночества, сжавшее ей сердце, было, конечно, смешным и глупым.

Дома, еще раз торопливо ополоснувшись под душем, Лесия надела все свежее и съела ломтик авокадо с тостом, потом взяла с собой чашку кофе и отправилась за рабочий стол. Предельно сосредоточившись, быстрыми штрихами она запечатлела на бумаге образ дома, которому предстояло стоять на частном пляже на одном из островов залива. Он предназначался для очень богатого бизнесмена и его второй жены. Жена звонила вчера и условилась о встрече. Шесть месяцев назад об этом браке писали во всех газетах. Бизнесмену было по крайней мере пятьдесят, а жена выглядела не старше двадцати пяти.

Ну, тебе-то нет до этого никакого дела, сказала себе Лесия

строго, снова берясь за карандаш.

Часа через два ее занятия прервал телефонный звонок. Она не стала подходить к аппарату, но, услышав раздавшийся из автоответчика голос двоюродной бабушки Кина Софи Уорбертон, резко вскинула голову.

– Лесия, дорогая моя, – говорила старушка, – кажется, я нащупала нить. Не трудно ли будет вам узнать, может быть, ваша мама помнит, не говорил ли ваш отец, или кто-нибудь другой из семьи, о Беркшире?

Лесия прикрыла глаза. Если ее предок – незаконный отпрыск Пейджетов, они с Кином – троюродные, четвероюродные или десятиюродные брат и сестра, при условии; что такое родство вообще существует. И если судить по поведению Кина сегодняшним утром, он, должно быть, попросит тетю Софи не продолжать поиски.

Что же произошло? Она бессмысленно смотрела на лежавшие перед ней черновые наброски. Стоило Кину проснуться и увидеть ее, как в его глазах запылал откровенный, едва сдерживаемый гнев.

Ну хорошо, он немного опешил, поняв, что она проспала всю ночь в его объятиях, но лучший выход из такой ситуации – смех, а потом этот несколько нелепый инцидент мог быть предан забвению, как совсем не стоящий внимания. Отказываясь слушать коварный голосок, который спрашивал ее: а сможет ли она забыть когда-нибудь, что это такое – проснуться в объятиях Кина, Лесия подумала, что, мо-

жет быть, Кин просто был смущен своими вчерашними откровениями. Расценил ли он их как проявление слабости? Вряд ли. Кин достаточно сильный человек, чтобы справиться со своим горем. Вчерашний пожар заставил его заново пережить ужасные обстоятельства гибели матери, растравил мучительную душевную рану, которая не зажила до сих пор.

О, к черту этого человека! Нахмурившись, Лесия часто заморгала, чтобы избавиться от тумана в глазах. Ей вовсе не хотелось, чтобы он вставал между ней и ее работой!

И зачем ему только понадобилось слушать оперу тогда в парке? Сидел бы дома, и ее чудесная безмятежная жизнь так и текла бы себе по-прежнему спокойно и приятно.

А теперь ее терзают темные страсти и тайные желания, которым Лесия поклялась ни за что не поддаваться. И во всем виноват Кин. Ведь это он решил не ограничиваться тем мгновенным и пылким взглядом, которым они обменялись в парке, и первый позвонил.

Быстрыми и точными штрихами Лесия изобразила цветков гардении, аккуратно заштриховала лепестки, чтобы передать их объем и мягкость. Хорошо, что этот запах не принадлежит к ее любимым, потому что теперь он всегда станет напоминать ей о Кине, о прошлой ночи и восхитительном безумном волнении, охватившем ее, когда она проснулась с ним рядом, ощутила все его большое тело и почувствовала, как оно откликнулось на ее близость. И пусть его отклик был совсем безотчетным, ей от этого не легче.

Сцепив зубы, Лесия вырвала рисунок из блокнота и снова вернулась к эскизам, чертежам и планам.

Днем она позвонила домой и после обмена обычными жизнерадостными приветствиями спросила маму об отцовском семействе.

– Я, правда, мало что помню, – задумчиво сказала мать. – А почему ты вдруг заинтересовалась?

Лесия объяснила как можно короче.

– Странно. – Голос Моники сделался неестественно ровным. – Как, ты говоришь, зовут этого человека?

– Кин Пейджет. – Даже выговаривая имя, Лесия ощутила, как сильнее застучало сердце, словно от какого-то запретного удовольствия.

– О-о... – безучастно протянула Моника. – Мне неизвестно, жили ли Спринги в Беркшире. Я могу послать тебе папино свидетельство о рождении и копию нашего брачного свидетельства, если ты думаешь, что это может понадобиться твоей миссис Уорбертон.

– Я думаю, она обрадуется, – сухо ответила Лесия. – Ее приведут в восторг любые свежие данные.

– Вы и в самом деле так похожи?

– Очень. Тот же длинный нос, одинаковый разрез глаз и форма бровей, раздвоенный подбородок. У него черты более резкие, более...

– Мужественные?

– Да. – Она заставила себя засмеяться. – В целом они

жестче, даже агрессивнее. А глаза темно-синие, темнее моих. Но мы оба высокие, с длинными руками и ногами. Нас все принимают за брата с сестрой. А миссис Уорбертон – она сестра дедушки Кина – выглядит как наша слегка устаревшая копия.

– Странно, – повторила мама, и на этот раз Лесии слышались в ее голосе испуганные нотки. – И в самом деле можно подумать, что между нашими семьями существует какая-то связь.

– И мы оба пошли в своих отцов.

– Мне будет интересно узнать, что удастся обнаружить миссис Уорбертон, – заключила Моника и напоявила о предстоящем праздновании шестидесятилетней годовщины свадьбы родителей ее мужа.

– Я уверена, что ответила на их приглашение, – удивилась Лесия.

– Наверняка. Но ты же знаешь бабулю – должно быть, она насыпала в конверт какие-нибудь семена, а письмо так и осталось лежать внутри.

В семье отчима Лесия пользовалась всеобщим обожанием и платила тем же. На праздник должна была съехаться вся большая семья, и девушка с нетерпением предвкушала его.

– Мы будем ждать твоего приезда на уик-энд. Погостить подольше у тебя, наверное, не получится?

– Не сейчас, мам, работы очень уж много.

– Ты по-прежнему собираешься в Австралию?

– Да, я уже составила программу поездки – она займет три недели.

Мать вздохнула.

– Все же мне было бы спокойнее, если бы ты поехала не одна.

– Знаю, – сказала Лесия, вздыхая в ответ с шутливым сочувствием, – но обещаю очень часто звонить.

Вечером Лесия перебрала стопку важных бумаг и, вынув свое свидетельство о рождении, решила снять с него копию. Вдруг оно как-то пригодится тете Софи в ее поисках неведомых предков семьи Спринг?

Лесия не ждала звонка от Кина, а он и в самом деле ей не звонил. Лесия написала ему коротенькое письмецо, в котором благодарила за обед, выражала надежду, что ожоги хорошо заживают, и отправила его со смешанным чувством облегчения и сожаления. На протяжении долгих душных, напоенных истомой февральских дней она работала, неторопливо обедала на природе с кем-нибудь из друзей, купалась в заливе, лежала на золотом песке и мечтала установить у себя в квартире устройство, которое действовало бы летом как кондиционер, а зимой как обогреватель.

Дженни Карпентер, жена богатого пожилого бизнесмена, оказалась совсем молоденькой и с восторгом восприняла эскизы, сделанные Лесией.

– Замечательно, – сказала она, склонив набок светловолосую головку и разглядывая один, который ей особенно по-

правился. – Можно из этого сделать настоящий рабочий чертеж?

– Прежде чем серьезно взяться за работу, мне необходимо взглянуть на участок для строительства. Пока же, – объяснила Лесия своей потенциальной заказчице, – все, что я делаю, – это лишь милые художества.

Дженни кивнула. Очаровательная живость молодости сочеталась в ней с житейской искусностью, которая читалась в темных глазах.

– Маркшейдеры уже почти кончили производить съемку. Хотите съездить вместе с нами на остров? Этот уик-энд вас устроит?

– Вполне.

– Мы пойдем на катере, – сказала Дженни, улыбаясь с некоторым оттенком самодовольства. – Ждите нас в субботу в девять утра у Западного причала. – Она подробно объяснила Лесин, как пройти в нужное место, с удовлетворением убедилась, что та записала все ее инструкции как надо, и добавила: – Насчет еды не беспокойтесь, об этом я сама позабочусь. Мы покажем вам остров и хорошо проведем время на пляже.

В следующую субботу Лесин шла вдоль пристани с рюкзаком за спиной, предусмотрительно оснащенная солнечными очками, широкополой шляпой, камерой, блокнотом для эскизов, карандашами, рулеткой и пилюлями от морской болезни на случай ненастья.

Достигнув нужного плавучего понтона, Лесия двинулась по нему, выискивая глазами большой белый катер с названием «Леди Джейн». Метрах в двадцати пяти впереди нее стояли и разговаривали два человека. Скользнув по ним взглядом, Лесия невольно замедлила шаги. Она узнала своеобразную горделивую посадку головы, широкие плечи, длинные мускулистые ноги. Дикая радость бурной волной прокатилась по всему телу, приведя в трепет каждую клеточку, день внезапно ожил и засверкал, а тихое спокойствие уступило место неистовому урагану чувств. Небо превратилось в хрустальный купол, воздух сделался обжигающим и терпким, как сама страсть. Лесия почувствовала, что ее кожа, нервы и сухожилия натянулись, как струны.

– Привет, – сказала она, поравнявшись с собеседниками. Робкая улыбка замерла на ее губах, когда Кин круто повернулся и впился в нее прищуренными глазами, от которых на Лесию повеяло арктическим холодом.

– Привет. – Немолодой мужчина, по-видимому Брайен Карпентер, хозяин судна, с откровенным одобрением оглядел ее ноги, прежде чем остановить любопытный взгляд на лице. Глаза его округлились.

– О Господи, – пробормотал он и в упор уставился на Лесию, потом повернулся к Кину.

– Мы еще не прояснили степень родства, – спокойно сказал Кин, его угловатое лицо приняло одновременно замкнутое и настроенное выражение. – Но тетя Софи уже идет

по следу.

Он представил Лесию с холодным, возмущившим ее высокомерием.

– Она найдет то, что ищет, – хохотнул Брайен. – Добро пожаловать на борт, Лесия. Дженни внизу, на камбузе, распаковывает продукты – она покажет, где вам расквартироваться.

Он поднялся в салон, окликнул жену и направился вперед, в рулевую рубку. В кубрике появилась Дженни, ее темные глаза быстро перебежали с Кина на Лесию и снова на Кина. Прежде чем она открыла рот, Лесия уже знала, что она собирается сказать, и немного удивилась, уловив в ее тоне довольные нотки.

– Знаете, а ведь вы совсем как близнецы.

Кин поднял брови и повернулся к Лесии.

– Может быть, нам стоит повесить на себя по объявлению? «Да, мы знаем о нашем сходстве. Нет, мы не близкие родственники. Мы пытаемся установить, кем приходимся друг другу, а когда узнаем, сразу же всем расскажем».

Голос его прозвучал лениво, почти беспечно, лицо оставалось невозмутимым, но при этом в недобром тоне отчетливо угадывалось желание уязвить. Дженни вспыхнула и сердито возразила:

– Вы же не можете винить людей за то, что они удивляются.

– Я и не виню. – Он неестественно и неприятно улыбнулся.

ся. – В конце концов, считается, что любопытство – черта, которая отличает человека от неразумных тварей, не правда ли?

Эти безобидные слова явно несли в себе некое скрытое и отрицательное содержание.

– Очевидно, мы все-таки родственники, – попыталась вмешаться Лесия.

– Я бы не удивилась.

Хитроватый тон Дженни побудил Лесию углубиться в подробности:

– Наши отцы тоже были очень похожи. Мы сами сильно поразились, когда увидели друг друга впервые, можете мне поверить.

– Ну еще бы, – произнесла Дженни с удовольствием и, метнув на Кина многозначительный взгляд, добавила: – Пойдемте со мной, я покажу вам, где можно оставить вещи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Огромный сверкающий белый катер, каким и подобало быть прогулочному судну, транспортированному в Новую Зеландию из Монте-Карло, был оформлен с шиком и восхижительным пренебрежением к деньгам. После обзорной экскурсии хозяйка отвела Лесию в одну из кают, показала ей примыкающую к ней ванную, слишком роскошную, чтобы повернулся язык назвать ее словом «галльюн», и сказала:

– Когда устроитесь, поднимайтесь наверх, в кают-компанию.

После того как она упорхнула прочь, Лесия повернулась к зеркалу. Волна запретной радости при виде Кина, пожалуй, схлынула, и теперь Лесия балансировала на грани счастья и отчаяния. Дженни, должно быть, заметила ее сходство с Кином еще во время их первой встречи, но ничего не сказала, что было несколько странно.

Но это, напомнила себе девушка, ее совсем не касается, разве что Дженни использует заказ на проектирование дома как некую уловку в одной ей понятной игре.

Участвует ли в этой игре Кин?

Распрямив плечи, Лесия вышла из каюты и направилась в салон, где ее ждала юная супруга бизнесмена, постукивая пухлыми пальчиками по светлой кожаной обивке.

– Пойдемте в рубку, – предложила она, прогоняя с лица

угрюмое выражение. – Мы сейчас отчалим.

В рубке Лесия села на широкий мягкий диван и принялась наблюдать, как Брайен Карпендер запускает массивные двигатели.

В нужный момент Кин оттолкнул судно от понтона, затем, точно, до долей секунды рассчитав время, легким грациозным движением вскочил на борт, и катер отвалил от понтона.

Наверное, общение с Энтони научило Лесию с некоторой опаской относиться к рослым высокомерным мужчинам, обладающим избытком мужественного обаяния. А с Кином, подумала она, бросая на него быстрый взгляд, никогда не будешь чувствовать себя в безопасности.

Эта мысль придала девушке твердости и внушила уверенность в себе. Однако все эти достижения развеялись, как дым на ветру, после того как Кин подошел к ней.

– Как дела? – спросил он с отрешенным видом, глядя на нее без тени улыбки.

– Прекрасно, а у вас? – Она перевела глаза на его руки.

– Никаких шрамов, – ответил он холодно. – Я быстро исцеляюсь. Я еще не поблагодарил вас как следует за то, что вы сделали.

– Вы поблагодарили, и, пожалуйста, хватит об этом, – сказала Лесия, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно и весело. – Смотрите на это как на сестринскую помощь.

– Сестринскую помощь? – повторил Кин, намеренно растягивая слова. – Как бы то ни было, вы проявили доброту.

Ваша спина пришла в норму?

Как неблагородно с его стороны напоминать ей о последствиях той ночи, которую она провела у него под боком!

Лесия попыталась беззаботно рассмеяться, но, услышав, что смех получается каким-то дребезжащим, резко оборвала его.

– Моя спина в превосходном состоянии. А как ваша?

– Не жалуюсь. Вы хорошо знаете Дженни?

– Я один раз разговаривала с ней по телефону, и один раз она приезжала ко мне домой. Я надеюсь, что они с Брайеном поручат мне спроектировать для них дом. Дженни, кажется, понравились мои предварительные наброски.

– О, я ничуть не сомневаюсь в этом.

И хотя голос Кина не изменился, Лесии почудился в его словах какой-то скрытый смысл. Значит, и Кину тоже мотивы Дженни кажутся подозрительными?

– Я думала, они ваши друзья, – осторожно сказала Лесия. Лицо Кина приняло непроницаемое выражение.

– Брайен – мой дядя, младший брат матери, – нехотя объяснил он.

Кину явно не по душе второй брак дяди.

– А вы уже бывали на этом острове? – спросила она, чтобы переменить тему.

– Столько раз, что и не сосчитать. Я вырос у Брайена и тети Зиты, и обычно мы проводили уик-энд на острове в маленьком бунгало. Его уже нет там. Дженни решила, что оно

оскорбляет взор, его снесли бульдозером и сожгли.

За этими бесстрастными словами Лесия угадала холодное осуждение. А он спокойно продолжал:

– Как же вы нарисовали дом, не познакомившись предварительно с местом строительства?

– Наброски сделать нетрудно. Их рисуют с целью показать заказчику, что все пожелания учтены и правильно поняты. А сегодня я как раз собралась изучить местность. Должна признаться, что очень удивилась, встретив вас. – Лесия вполне отдавала себе отчет, почему для нее так важно упомянуть об этом факте, и презирала себя за то, что ее беспокоит мнение Кина.

– Это был сюрприз для нас обоих, – спокойно отозвалась Кин. – И прогулки вокруг острова вам будет достаточно, чтобы получить необходимую информацию?

– Нет, но это очень поможет.

На лице Кина мелькнул искренний интерес, и после минутного колебания Лесия принялась объяснять ему, как рождается проект, и с удовольствием отвечала на его вопросы.

Уголком сознания Лесия отметила, что они обогнули мыс и маленький конический вулкан, склоны которого весело зеленели под солнцем. Но она была слишком поглощена беседой, чтобы любоваться морем и сушей. И когда в их разговор вмешалась Дженни, выразительно останавливая взгляд поочередно на лице каждого из них, Лесия была удивлена и

встревожена негодованием, которое испытала при этом.

– А знаете, – заявила молодая женщина, – вы на самом деле не так уж похожи, как мне показалось вначале. Черты лица у вас приблизительно одинаковые, но цвет волос и кожи разный. И еще Лесия выглядит такой тихой и милой, а Кин – жестким и напористым. Но вас можно принять за брата и сестру, это бесспорно.

– Мы не брат и сестра, – произнес Кин, и в его устах эта простая констатация факта прозвучала как предостережение.

Дженни вызывающе рассмеялась.

– Я-то вам верю, – сказала она, взмахивая ресницами в сторону Кина. – Но другие ни за что не поверят. Кстати, вы не хотите еще чего-нибудь выпить? Я могу приготовить чай или кофе, но если предпочитаете прохладительное, пожалуйста – есть сок и другие безалкогольные напитки.

Очень неохотно, но сознавая, что так будет разумнее всего, Лесия сказала:

– Я бы выпила чаю. Можно мне пойти с вами и помочь?

– Спасибо. – Дженни быстро взглянула на Кина. – А вам что принести?

– Ничего, благодарю вас, – ответил Кин с безукоризненной вежливостью.

– Кажется, я допустила оплошность, – сказала Дженни, спустившись вниз.

– Какую?

– Ну ясно, Кин подумал, что я намекаю, будто один из вас – незаконнорожденный, хотя такое объяснение напрашивается само собой. Брайен рассказывал, что отец Кина спал с каждой женщиной, которая была согласна. И это плохо отразилось на его семейной жизни.

Пораженная Лесия открыла было рот, чтобы возразить, но тут же решительно закрыла его.

Все это, еще раз напомнила она себе, ни с какой стороны ее не касается. Разве это ее дело – что Кин на ножах с женой своего дяди?

Дженни поставила чайник на плитку и включила газ. Некоторое время она с кислой улыбкой разглядывала голубые язычки пламени, потом обернулась к Лесии:

– Точно такого же цвета, как глаза Кина. Ведь, кажется, пора бы поумнеть – но нет, стоит ему только взглянуть на меня, как на что-то скользкое, выползающее из-под его башмаков, и я уже не помню себя от ярости, открываю рот и даю себе волю.

– Не думаю, что кому-нибудь, глядя на вас, может прийти такое в голову, – сказала Лесия, твердо решившая не проявлять признаков волнения.

– Женщины смотрят на меня так довольно часто, – вызывая улыбку Дженни, но ее улыбка тут же угасла. – А после того как я вышла за Брайена, и кое-кто из мужчин стал смотреть подобным же образом. Таким, знаете, взглядом, который ясно говорит: «Вот эту можно купить».

Сверху из рубки послышался мужской смех. Пухлые губки Дженни решительно сжались.

– Ну ничего, они еще пожалеют. Вы не проголодались?

– Пока нет, спасибо.

Лесия и сама была виновата в парочке циничных мыслей по поводу этого неравного брака, но, как видно, кроме белокурых волос, больших темных глаз и чувственных губ, в Дженни было и нечто большее.

Лесия устроилась с чашкой чая в некотором отдалении от мужчин, а огромное судно тем временем стремительно и плавно скользило по волнам. Люди с других лодок провожали их пристальным взглядом, кое-кто – но редко – находил нужным помахать. Лесия подумала, что наверняка их обзывают вслед компанией богатых деляг и считают такими же вульгарными, как их плавучий дворец.

– Вот поистине философское выражение лица, – сказал Кин, садясь с ней рядом.

Небрежно, твердя себе каждую секунду, что ни за что на свете не поддастся ему, Лесия ответила:

– Разве? Я просто наслаждаюсь отдыхом.

– Часто вам случалось выходить в море?

– Когда мы жили в коттедже на реке, то почти каждый день, но с тех пор, как я живу в Окленде, я не плавала так далеко ни разу. А вам?

Он покачал головой.

– Я знаком с судовождением, но предпочитаю другие виды

спорта.

– Какие же? – Просто поразительно, до чего Кин интересуется ее, как жадно впитывает она каждое новое, даже самое незначительное, знание о нем.

– Лыжи, – сказал Кин. – А что больше любите вы?

Лесия подняла лицо к солнцу, зажмурилась от яркого света.

– Сидеть на солнце, – проговорила она с легким вздохом, – а если чувствую прилив энергии, то могу почитать книгу.

– Похоже, что в душе вы кошка, – рассмеялся Кин.

– Кошки – благоразумные создания. Я их люблю, – сказала Лесия мечтательно, – но у меня долго не было постоянно-го жилья, и я не могла позволить себе такой роскоши. Правда, в теперешней квартире я рассчитываю прожить несколько лет и, может быть, в один прекрасный день возьму себе котенка.

– Сиамского, – неожиданно предложил Кин, – изящного, аристократичного и сдержанного, похожего на вас.

Лесия невольно открыла сощуренные глаза. Чувство удовлетворения потеснило здравый смысл, заставило испытать всплеск подлинного счастья.

– Очень милый комплимент, но себя я вижу несколько иначе, – сказала она.

Глаза Кина пронзили ее обжигающим взглядом.

– Какой же вы себя видите?

– Добросовестной. Холодной. Честолюбивой, хотя не на-

столько, чтобы быть в полном подчинении у этого качества.

– Вас часто упрекали в холодности? – спросил он с ленивой небрежностью, словно от нечего делать.

– Случалось. Я не часто теряю голову.

Тут Брайен поманил его к себе, и Кин, извинившись, ушел.

«Леди Джейн» обогнула гору с маленькой башенкой маяка и устремилась на широкий простор залива, который отделял большую землю от группы островов. Позади Рангитото вытянулся священный остров Мотутапи, а под прямым углом к нему – длинный, как палец, полуостров Вангапараоа, укрывавший залив от океанских ветров.

Островок, принадлежавший Брайену и Дженни, находился к северу от полуострова и был одним из группы маленьких, зеленых, изумительных по красоте кусочков суши. Лесия взгляделась в дом, приютившийся среди пышной растительности сразу за узкой белой полоской пляжа на ближайшем к ним острове. К ней тут же подошла Дженни.

– Я бы хотела, чтобы наш дом выглядел так же мило, – сказала она, усаживаясь на диване.

– Попробуем.

Взгляд молодой женщины скользнул по Кину и остановился на супруге. Рассеяннo, словно повторяя мантру, она произнесла:

– Придется попробовать. Жизнь и есть не что иное, как непрерывная череда проб... и ошибок.

Лесия кивнула.

– Да, я тоже так думаю.

– Хорошо бы на примере этого дома показать все, на что мы способны, – сказала Дженни. Она подняла глаза, и голос ее изменился, зазвучал почти вызовом. – Это моя идея, и она себя оправдает. Я хочу, чтобы наши дети бегали по полу ногами, выпачканными в песке.

Вызов предназначался Кину, который стоял, облокотившись о борт судна в нескольких шагах от них. Он выпрямился и улыбнулся молодой женщине с неопределенным, но достаточно неприятным выражением.

– А цвет дома, – предложил он вежливо, – должен непременно гармонировать с вашими глазами и волосами.

Дженни рассмеялась несколько визгливым смехом.

– Не валяй дурака, Кин, – сказала она. – Лучше поднимись с Лесией на верхнюю палубу и посмотри, нет ли поблизости дельфинов.

– Я с удовольствием, – поспешила согласиться Лесия. – А что, у нас есть шансы встретить их здесь?

– Такие же, как и в любом другом месте, – ответил Кин, слегка скривив губы. – Ну что ж, идемте.

Верхняя палуба находилась значительно выше рулевой рубки и салона и была довольно узкой. Старательно избегая смотреть на Кина, Лесия принялась глядеть на сияющее бескрайнее море.

– Как чудесно, – блаженно выдохнула она.

– «Нет зрелища пленительней, и в ком
Не дрогнет дух бесчувственно упрямый
Пред этой величавой панорамой»,¹

– процитировал Кин и ответил на ее удивленный взгляд улыбкой еще более сардонической, чем та, которую он адресовал Дженни. – Я не совсем далек от литературы, – сказал он, и синие глаза сверкнули, как иней под солнцем в морозный день.

Цепляясь за ускользающее самообладание, Лесия сказала:

– Любой, кто в наши дни способен цитировать стихи, – человек необыкновенный. А особенно Вордсворта.

– В пансионе наш преподаватель английского твердо верил, что коллективная мудрость человечества заключена в поэзии. Нас пичкали ею в изобилии, и вот теперь я могу читать наизусть почти всех английских классиков. А вас кто познакомил с Вордсвортом?

– Моя мама. – Лесия улыбнулась про себя, представив юного Кина, упрямо зубрящего стихи. – У нее было много общего с вашим преподавателем. Другим детям родители читают на ночь сказки, мне же читали стихи. И только когда мама вышла замуж за отчима, я узнала, что есть, оказывает-

¹ Уильям Вордсворт. «Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сент. 1803 года». Перевод В. Левика.

ся, множество книжек, написанных специально для детей... Смотрите, смотрите – дельфины!

Они появились внезапно – вольные дети моря, похожие на серебристые стрелы, и принялись весело резвиться в волнах. Гладкие, гибкие и блестящие, они выпрыгивали из воды, переполненные радостью бытия.

– Интересно, за что мы их так любим? – пробормотала Лесия, следя за играми дельфинов со смехом и благоговейным трепетом.

– За то, что они любят нас просто так, ни за что, и ничего от нас не ждут, – предположил Кин. Он немного помолчал и добавил уже другим тоном: – И потому, что любая красота согревает нам сердце.

Лесия удивленно взглянула на него. Глаза Кина были прикованы к ее лицу с каким-то свирепым вниманием. Они пронзили хрупкий защитный барьер ее светской маски. Девушка сжалась, чувствуя, как кровь волной прилила к щекам.

– Ну конечно, ведь на то она и красота, – сказала Лесия, цепляясь за первую пришедшую в голову банальность, чтобы поскорее прекратить это безмолвное общение, которое лишало ее присутствия духа. – Пожалуй, я спущусь вниз, узнаю, не надо ли чем-то помочь Дженни.

– Вряд ли Дженни нужна ваша помощь, – спокойно сказал Кин. – Она очень самостоятельное и организованное существо.

– А все-таки вдруг ей что-то понадобится... – И Лесия обратилась в бегство.

Трудно отгадать, что именно таится за угрюмым равнодушием Кина, но, когда он заговаривает о жене своего дяди, в его голосе звучит открытая неприязнь. Неужели его так злит этот неравный брак? Или тут кроется что-то еще?

Но тебе этого знать не нужно, протестовал здравый смысл Лесин, пока она спускалась вниз на основную палубу. Помни – тебя это не интересует.

Катер наконец плавно вошел в бухточку, обрамленную пляжем примерно метров двести длиной. Два пологих мыса увенчивали редко растущие погутукавы, а плоское пространство между ними густо покрывали заросли чайного дерева. Безобразное черное пятно свидетельствовало о бывшем местонахождении маленького бунгало, о котором упоминал Кин, и о постигшей его печальной участи.

Брайен заглушил мотор и начал спускать якорь, а Кин сбросил на воду большую надувную шлюпку. Дженни, стоявшая рядом с Лесией, сказала:

– Видите слева вон тот холм? Как раз на нем мы и хотим построить дом. Хорошо бы расположить его между деревьями и сделать так, чтобы ни одно не пришлось срубить.

– Прекрасное место, – откликнулась Лесия. – Оно открыто с севера и запада, и зимой солнце будет светить в окна весь день. Мне придется сделать ряд замеров.

– Мы вам поможем. – Дженни коротко, возбужденно рас-

смеялась. – Вы только скажите, что нужно, и мы все сделаем.

Следующий час они провели, бродя по холму; Лесия энергично писала в блокноте, рисовала и руководила мужчинами, которые делали нужные замеры. Через полчаса Дженни покинула их и стала готовить обед в тени одного из больших деревьев, после чего пригласила всех перекусить. Дженни была великолепной хозяйкой, а если судить по вкусно приготовленной еде – такой же прекрасной кулинаркой. Но приятную трапезу омрачала заметная напряженность, царившая в атмосфере, и Лесия с облегчением вздохнула, когда Брайен и Дженни решили обойти свои небольшие владения.

Кин прислонился спиной к стволу старого дерева и вытянул длинные ноги. Пробившийся сквозь листву луч солнца упал на него сверху, позолотил волосы, которые засветились янтарным блеском, подчеркнул строгую форму темных бровей, бороздку на подбородке, скульптурную красоту губ. Небрежная поза, полузакрытые глаза, казалось бы, демонстрировали полное расслабление, но быстрый и осторожный взгляд сказал Лесии, что скорее он похож на сжатую тугую пружину.

Может быть, он тоже наблюдает за ней из-под темных ресниц? И так же, как она, украдкой следит за каждым ее движением.

Легкий бриз, долетавший с моря, утих, и землю начал обволакивать томительный зной. Даже чайки прекратили свои бесконечные споры и неподвижно уселись у края воды, по-

хожие на маленькие ледяные эскимосские хижины – иглу, и только острые красные клювы и черные глазки их настороженно поблескивали. По спине у Лесин пробежала струйка пота.

– Пойду запишу еще кое-какие данные, – беспокойно проговорила она.

– Лучше не мешайте им, – посоветовал Кин насмешливо. – Они женаты всего шесть месяцев.

Он вскинул на нее глаза, и в их сине-фиолетовой глубине Лесия увидела холодный едкий цинизм.

– Дженни – хорошая кулинарка, – некстати пробормотала Лесия.

– Сомневаюсь, чтобы она умела хотя бы включать плиту, – ядовито возразил Кин. – Вся еда взята из ближайшей кулинарии.

– Откуда вы знаете?

– Я уже ел все это прежде, – равнодушно ответил он.

– За что вы ее не любите?

– Какая вы прозорливая, – усмехнулся Кин. – Дело не в моей любви или нелюбви. На самом деле я даже уважаю ее за то, что она сумела наилучшим образом использовать свои скромные достоинства и таланты.

Осторожно, нащупывая почву под ногами, Лесия спросила:

– Неужели это вас как-то затрагивает?

– Брайен – мой дядя, – ответил Кин бесстрастно.

– Вы к нему сильно привязаны?

– Я считаю, что он круглый дурак, – продолжал Кин злым, режущим слух тоном. – Но я к нему действительно привязан. Рано или поздно ему понадобятся все друзья, какие у него только есть.

Поскольку Кин смотрел на море, Лесия позволила своим глазам задержаться на его четком профиле с узкой переносицей, угловатым подбородком и широким лбом, черты которого казались ей такими знакомыми и в то же время совсем чужими.

Кин поднял ресницы, и Лесия увидела, что его глаза стали совсем черными от расширенных зрачков. Яркие и мрачные, подумала она в замешательстве. Никогда она прежде не видела таких глаз – темно-синих и тем не менее прозрачных, одновременно туманных и полных скрытого огня.

– Вы так смотрите, – неожиданно сказал Кин, – словно собираетесь перерезать мне горло.

Он, разумеется, дразнил ее, но Лесия не считала себя обязанной подстраиваться под неожиданные, непредсказуемые перемены в его настроении.

– Для меня это чересчур драматично, – беспечно произнесла она, пытаясь улыбнуться как можно веселее. – Я предпочитаю вести спокойную жизнь.

Кин тихо рассмеялся.

– У вас очень милое чувство юмора, – сказал он. – И очень красивая спина.

– Что? – Девушка растерянно уставилась на него.

– Я заметил это еще до обеда, когда вы бежали вверх и вниз по холму с блокнотом, – лениво растягивая слова, говорил он. – Волосы мешали вам, и вы спрятали их под шляпу. Таким образом на свет показалась красивая спина.

Пораженная неприкрытой чувственностью, звучавшей в его тоне, Лесия нервно сглотнула слюну. Кин рушил барьеры, которые они по безмолвному соглашению возвели между собою. Во вкрадчивом голосе Кина не было ничего родственного, в нем слышалось лишь откровенное мужское одобрение, подкрепленное внимательным изучающим взглядом.

– Полагаю, я должна сказать вам спасибо, – холодно и сдержанно выговорила Лесия.

– О, не стоит меня благодарить, – с иронией отозвался Кин. – Для нас обоих было бы лучше, если бы я не заметил эту изящную стройную шейку и грациозное движение, которым вы нагибаетесь и снова выпрямляетесь, или вашу походку – как у юной богини, гибкую и уверенную, с едва уловимым соблазнительным покачиванием бедер, когда вы при ходьбе переставляете ваши длинные ножки. Я думаю, вы еще доставите мне много хлопот, Лесия Спринг.

Последнего Лесия предпочла бы не услышать! Быстро, прежде чем он успел добавить что-нибудь еще, она заявила:

– Если бы я знала, что вы тоже сегодня здесь будете, я бы ни за что не поехала, потому что решила больше не видеться

с вами.

Глаза Кина за густой завесой ресниц вспыхнули, затем их синева потускнела, губы сжались.

– Весьма благоразумно с вашей стороны, – заметил он скупающим тоном.

– У меня есть сведения для тети Софи... Но не волнуйтесь, я вовсе не считаю себя членом вашей семьи.

– Это ваше право, – ответил Кин, закрывая глаза. – Но у меня такое чувство, что она думает иначе. Однако нас это не должно касаться. У меня полно родственников, которых я никогда не видел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лесия взяла свой блокнот.

– Пойду еще немного почеркаю. Спите спокойно. – Она порывисто поднялась, досадуя на его слова и в то же время пытаясь побороть в себе сильное возбуждение.

Тебе некогда сейчас этим заниматься, у тебя здесь работа, подожди, пока приедешь домой и приведешь свои мысли в порядок, твердила себе Лесия, направляясь вдоль берега к камням, видневшимся в конце мыса.

Выбрав один – сухой, плоский и почти комфортабельный, она села и, сдвинув брови, принялась чертить. Дом должен хорошо вписываться в пейзаж и подчеркивать дух и красоту острова – неяркую зелень кустарника, бледный полукруг песчаного пляжа, могучие, раскинутые шатром ветви погутукавы, залитые светом, струящимся с высокого летнего неба.

Строго-настрога запретив себе думать о мужчине, который лежал сейчас на берегу и, должно быть, безмятежно спал, Лесия пролистала страницы и остановилась на рисунке, который Дженни разглядывала с особым интересом. Да, этот вариант хорошо гармонирует с ландшафтом острова, и бухтой, и первозданной природой, а также небом и морем, заключавшими остров в прозрачную сферу. Конечно, эскиз предстояло еще дорабатывать, но он вызывал убежденность,

что получится что-то стоящее.

Час спустя Лесия захлопнула блокнот, встала и слегка потянулась, прежде чем пуститься в обратный путь.

На песчаном берегу ее встретила Дженни. Она успела переодеться в очаровательное бикини, выставлявшее напоказ ее округлости, и жоржетовую блузку, которая едва прикрывала их. Дженни была хорошо сложена от природы и достаточно спортивна, однако окружавший ее светящийся ореол какого-то изобилия заставил Лесию задуматься: не ждет ли она ребенка?

– Мы идем плавать, присоединяйтесь, – сказала Дженни, поглядывая на блокнот.

Лесия переделалась на маленькой прогалине, тесно окруженной чайными кустами, издававшими запах бальзама. Когда она появилась на берегу, Дженни и Брайен плескались в воде, вскрикивая и смеясь, а другим человеком, плывшим по направлению к катеру, был, по-видимому, Кин.

Море оказалось восхитительно теплым, словно парное молоко. Лесия медленно зашла в воду, наслаждаясь ее шелковистым прикосновением к пересохшей коже. Горячие лучи обжигали ей плечи и спину, и Лесия окунулась и поплыла вдоль берега и вскоре оказалась в стороне от остальных.

Здесь, лениво подумала она, наверное, есть устрицы, блестящие, как бриллианты, и разноцветные жемчужины, и кораллы, и пальмы. Вода была до того прозрачной, что виднелись сверкающие флотилии крохотных рыбок, сновавших

между ней и песчаным дном. Когда-нибудь она отправится в путешествие по тропикам, посетит все острова Тихого океана...

Внезапно что-то похожее на шип розы больно оцарапало ей спину и вырвало из мира мечтаний. Выбравшись из воды, Лесия побежала по раскаленному песку в тень дерева, под которым они разбили лагерь, и схватила свое полотенце. Она вытиралась, когда сзади послышался вопрос:

– Что-то случилось?

Сердце ее учащенно забилося. Не оборачиваясь, она ответила как ни в чем не бывало:

– Все прекрасно.

– Но вы выскочили из моря, как ошпаренная кошка, – сказал Кин.

Слегка пожав плечами, Лесия объяснила спокойным беззаботным голосом:

– Меня ужалила медуза, а поскольку у меня от этого бывает аллергия, я и поспешила выйти.

– Дайте мне взглянуть, – потребовал он настойчиво. Лесия неохотно предоставила ему спину для обозрения. Спину, которая так ему понравилась, отметила некая греховная частица ее сознания.

– Здесь и правда порядочный рубец, – сказал Кин, не пытаясь скрыть тревоги. Его рука была прохладной и влажной, и тем не менее стоило ему прикоснуться к ней, как из этой точки по ее телу, набирая силу, пробежал электрический за-

ряд и сосредоточился в центре солнечного сплетения.

– У вас есть что-нибудь на этот случай? – спросил Кин.

– Нет, все и так обойдется, – хрипло выговорила Лесия и несколько раз проглотила слюну, чтобы прочистить горло. – Немного пощиплет, поболит, а потом пройдет само собой.

– Бедная девочка, – тихо произнес Кин, и голос его внешне утратил обычную резкость и сделался мягким, как бархат. Он опустил руку и поцеловал то место на ее спине, которого только что касался.

Дыхание тугим комочком застряло в груди. Прикосновение длилось не дольше доли секунды, но она продолжала ощущать его отпечаток, словно звезду, которая опустилась на ее кожу, чтобы теперь сверкать там всегда. Она не могла ни говорить, ни шевелиться до тех пор, пока мир снова не пришел в движение. Тогда она оглянулась через плечо, зная, что в ее округлившихся глазах отражается строгое изумление.

Чувство, захлестнувшее Лесию, было ярким, и обжигающим, и безрассудным, оно смело на своем пути такие похвальные качества, как здравый смысл, осторожность и сдержанность, подчиняя волю и инстинкт самосохранения чему-то, обессиливающему, первобытному желанию.

– Лесия, – произнес Кин низким глухим голосом, – у вас кожа как горячий атлас, ровная и гладкая, точно слоновая кость, а вода, бегущая по ней, превращается в вино.

Тут, к счастью, поскольку Лесия не знала, как положить

конец этой сцене, Брайен и Дженни вышли из воды и подошли к ним. Кин отступил назад, и огонь в его глазах потух, подчинившись непреклонной решимости. Жадно лояртом воздух, Лесия отвернулась и поспешно закуталась в полотенце, так что только плечи и ноги остались неприкрытыми. Она старательно избегала смотреть в сторону Кина, который в своих темно-синих шортах представлял собой роскошное зрелище. Великолепие его худощавого тела с изумительной мускулатурой беспощадно подчеркивало несовершенство фигуры и явный недостаток гибкости в его дядюшке.

Карпентеры, по-видимому, не заметили неловкости, которая нависла над их гостями, точно раздвоенная молния. Пока они вытирались, оживленно беседуя, в голове Лесин мысли снова рассортировались по полочкам, и она с облегчением почувствовала, как они возвращаются на торные пути логики и здравомыслия.

Все решили не одеваться до тех пор, пока не вернутся обратно на катер, и Лесия все это время старательно держалась подальше от Кина. Боль в спине сменилась ощущением жара. По предыдущему опыту Лесия знала, что настоящая реакция последует через несколько часов, а к этому времени она уже будет на пути домой.

Когда солнце начало клониться к западу, они собрали вещи и поднялись на борт, и Лесия с удовольствием спустилась вниз, чтобы смыть под душем соль и переодеться.

Она зачесала назад влажные волосы, смазала кожу увлажняющим кремом, нанесла на губы немного блеска и открыла дверь в кают-компанию. Сквозь мерный стук моторов она отчетливо различила два голоса – Дженни и Кина.

– А ты бы на мне женился? – отрывисто спрашивала Дженни.

Услышав смех Кина, Лесия застыла на месте.

– Ничто на свете не заставило бы меня на тебе жениться, – ответил он, и в его голосе холодным огнем полыхнуло презрение.

– Тогда кто ты такой, чтобы осуждать меня за то, что я поступила с наибольшей выгодой для себя?

– Осуждать тебя? Я осуждаю тебя вовсе не за стремление выйти замуж за богатого, – сказал он и добавил безжалостно: – В конце концов, ты не первая хорошенькая женщина, которая сбилась с праведного пути, желая извлечь выгоду из достоинств, полученных при рождении. Я обвиняю тебя в том, что ты использовала Брайена, чтобы добраться до меня.

– Господи, ну и злой у тебя язык! Слушай, все совсем не так.

– Не лги, – возразил он скучающим голосом. – Это...

– Кин! – сердито перебила его Дженни. – Что бы ты по этому поводу ни думал, я теперь член семьи, и тут ты ничего изменить не можешь. Общайся с Брайеном, ты будешь общаться и со мной.

– В таком случае, – сказал Кин, даже не пытаясь скрыть

угрозы, которая ясно слышалась в его тоне, – избави тебя Бог сделать неверный шаг, потому что я стану следить за тобой и...

Придя в себя от сковавшего ее испуга, Лесия попятилась назад в свою каюту и закрыла дверь так тихо, словно была опытной шпионкой. Следующие пять минут она стояла посреди гнетуще роскошной каюты, не мигая глядя в иллюминатор.

Она несколько раз проглотила слюну, пытаясь избавиться от металлического привкуса во рту. Ледяное отвращение в голосе Кина делало очевидным, что их связь с Дженни была сугубо плотской.

Может быть, он пошел в своего отца, который – по словам Дженни – изменял жене направо и налево?

Так или нет, но подслушанный разговор укрепил решимость Лесии держаться от Кина как можно дальше. С горечью признав, что его безграничное обаяние околдовало ее, она сжала зубы и вышла из каюты, производя как можно больше шума. На сей раз, если не считать глухого рокота мотора, кругом царила благословенная тишина.

Оглядев помещение, Лесия увидела Кина в рубке у штурвала, а Дженни и Брайена нигде поблизости не было.

Не поворачиваясь, Кин спросил самым будничным голосом:

– Хотите порулить?

– Нет, спасибо. – Тон получился суровым и укоризненным.

ным, и Лесия постаралась смягчить его: – Я уже так давно не управляла судном, да и катер моего отчима не идет ни в какое сравнение с этой громадиной.

Кин поднял брови.

– Бойтесь? – спросил он, сощуривая заблестевшие глаза.

– Нет.

– Что же тогда вас останавливает?

Поскольку спорить из-за такого пустяка было глупо, Лесия буркнула довольно нелюбезно:

– Ладно, я попробую.

Он встал рядом – уж слишком близко, подумала Лесия, осторожно кладя руки на штурвал, где прежде лежали руки Кина, и чувствуя, как в ее ладони проникает их живое тепло.

– Держите курс на тот проход между Тири и полуостровом, – сказал Кин.

– Без компаса? – спросила она беспечно, пытаясь скрыть убийственный эффект, который оказывало на нее его присутствие.

– Компас есть, но он не нужен, если на море хорошая видимость, – сухо вымолвил Кин, усмехаясь уголком рта.

Некоторые мужчины, думала Лесия, не отводя глаз от узкого водного коридора, обладают личным обаянием, которое им ничего не стоит и не имеет никакого отношения к их подлинной сущности. Должно быть, какой-то изъян в ее собственной натуре заставляет ее тянуться именно к таким мужчинам.

Но Кин подвергал себя опасности, чтобы спасти женщину и ребенка из горящей машины, хотя эта авария оживила в его памяти детский кошмар. Он ни на секунду не задумался об опасности, грозившей ему самому. Что бы ни скрывалось за привлекательной наружностью Кина, его отличает незаурядная храбрость. Энтони никогда не смог бы действовать с таким упорством и решимостью.

Следуя ходу своих размышлений, Лесия сказала:

– Я читала интервью той женщины, которую вы спасли. Бедняжка, она потеряла сразу мужа и брата. Какое счастье для ее ребенка, что хоть она осталась жить.

Большая волна ударила в борт судна, и девушка машинально повернула руль, задержала его на секунду, потом снова скорректировала курс.

– Вот видите, это не забывается, – заметил Кин.

– Очевидно. – Лесия так и не поняла, что доставило ей большее удовольствие – похвала Кина или сознание, что она не утратила приобретенный когда-то навык.

– Рик – этой мой отчим – был бы рад узнать, что так хорошо научил меня.

– Сколько вам было лет, когда ваша мать вышла замуж во второй раз?

– Четыре. Я была ужасным ребенком. – Тема казалась вполне безобидной, и Лесия продолжала: – Я прекрасно это помню. Сначала все суетились вокруг меня, а потом мама ушла и оставила меня с новой бабушкой! Я брыкалась и виз-

жала на чем свет стоит, словом, устроила грандиозный скандал. Представляю, что подумала моя новая родня!

– Они наверняка приняли в расчет то, что вы устали и перевозбудились, – сказал Кин, и в его тоне ей послышалась улыбка.

– По крайней мере они никогда мне это не припоминали.

– Вы их любите?

– Очень! Гисборн – как одна большая семья, все в нем отлично знают друг друга. Мама моя выросла там, и ее родители, дяди, тети и кузены были рады принять нас, когда мы вернулись домой после смерти отца.

Кин рассеянно кивнул. Глаза его смотрели куда-то вдаль. Может быть, он вспомнил свою далеко не благополучную семью. Лесия, оглянувшись, сказала:

– Вы только посмотрите, как трудятся чайки!

– А вы бы хотели порыбачить?

Сзади раздался голос Дженни:

– Очень жаль, но это невозможно. Мы с Брайеном сегодня вечером идем в гости, поэтому приходится торопиться.

Дженни немного раскраснелась от солнца, но ее хорошенькое личико выражало полную безмятежность, а улыбка, с которой она смотрела на Лесию и Кина, была дружеской и лишенной всякой задней мысли. Никогда не подумаешь, что всего несколько минут назад эти двое жестоко ссорились.

Знает ли Брайен, что когда-то они были любовниками?

Нечто существенное в ее жизненном балансе неуловимо

изменилось в тот момент, когда Кин запечатлел на ее спине свой поцелуй. Подобный поцелуй был вполне допустим при легком флирте. Но Кин казался слишком... опасным. Такие не ведут себя легкомысленно.

Словно в ответ на это спина ее снова начала зудеть. Когда в рубку вошел Брайен, Лесия с улыбкой передала ему штурвал и, отойдя в сторону, прислонилась зудящим местом к стене. Выгнув лопатки, она потерлась о нее воспаленной кожей, зная, что сделает этим только хуже.

Она была абсолютно уверена, что Кин даже не смотрит в ее сторону, и покраснела с головы до пят, когда, к ее большой досаде, он вдруг спросил:

– Дженни, где у вас здесь аптечка?

– А что? – спросила молодая женщина. – Случилось что-нибудь?

– Лесию ужалила медуза.

– О, это бывает больно. Там есть тюбик с антигистаминовой мазью, попробуйте, – предложил Брайен.

– Я помогу вам втереть, – любезно предложил Кин.

Его тон показался Лесин подозрительным, и она ответила как можно бодрее:

– Спасибо, но, право, не стоит, ожоги медуз, в общем-то, не вызывают у меня сильной аллергии, только зудит слегка в течение часа или около того.

– Я все-таки думаю, что мазь не помешает, – сказала Дженни. – Пойдемте со мной вниз, я смажу вам спину. За-

чем напрасно терпеть мучения, если можно этого избежать.

В салоне она осмотрела ожог и воскликнула:

– О, да тут и правда сильное раздражение! А дома у вас есть лекарство?

Прохладная мазь облегчила боль, и Лесия блаженно вздохнула.

– Нет, но...

– Тогда возьмите это с собой.

– И у вас ничего не останется? Лучше я забегу в дежурную аптеку и куплю какое-нибудь снадобье.

– И хорошо сделаете. – Дженни завинтила тюбик колпачком. – Похоже, что одной мазью вам не обойтись.

– Спасибо, – сказала Лесия, натягивая футболку. – Мне намного легче.

Дженни спрятала тюбик назад в аптечную коробку. Движения ее были неторопливыми и точными. Она защелкнула замок на крышке и сказала неожиданно:

– Вы ведь не очень хорошо знаете Кина, правда?

– Да... – Лесия вовсе не хотела слышать то, что, как она предчувствовала, сейчас придется ей услышать, но не успела открыть рот, чтобы возразить, как Дженни уже быстро заговорила:

– Кин жестокий человек и очень опасный. Он очень сексуален. Женщины бегают за ним, и он использует свою физическую привлекательность как оружие. – Она отвела глаза от Лесин и уставилась в какую-то точку, а после мгновенной

паузы продолжила уже совершенно иным голосом: – Я уверена, что вам следует взять в аптеке еще какие-нибудь лекарства, а то, кажется, спина у вас начинает распухать.

Лесия не удивилась, когда услышала с порога голос Кина: – Не беспокойтесь, я прослежу, чтобы она это сделала.

На какое-то время мазь принесла облегчение, но, когда причалили к пристани, рубец на спине, снова принялся здорово зудеть, хуже того, Лесия ощутила в нем пульсирующую боль, что было необычно. Она пыталась не обращать внимания, но не могла отделаться от неловкого чувства, что Кин несколько не верит ее показной беспечности.

– Вы приехали в автомобиле? – спросил ее Брайен.

– Нет, я пришла пешком. Я живу совсем недалеко отсюда.

Кин поднял голову.

– Я отвезу ее домой, а по пути мы заглянем в аптеку.

– Хорошая мысль, – кивнул Брайен.

Лесия подождала, когда все направятся к автостоянке.

– Не стоит беспокоиться, Кин, – сказала она. – К тому же вам это совсем не по дороге. Высадите меня у дома, а если станет хуже, я сама съезжу в аптеку.

– Вы что же думаете, я не вижу, как вам больно? А если станет еще хуже, вряд ли вы сможете сесть за руль. Чтобы заехать за лекарством, потребуется всего десять лишних минут, так что бросьте глупить и садитесь в машину.

Тон у него был шутливый, но достаточно было встретиться с его жестким взглядом, чтобы понять: он настоит на сво-

ем. Однако ужаленное место ныло все сильнее, а мысли в гудящей голове шевелились с трудом, и она повиновалась.

Когда они подъехали к аптеке, Кин помог ей выйти из машины и, обхватив за талию, завел в здание. Фармацевту достаточно было одного взгляда на ее спину.

– Да, у нас есть мазь, которая вам поможет, но лучше всего, если вы примете лекарство и внутрь.

Через несколько минут после того, как они снова сели в автомобиль, таблетка начала оказывать действие. Лесия чувствовала себя словно после бокала шампанского. Она выпрямилась, напряженно вглядываясь в окно машины.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Кин.

– Ужасно, – ответила Лесия как можно спокойнее. – Все как в тумане, голова совсем не работает. Ненавижу это состояние.

– Когда теряешь контроль над собой... – Голос Кина сейчас был задумчивым. – Да, мне это знакомо.

Через несколько минут они подъехали к дому Лесии.

– Я поднимусь с вами, – произнес Кин спокойным и твердым, не допускающим возражений тоном и потянулся через нее, чтобы открыть ей дверцу, как раз в тот момент, когда Лесия наклонилась вперед, чтобы сделать это самой. Его пальцы задели ее грудь. Замерев, как пойманный зверек, девушка с удивлением подумала: как это от такого ничтожного прикосновения ее могло с головы до пят обдать жаром? На одно рискованное мгновение ее охватило искушение под-

даться томной слабости и забыть о благоразумии.

Но она быстро выбралась из машины, подальше от соблазна. Выпрямившись, она смотрела, как Кин достает с заднего сиденья ее рюкзак, потом выходит на тротуар и запирает дверцу. Солнечные лучи упали на его волосы, заиграли на ресницах, и у Лесии пересохли губы и горло. Андреа была права тогда. Кин двигался с гибкой, неторопливой, пружинистой грацией крадущегося хищника, крупного и опасного.

– Идемте, – сказал он, держа в руке рюкзак. – Я провожу вас наверх.

Лесия покачала головой, досадуя на то, что она сейчас такая тяжелая, а веки почти слипаются.

– Нет...

– Вы едва держитесь на ногах, – сказал он резко.

– Нет, – повторила она, цепляясь за спасительное слово. – Мне хорошо, правда хорошо. И вы мне не нужны.

Его глаза потемнели, на скулах заиграли желваки. Казалось, гнев наэлектризовал и переполнил его настолько, что от него исходят невидимые вибрирующие лучи. Впервые Лесия почувствовала себя абсолютно беззащитной под его тяжелым взглядом.

– Знаю, – произнес он, пряча досаду за равнодушием. – Я дойду с вами до вашей двери и там вас покину.

Лесия поняла, что от этого он не откажется. Коротко кивнув, она прошла в вестибюль. Слава Богу, что в доме есть лифт, она вовсе не уверена, что смогла бы сейчас подняться

по ступеням. У двери ее квартиры Кин подождал, пока она повернет ключ в замке, и затем вручил ей рюкзак.

– До свидания, – сказал он и улыбнулся непонятной хищной улыбкой.

– Спасибо, – пробормотала Лесия и, войдя внутрь, захлопнула за собой дверь.

Она, конечно, не могла слышать шума его шагов, ведь она сама выбирала звукоизоляцию для своей квартиры. И она, разумеется, не побежала к окну, чтобы еще разок посмотреть на него. Лесия стояла в маленькой прихожей, прижимая к груди рюкзак, словно защищаясь от кого-то, и ждала, а глаза ее тем временем наполнялись слезами. Конечно, во всем виновата несчастная таблетка. Что же еще?

Она вылезла из своей просоленной одежды и приняла душ, потом натянула самую старую и широкую футболку, чтобы, подчиняясь велению лекарства, улечься в постель, и все это время по ее лицу тихо катились слезы. Она не рыдала, не всхлипывала, она просто не могла ничего поделать со своими глазами.

На следующее утро Лесия проснулась от боли. Место ожога воспалилось, кожа горела, а она, к несчастью, никак не могла до него дотянуться. Прошло несколько минут, прежде чем она с большим трудом умудрилась нанести мазь на больное место: ей пришлось намотать пропитанную мазью вату на черенок деревянной ложки, – но кожа по-прежнему продолжала неумолимо зудеть.

Кин позвонил ей вскоре после девяти.

– Как дела? – спросил он сухим, мрачным, бесстрастным голосом.

– Все отлично, спасибо, – ответила она сдержанно. – Мне намного лучше.

– Вы хорошо спали ночью?

– Конечно, таблетка просто свалила меня с ног. – Она снова облизала губы, сухие, по-видимому, еще под воздействием вчерашнего лекарства. Во время наступившей маленькой паузы Лесия услышала, как на другом конце провода кто-то что-то говорит. Женщина.

Ее пальцы с силой сжали трубку. Веселым, звонким и твердым голосом Лесия сказала:

– Спасибо за звонок, Кин. До свидания.

– До свидания.

О Боже, думала она, аккуратно опуская трубку на рычаг. Лесия Спринг, вы, кажется, ревнуете! Ревность вас просто душит, вы злитесь, страдаете и безумно, мучительно завидуете той женщине, которая сейчас вместе с ним. Однако все это довольно смешно. С какой стати ее так потрясла и разгневала мысль о том, что у Кина есть женщина?

Когда настало время обедать, она уже настолько приободрилась, что съела салат и выпила чашку крепкого кофе, который окончательно оживил ее, и даже смогла принять приглашение друзей, которые устраивали пикник с барбекю – мясом, жаренным на вертеле.

Но даже этот вечер, который она провела в тени раскидистой магнолии, в приятной беседе, почти не изменил подавленного состояния ее духа. И неделю спустя, когда ожог перестал наконец зудеть, ей пришлось признать, что винить во всем лекарство больше не имеет смысла.

Ее тоска по Кину была столь острой, что лишала всех радостей жизни. И это было еще глупее, чем ревность. Ведь Кин никогда не был ее собственностью, чтобы так болезненно ощущать его отсутствие.

Это все женское одиночество, сказала она своему отражению в зеркале. Ты созрела, чтобы иметь любовника. А Кин просто подвернулся под руку, случайно.

Лесия решительно свернула волосы в тугой узел на затылке. Сегодня был свободный от заказчиков день, и она собиралась заглянуть в два новых магазина кухонной утвари, прочесать частым гребешком большой торговый центр сантехники, пообедать с Андреа, потом проверить партию только что прибывшей из Италии керамической плитки и, наконец, заехать к женщине, которая делала для нее рабочие чертежи.

Хороший день. Раньше такие дни всегда доставляли Лесин удовольствие.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Но все получилось не так, как рассчитывала Лесия. Сначала у самого входа в торговый центр в Ньюмаркете она наткнулась на Дженни Карпенгер, свеженькую и аппетитную, как кинозвезда пятидесятых годов.

– Привет! – улыбаясь, воскликнула молодая женщина. – Я получила ваше милое письмо, где вы благодарите нас за морскую прогулку. Вы не зайдете со мной выпить чашечку кофе?

Усевшись на стул в кафе, Дженни огляделась с довольной улыбкой.

– Мне очень нравится это место. Здесь есть шик. – Она заказала себе фруктовый сок и, выбрав скромную булочку, с завистью взглянула на Лесию. – Хотела бы я быть дюймов на шесть выше, – сказала она, похлопав себя по бедру. – Тогда бы я чувствовала себя свободнее, а не считала бы каждую съеденную калорию.

Уголки ее губ раздвинулись в улыбке, скорее самодовольной, чем просто удовлетворенной.

Не дождавшись продолжения, Лесия заговорила о доме, который Дженни намеревалась воздвигнуть на острове. Дженни прекрасно знала, что ей надо, хотя и была готова обдумать предложения архитектора.

– Кухня – вот что для меня особенно важно, – говорила

она. – Я намерена иметь несколько детей. От первой жены у Брайена детей не было, и он с восторгом ухватился за эту идею... – И снова этот быстрый промельк довольной улыбки. – Значит, надо быть практичной. Я хочу иметь возможность за полчаса приготовить изысканное блюдо. Тогда мне не придется полагаться во всем на нашу безотказную кулинарию.

Итак, Кин был прав. Насколько же хорошо он успел узнать Дженни! Прогнав неприятную мысль, Лесия углубилась в обсуждение, и к тому времени, как они покончили с кофе и пришли к ряду решений по поводу будущего дома, ее уважение к молодой женщине успело заметно возрасти. Судя по всему, Дженни обещала быть идеальной заказчицей, думала Лесия час спустя, снова направляясь к хозяйственному магазину.

Лесия взбодрилась еще больше после того, как осмотрела партию прекрасной итальянской плитки. А подъезжая к дому чертежницы, она почти рассталась с томительными предчувствиями, которые вползли в ее жизнь, словно морской туман.

Однако, вернувшись домой, Лесия сразу увидела, что на телефоне мигает красная лампочка. Она уставилась на нее, словно загипнотизированная.

– Ну, не будь дурочкой! – сказала она себе и нажала кнопку.

Голос тети Софи произнес: «Моя дорогая, запись на ва-

шем автоответчике звучит уж очень по-деловому! Вы не смогли бы заехать сегодня ко мне часов в семь? Я обнаружила кое-что, по-моему, очень интересное. – В трубке послышался шаловливый смех. – Я бы сказала вам, что именно я открыла, но я так люблю видеть лица людей, которым преподносится сюрприз!»

Лесия перемотала пленку и несколько минут стояла у окна, глядя вниз на поток автомобилей. А Кин тоже будет сегодня у своей бабушки?

Но зачем ему приходиться?

И все же вечером Лесия переделась в свою любимую зеленую шелковую блузку и темно-зеленые полотняные брюки, обмотала голову зеленым шарфом и очень тщательно подкрасила губы. Глубоко запрятанное возбуждение не ослабевало в ней до тех пор, пока Софи Уорбертон не открыла ей дверь и не провела в гостиную со словами:

– Я спрашивала у Кина, не хочет ли он тоже прийти, но он сегодня с кем-то договорился.

Входите, дорогая, и взгляните вот на это. А я пока налью вам шерри.

«Это» представляло собой фотокопию свидетельства о рождении Летиции Эвадны Болсвер, которая родилась в Англии почти сто пятьдесят лет назад.

– Летиция, – со смаком выговорила тетя Софи, ставя рядом с локтем девушки рюмку с золотистой жидкостью, – ее детское имя тоже могло быть Лесия! Интересно, каким об-

разом это имя попало в вашу семью? Видите ли, она вышла замуж за Бернарда Пейджета и имела от него пятерых сыновей, и каждый из них мог стать связующим звеном между вашим родом и нашим.

Испытывая странное головокружение, Лесия положила бумагу на стол.

– Это возможно, – подтвердила она. – Но имя должно было пройти через несколько поколений мужчин, ни один из которых не имел дочерей, как известно. Вы думаете, они хранили его в памяти?

Старушка озорно подмигнула.

– Признаю, это кажется абсолютно неправдоподобным, но я считаю, что это самый достоверный ключ. Нет, я не собираюсь торжествовать заранее – столько раз уже самые многообещающие данные превращались в дым, что я научилась не тешить себя сомнительными надеждами.

Я советую вам узнать у вашей мамы, откуда она взяла для вас это имя. Если его предложили в семье вашего отца, тогда, я думаю, мы можем позволить себе осторожный оптимизм.

– Я сегодня же позвоню ей и как можно быстрее сообщу вам ответ.

– Отлично. А теперь возьмите рюмку и пойдете со мной – я покажу вам розу, которая распустилась у меня в саду. Она напомнила мне ваши волосы – чудесная смесь медовых оттенков. И запах не такой, как у других роз, – необыкновенно тонкий, нежный и пряный.

– Так и есть, – медленно вымолвила Моника, когда Лесия задала ей по телефону вопрос. – Твой отец действительно сказал однажды, что, если у нас родится девочка, он хотел бы назвать ее Лесия. Он даже объяснил, как это имя пишется полностью.

– Может быть, так звали его мать?

– Нет, ее имя было Бетти. Он сказал тогда, что это родовое имя Спрингов. Я не возражала, мне оно показалось прелестным, и когда ты родилась, я так тебя и записала. – Моника немного помолчала. – Но как все это, однако, странно. Тебе нравятся эти люди, Лесия?

– Очень, – не задумываясь ответила девушка. – И тебе бы они тоже понравились. Миссис Уорбертон такая лапочка, похожа на сладкую конфету с маленькой кислинкой внутри. А Кин ужасно похож на меня, только он больше – во всех отношениях.

Она осталась довольна собственным тоном – шутливым и сдержанным.

Попрощавшись с матерью, Лесия подошла к окну и взгляделась в темноту сумерек. Где-то сейчас Кин? С кем он – с женщиной, которая дотрагивается до его руки, называет его «милый», с трепетом читает в его суровом и страстном взгляде обещание блаженства? Эта женщина была с ним в то воскресное утро, когда он позвонил и справился о ее здоровье. Возможно, и всю субботнюю ночь...

Когда тетя Софи сказала, что у Кина вечером с кем-то назначена встреча, Лесия вся сжалась, ясно осознав, что бесполезно твердить себе, будто ее чувство к нему всего лишь заурядное сексуальное влечение.

Нет, Кин нужен был ей так, как никто и никогда в жизни. Даже Энтони, к которому она когда-то пылала неподдельной страстью. Желание мучило ее и день и ночь, но – и это было уже гораздо серьезнее – она совершила еще большую глупость: умудрилась влюбиться в Кина Пейджета! Она при этом сохранила полную трезвость рассудка, что делало ее особенно беспомощной и уязвимой.

А Кин, судя по всему, ничего не испытывал к ней, кроме легкого физического влечения, естественного для сильного здорового мужчины к мало-мальски привлекательной женщине. Молчание его ясно говорило, что он вовсе не собирается давать ему хода.

Лесия прислонилась горячей щекой к холодному оконному стеклу, пытаясь обрести покой хотя бы на краткий миг. Но покой отныне был ей недоступен.

Кусая губы, она отошла от окна и набрала номер тети Софи. Она не могла сдержать улыбки, когда старая леди с восторгом охотника за сокровищами, которому в руки попала бесценная карта, воскликнула:

– Вот откуда я начну поиски! Это мог быть один из пяти сыновей.

– Но вы можете так никогда и не узнать, какой именно, –

нашла необходимым предупредить ее девушка.

– Дорогая, где-то же наши семейные линии должны пересечься. Информация, которую вы мне сообщили, ориентирует меня именно в этом направлении. А что касается возможной неудачи – ну что ж, одни только поиски уже доставляют половину всего удовольствия.

Повесив трубку, Лесия вдруг подумала, что у тети Софи много общего и с Дженни.

Она надела шорты и футболку и отправилась в гимнастический зал. Вполне возможно, что час усиленных занятий заставит ее забыть мужчину, чье лицо она видела каждый раз, заглядывая в зеркало.

Но она не забыла, хотя здорово устала. Вернувшись домой, Лесия по-прежнему не находила себе места. Она налила ванну и долго сидела в воде, ароматизированной лавандовым маслом.

Неожиданный сигнал домофона заставил ее подскочить на месте.

– Это Кин, – проговорил голос. – Мне необходимо с вами увидеться.

Лесия похолодела и секунду раздумывала – не промолчать ли, притворившись, что ее нет дома. Но это, конечно, будет трусостью.

– Хорошо, – ответила она и, нажав кнопку, побежала надеть джинсы и блузку.

Звонок в дверь прозвучал в тот самый момент, когда она

выходила из спальни, застегивая последнюю пуговицу.

Как странно, думала Лесия, чувствуя головокружение и прижимая сложенные щепотью пальцы к груди, что один только звук мужского голоса способен заставить сердце забиться в невыносимом ритме.

Она открыла дверь, взглянула – и погрузилась в бездонную пропасть его сверкающих глаз, в синюю тьму, которая увлекла ее в самую головокружительную глубину.

– Что-нибудь случилось? Уже поздно...

– Всего только начало одиннадцатого. – Голос Кина звучал отрывисто, лицо было непроницаемым. – Нет, ничего не случилось.

Стараясь сохранять спокойствие, Лесия сказала с натянутой улыбкой:

– Я не хочу показаться негостеприимной, но для меня это уже довольно позднее время. Я, как правило, ложусь в одиннадцать.

– Я тоже, – рассеянно сказал он, словно думая о чем-то другом. – Я говорил сейчас с тетей Софи. – И резко добавил: – Я счел разумным не приходить к ней сегодня вечером.

Лесия расширила глаза. Воцарилось молчание, мучительно долго тянулись секунды, наконец она сказала:

– Ну да. У вас же была какая-то встреча.

– Я солгал.

Он прошел к окну, посмотрел вниз, на сад, и на фоне темного стекла четко обрисовался его властный, решительный

профиль. Лесии вдруг пришло в голову, что это мгновение навсегда отпечатается в ее памяти, как и стук собственного сердца где-то в горле, быстрая неровная пульсация крови в висках, и то, с какой жадностью впились ее глаза в его лицо. И впервые Лесия не увидела в чертах Кина свое отражение. Это был Кин, и Лесию вдруг охватил настоящий, ужас: возможности выбора отныне у нее нет. Она любит его.

– Но не прийти оказалось невероятно трудно, – проговорил он тихо, оборачиваясь к ней, – потому что вы умудрились, не прилагая ни малейшего усилия, перевернуть вверх тормашками всю мою жизнь.

Но когда он остановился перед ней, в его тяжелом взгляде не было любви, а только вождление – такое же мощное и неодолимое, как ее собственное.

Лесия не сопротивлялась, но и не откликнулась, когда его рот прижался к ее губам... Она покорно стояла, пока он умело целовал ее, сдерживая свою страсть и стараясь зажечь ее, И его настойчивое терпение подействовало. Лесия внезапно поддалась, вздохнула, уступила, подчинилась непреодолимому требованию своего существа. Да! – ликующе воскликнуло ее сердце. Да, да и да! С тех самых пор, как ты увидела его впервые, этот миг неотвратимо приближался, с тех самых пор, как ты услышала его голос...

Больше Лесия уже не рассуждала, одно только физическое присутствие этого человека привело в трепет все ее чувства. Неуловимый, пьянящий запах, исходивший от него, пронзал

ей грудь, как и тепло его тела, сила рук, прикосновение его кожи, сладкий жар его губ, вкус его языка, мужской, терпкий – райский.

– Я не хотел этого... – пробормотал он, едва оторвавшись от ее рта. – Я говорил себе, что не стану спешить, поскольку, пусть я и на глубине в десять футов под землей узнаю вашу легкую поступь, все-таки мы до сих пор совсем чужие друг другу.

Звук его медленной речи отчетливо отозвался в ее теле мгновенными электрическими импульсами. Она несколько раз сглотнула слюну, прежде чем смогла выговорить:

– Если вы все это время боролись с собой, что же заставило вас передумать?

Он провел рукой вверх по ее спине к затылку и мягким движением откинул голову ей назад, так что смог увидеть ее лицо. За сине-стальным сиянием глаз невозможно было прочесть его мысли. Лесия почувствовала себя жертвой на алтаре желания. На его лице застыла жесткая улыбка.

– Увидеться с тобой у тети Софи было бы абсолютно безопасно, она хорошая дуэнья. Но когда я позвонил ей, чтобы сказать, что еду, ты уже ушла. И я подумал: «А вдруг она погибнет по дороге домой, и я так никогда и не узнаю, на что похожи ее поцелуи». И я понял, что и в загробном мире не найду себе покоя, если умру без воспоминания о вкусе твоих губ.

От этих мрачных слов сердце девушки замерло.

– Нет, – выговорила она быстро и отчетливо.

Зрачки его расширились, и Лесия видела теперь только темноту, окруженную синим огнем. Очень тихо он произнес:

– Но это правда.

– Если ты умрешь, я умру вместе с тобой, – сказала она, ужаснувшись этой бесспорной истине.

– Нет, – ответил он в свою очередь, прижимая ее к своему гибкому напряженному телу, к горячей груди, в которой гулко стучало сердце. Она поцеловала его в шею.

– Да, Кин. Мне страшно, – прошептала она, вдыхая его сложный мужской запах и вслушиваясь в свои чувства. – Никогда прежде я не испытывала ничего похожего.

– Знаю, – откликнулся он очень серьезно. – Я чувствовал то же самое – боролся против водопада эмоций, которых не понимал и не мог подчинить себе.

Лесии безумно хотелось скинуть одежду, помочь раздеться Кину, пойти вместе в спальню и там отдаться страсти – жажда, терзавшая ее, была так чудовищно сильна, что она неспособна была с ней справиться.

– Все это слишком внезапно, – сказала она, прокладывая себе дорогу среди путаницы мыслей. – Мне... нам... не следует спешить...

Он наклонил голову и поцеловал мягкую впадинку под ее ухом, и нежное прикосновение губ вызвало в ней сладостную дрожь.

– Тогда надо остановиться.

Со знанием дела он слегка сжал зубами мочку ее уха. Лесия читала о точках на человеческом теле, легкое прикосновение к которым вызывает чувственное удовольствие, о крохотных местечках с повышенной возбудимостью. Была ли это одна из таких точек, или любое прикосновение Кина действовало на Лесию, но каждая клетка ее тела задрожала в ответ и откликнулась живо, охотно и радостно.

– Лучше остановиться прямо сейчас, – пробормотала она.

Кин глухо застонал, но разжал руки и отступил на шаг назад.

– Меньше всего мне сейчас хочется уходить, но придется. Я был трусом, закрывая глаза на то, что происходило со мной, и мне нужно время, чтобы подумать, осознать то, что случилось.

– Мне тоже. Я бы не хотела, чтобы ты сейчас остался.

– Ты дала это понять более чем ясно.

Пока Лесия заваривала чай, Кин сказал:

– Согласно досье, которым я располагаю, у тебя несколько лет не было близкого друга. После твоей помолвки.

Лесия вся подобралась. Не глядя на него, она поднялась на цыпочки и достала из шкафа две чашки.

– А у тебя?

– У меня были женщины, но я еще не встречал той, на которой хотел бы жениться, – ответил он сухо.

– А женщина, которая была с тобой, когда ты позвонил мне утром в воскресенье?

Кин криво улыбнулся.

– Сью – жена Джоффа Брауна. Это врач, который забинтовал мне руки, помнишь? Она вместе со своими двумя малышами зашла ко мне после церкви, чтобы угостить меня персиками. Я надеялся, что ты услышишь в трубке ее голое и неправильно это истолкуешь. Я цеплялся за соломинку.

– Почему?

Кин помешкал.

– Я знал, что стоит мне только поддаться влечению, и я уже не смогу себя контролировать, – ответил он.

– А для тебя это крайне важно. – Она не спросила, просто констатировала факт.

– Да. – Кин стоял, слегка наклонив голову, глядя на кувшин с букетом ярких настурций. – Возможно, оттого, что я вырос, испытывая презрение к отцу, который вообще не знал, что такое сдерживать себя. Он начал изменять матери с самого дня их свадьбы, а возможно, и раньше. И лет в восемнадцать, в разгар своего первого романа, я решил, что никогда не позволю страсти командовать мной, как это было с отцом.

В его словах, несомненно, был смысл, и очень понятный. Кин держал свои эмоции на железной цепи воли.

Лесия не успела насладиться до конца этим его признанием, потому что Кин потребовал мягким, но непреклонным тоном:

– Расскажи мне о человеке, с которым ты была помолвлен-

на.

– Я сильно обидела его, – начала Лесия, осторожно подбирая слова. – А когда делаешь кому-то больно, то теряешь самоуважение. Под конец я стала просто ненавидеть и презирать себя за то, что воспользовалась чувствами Барри, когда нуждалась в утешении.

– Нуждалась в утешении? – быстро и требовательно переспросил Кин.

– Я полюбила одного человека, но ошиблась в нем. – Не оборачиваясь к Кину, Лесия открыла дверцу холодильника и достала кувшинчик со сливками.

– Но это был не Барри, я правильно понял?

Конечно, он не ревновал ее, и все же в его голосе Лесия различила собственнические нотки. После небольшой паузы он сказал:

– Понятно – того самого человека, за которого ты приняла мужчину в ресторане, когда мы обедали вместе. Это его ты любила до того, как встретила Барри.

– От тебя ничто не укроется. – Все еще избегая встречаться с ним взглядом, Лесия налила в чашку сливок. – Да. Я использовала Барри, чтобы выбраться из ямы, которую сама себе вырыла. Он заплатил за мой эгоизм и до сих пор за него расплачивается.

– Теперь налей чаю, – предложил Кин, – и давай сядем.

Лесия отнесла поднос в гостиную, опустила на низенький столик и разлила чай по чашкам. Кин сел напротив, вытя-

нул длинные ноги, сохраняя невозмутимое выражение лица. Страх сжал все внутренности Лесин. А что, если Кин станет презирать ее так же, как она презирала себя?

Но как бы то ни было, он должен все знать.

– В двадцать лет я считала себя вполне искушенной в житейских делах. Как раз тогда я встретила человека... – Тут она взглянула на Кина. Высокий, неотразимо обаятельный, он властно и без всякого усилия заполнил собой всю комнату, которая сразу сделалась маленькой. – Человека, похожего на тебя, – договорила она неловко, берясь за чашку. Кин вскинул брови:

– Лицом? Ростом? Цветом волос?

– Внешнего сходства не было... Но он держал весь мир у себя на ладони. – Лесия усмехнулась. – Он был умным, интересным, море обаяния.

– И?..

– Звучит глупо, но он вскружил мне голову, я ничего не соображала. – Лесия уставилась на чай, невольно отмечая, как мерцает поверхность жидкости оттого, что рука, держащая чашку, мелко-мелко дрожит. – Я тогда просто помешалась, – заключила она горько.

Кин следил за ней с неослабевающим вниманием.

– А когда я пребывала на седьмом небе оттого, что мне казалось счастьем, ради которого я пошла бы за ним хоть в преисподнюю, я узнала, что он женат.

Наступило молчание. Лесия поставила чашку на блюдце

и сказала с безжалостной насмешкой над собой:

– И причем женат счастливо. Он вообще не собирался бросать жену... и детей. Он хотел нас обеих и не видел к этому никаких препятствий.

– И тогда ты обрубила все концы и сбежала?

Лесия проглотила слюну.

– Я уже тогда была знакома с Барри. В нем было все, чего не хватало Энтони, – доброта, честность, деликатность. Он считал меня самой замечательной женщиной на свете! Сначала я не хотела поощрять его, но он не переставал звонить мне, и некоторое время спустя я уступила. Мы начали встречаться, а через полгода я, как последняя дура, позволила ему уговорить себя обручиться.

– А он знал о твоих отношениях с тем ублюдком? – Голос Кина был холодным и грозным. Лесия, потупившись, кивнула.

– Я старалась быть с ним честной.

– Ты подумала, что, если выйдешь за него замуж, тот тип потеряет над тобой власть.

Лесия поморщилась, услышав столь беспощадный вывод, но подтвердила:

– Да, все было именно так.

– Почему же ты переменяла решение?

– За две недели до свадьбы я поняла наконец, что делаю, – промолвила она почти беззвучно. – Я разбила ему сердце. Барри получил нервное расстройство, и ему пришлось уйти

из университета. Он подавал большие надежды как архитектор, а сейчас работает простым чертежником в Веллингтоне.

– Я не собираюсь утешать тебя, – сказал Кин. – Я не уверен, что сумею ограничиться одним утешением. Но, хотя ты и поступила плохо, ты была тогда очень молода и – как это видно – наивна.

– Ты не понял... – начала было Лесия, но Кин перебил ее и произнес с жестким хладнокровием, от которого она поехала:

– Я вижу, ты до сих пор считаешь себя в долгу перед этим Барри. Ты просто погрязла в чувстве вины.

Лесия попыталась объяснить:

– Но перед ним и правда открывалось большое будущее, а я все разрушила.

Кин нахмурил брови, поставил чашку на стол и твердо заявил:

– Никто не может намеренно вызвать нервное расстройство. Если бы не ты, кто-то или что-то рано или поздно непременно спровоцировало бы его. Итак, с тех самых пор ты всеми способами избегаешь мужчин.

– Я возненавидела себя за то, что так глупо потеряла тогда голову, увлеклась человеком, который только играл со мной, а потом разбила жизнь другого. И решила больше не попадать в подобную ситуацию.

– А поскольку никто из твоих поклонников не стал тебе близок, ты была избавлена от страданий и сама никому не

могла причинить их.

Кин, прищурившись, глядел на противоположную стену комнаты, где над диваном висела картина – красочный, жизнерадостный холст, писанный маслом, который Лесия как-то увидела на выставке, – типично оклендский пейзаж с морем и холмами. В левом нижнем углу ярким пятном полыхали цветы гибискуса.

Быстро, пока храбрость не успела покинуть ее, Лесия спросила:

– Почему ты так не любишь Дженни?

Ни один мускул не дрогнул на лице Кина. Он спокойно объяснил:

– Потому что она умная, корыстная, пронырливая маленькая дрянь. Я всерьез опасаясь, что она выжмет Брайена, как лимон, и бросит его. А он настолько без ума от нее, что не переживет этого.

Кин вынес свой суровый приговор с ледящей душу бесстрастностью. Лесия оцепенела от неожиданности, но все же попыталась возразить:

– Пока у тебя нет оснований для такого обвинения.

Кин молча перевел на нее глаза, и снова по ее спине пробежал неприятный холодок.

– Я знаю ее уже три года. Она была моей секретаршей, – проговорил он, словно не замечая испуганного выражения лица девушки. – И очень квалифицированной.

Лесия стиснула зубы. Она должна знать правду!

– Вы были с ней близки? – спросила она.

Кин прищурился, но голос его остался таким же ровным и твердым.

– Нет. Однажды, когда мы вдвоем были в деловой поездке, она забралась ко мне в постель. Я выбросил ее оттуда и уволил. Тогда она решила, что ей сгодится и Брайен. Теперь она от души наслаждается богатством и возможностями, которые он ей предоставил. Дженни – факт моей биографии. И мне невыразимо жаль, что это через меня она познакомилась с Брайеном.

– Когда это случилось?

– Уже больше полутора лет назад, вскоре после смерти тети Зиты. Брайен был подавлен, одинок и очень уязвим.

– А твой дядя знал, что она пыталась соблазнить тебя?

– Я даже не догадывался, что они встречаются, они поженились во время моей поездки в Азию, которая длилась месяц.

Несмотря на старания взглянуть на ситуацию глазами Кина, Лесия симпатизировала молодой женщине. Вряд ли Кин был прав, утверждая, что Дженни не испытывает к Брайену никаких чувств.

– Ты собираешься принять от них заказ? – спросил Кин, глядя на нее со странным выражением.

– Да, если они его сделают. – Лесин казалось, что ей удалось смягчить вызывающие нотки в голосе, но Кин смерил ее взглядом, который проник до самых костей.

– Не могу сказать, что меня это радует. Но у меня нет никакого права уговаривать тебя отказаться от выгодного предложения.

– Это осложняет дело, – сказала Лесия, чувствуя, как на нее накатывает волна усталости. Ну почему она не полюбила какого-нибудь славного и простого человека? Такого, как Барри. Стоило ли жить монашкой несколько лет, чтобы потом оказаться ввергнутой в напряженные и непредсказуемые отношения с самым опасным из всех мужчин, каких она только встречала?

– В нашем возрасте у каждого человека есть прошлое. – Голос Кина изменился, стал глубже и внушительнее. – Но меня больше интересует будущее.

– Меня тоже, – отозвалась Лесия негромко. Раскрывать душу, может быть, и полезно, но у Лесин на это ушли все ее силы.

– Ты, кажется, уже совсем изнемогаешь.

Кин поднялся, подошел к ней и мягко привлек к себе. И хотя Лесия чувствовала, как по его телу пробегает дрожь страсти, он обнимал ее бережно и нежно. Она опустила голову ему на плечо, и несколько чудесных мгновений они стояли так.

– Мне надо идти.

– Да, – покорно согласилась она.

Он поцеловал ее в пробор в волосах, потом в бровь.

– Я позвоню тебе завтра, и мы вместе пообедаем.

– Да, – снова согласилась Лесия.

– Ты всегда будешь такой послушной?

– Нет, – пробормотала она.

– Хорошо, – с удовлетворением произнес он. – Мне нравятся темпераментные женщины.

Он обнял ее, крепко поцеловал и тут же быстро отпустил. У Лесии закружилась голова, ей пришлось собрать всю волю, чтобы не броситься к нему на грудь, не поддаться сладостному желанию. Но Кин тяжело перевел дыхание, а глаза его вдруг вспыхнули яркой синевой, предостерегая.

– Спокойной ночи, – сказал он коротко и ушел.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лесия быстро оглядела маленький, скромно меблированный зал с вызывающе черными металлическими стульями, которые резко контрастировали с белыми стенами и массивными столами под полотняными белыми скатертями. Никогда еще обед в ресторане не означал для Лесии так много.

В поведении Кина не было ничего общего с поведением Энтони. Кин выбрал этот ресторан не потому, что не хотел быть узанным, его любовь не была запретной.

– Ты уже решила, что заказать? – спросил Кин. Он не отрывал от нее глаз, темных и не проницаемых. – Не робей, сейчас вместе будем выбирать.

Уголком глаза Лесин заметила в зале пару лиц, которые часто встречаются на страницах иллюстрированных журналов. Через проход, стараясь выглядеть обыденно и скромно, сидел актер, – он играл в новом популярном сериале и был дюймов на шесть ниже ростом, чем представлялось Лесии. А человек с очень светлой блондинкой в черном платье такого фасона, который абсолютно ничего не оставлял на долю воображения, совсем недавно давал сольный концерт, – и в рецензиях его называли одним из выдающихся пианистов мира!

– Кажется, это очень модный ресторан?

– Еда, которую здесь готовят, дает ему право на подобную

репутацию.

Себе он заказал холодный суп, который выглядел так аппетитно, что Лесия чуть не пожалела, что выбрала креветки. Но и они были восхитительны. Вытирая пальцы, девушка подумала, что сегодня любая пища показалась бы ей восхитительной. Все вокруг силой ее чувств преобразовывалось в нечто волшебное, захватывающее. И причиной всему был человек, который сидел сейчас напротив, – очень сдержанный и наблюдающий за ней с легким оттенком снисхождения, что могло бы показаться обидным, если бы она не ощущала каждую минуту тлевшее в нем пламя.

Куда все это может ее завести? Чутье предостерегало Лесию: на этот раз ей не отделаться так легко. Энтони околдовал ее, пробудив дремавшую в ней чувственность. А в Кина она была влюблена.

Но она не знала, что испытывает к ней Кин. Да, его влекло к ней, и она постоянно чувствовала его страстное желание, но лежало ли в основе этой мужской жажды обладания нечто более серьезное?

– Как вышло, – спросила Лесия, чувствуя, что вопрос звучит несколько неожиданно, однако ей было все равно, – что ты занялся именно фильтрами?

– Я интересовался одновременно и наукой, и бизнесом, поэтому окончил сразу два факультета, а потом работал в Веллингтоне, пока один мой приятель не обратился ко мне с предложением. А ты продолжаешь собирать обо мне сведе-

ния? – с иронической улыбкой осведомился он.

Улыбка его стала еще шире, когда у Лесин заалели щеки. Несколько дней назад она действительно посетила библиотеку и внимательно проштудировала целую кипу экономических журналов, выискивая фамилию Кина.

– Ты ведь тоже считаешь, что каждого встречного следует изучать под микроскопом, – парировала она, – если только нанять шпиона означает заняться изучением.

– Он не шпионил, а просмотрел официальные документы, доступные каждому... ну и порасспросил кое-кого. А своей секретарше я поручил подобрать для меня архитектурные и прочие журналы, где упоминается твое имя, и прочитал их все.

– Спасибо!

– Ты очень хороший специалист. – От звука его глубокого голоса по ее нервам пробежала цепная реакция крохотных взрывов. – Нет ни одного твоего дома, который бы мне не понравился.

Этот комплимент Лесия смаковала до конца вечера, не желая расставаться с ним, как с горячим кирпичом в холодную ночь.

Кин подвез ее к дому, и они еще некоторое время сидели в машине и мирно беседовали о всяких пустяках. Лесия подавляла в себе волну возбуждения и ожидания, которая медленно нарастала в ней в течение всего вечера.

– Мне завтра предстоит деловой обед, – сказал Кин. – Я

позвоню тебе до семи.

– Мне будет очень приятно.

Ее глаза в мягком сумраке были широко раскрыты, присутствие Кина не давало ее натянутым нервам расслабиться ни на единый миг.

– Я не уверен, сработает ли выбранная нами установка на сдержанность и осмотрительность, – сказал Кин.

– Я тоже, – созналась Лесия. – Но все равно я считаю это важным.

Кин откинулся на спинку сиденья. Девушка покосилась на него. Ее глаза задержались на его решительном подбородке, прямом длинном носе, четко очерченных губах – и сердце у нее упало.

– Мы слишком быстро сблизились, – задумчиво сказал Кин. – Я не стану целовать тебя здесь, в автомобиле, и наверх с тобой подниматься не стану. Но мы можем вместе пройти в сад.

– Да, – пробормотала она неопределенно, изо всех сил стараясь хоть частично вернуть себе самообладание, пока Кин выходил из машины, обходил ее кругом и открывал ей дверцу.

В саду, где не было ни живой души, они остановились возле увитой жасмином беседки, вдыхая густой, будоражащий чувства запах, которым напоен был влажный воздух. Кин молча повернул ее к себе и пристально посмотрел на нее сверху вниз, словно отыскивая что-то в ее лице. Сумрачный

блеск его глаз был под стать свирепой жадности, с какой он принялся целовать ее.

Это длилось чересчур долго – и в то же время кончилось слишком быстро. Но хотя Кин и сумел обуздать лихорадочный порыв, Лесия испытала удовлетворение, почувствовав, как дрожь пробегает по его большому телу.

– Как странно ты улыбаешься, – прерывисто произнес он, почти касаясь губами ее губ.

– Только справедливо, что ты испытываешь сейчас то же, что и я. – Лесия надеялась, что говорит спокойно и хладнокровно, но чувствовала, как жар его поцелуя разливается по всему ее телу.

– Значит, ты намерена продолжать в том же духе?

– Да.

В его смехе Лесин слышалась досада и в то же время невольное восхищение.

– Даже если мы можем из-за этого сойти с ума?

Он длинными пальцами обхватил ее запястье, поднес к губам и поцеловал предательскую жилку. У девушки подогнулись колени. Она нервно отдернула руку, но тут же снова подняла ее и коснулась его шеи, где находилась крупная артерия, идущая прямиком от сердца. И пробормотала, с огромной радостью ощутив бешеный ритм его пульса:

– Я не смею рисковать снова. Потому что, если ошибаешься, это причиняет ужасную боль.

– К нему ты чувствовала то же самое? – Голос Кина звучал

сухо и почти бесстрастно, но Лесия теперь знала его лучше и за внешней сдержанностью почуяла ревность. Она нахмурилась, отвела руку и положила ее ему на грудь.

– Нет, – ответила она спокойно, потому что хотела, чтобы между ними не осталось ничего недосказанного. – Конечно, теперь я стала другой, но не научилась разбираться ни в любви, ни в страсти. У меня уже не осталось смелости, чтобы вот так безоглядно кинуться в омут.

– Боишься?

– Да.

– Я тоже, – произнес Кин задумчиво. – Я рос в доме, где отец семейства считал себя вправе изменять матери и причинял ей этим огромные страдания. Но когда родители умерли, я был еще слишком мал, чтобы во всем разобраться.

– И тогда ты стал жить у Бранена и...

Суровые складки его губ смягчились.

– ... тети Зиты. Да, они взяли меня к себе, они любили меня и дали мне другой, более высокий стандарт семьи и брака. Но ранние уроки прочно отпечатываются в голове.

Лесия порывисто обняла его.

– Мне очень жалко того маленького мальчика, которым ты был тогда, и я очень счастлива, что Брайен и его жена тебя любили... – Она подавила непритворный зевок. – А теперь мне пора.

– Тогда спокойной ночи.

Но прежде чем расстаться с ней, Кин с глубокой сосредото-

точенностью обвел пальцем мягкий контур ее губ. Эта осторожная ласка снова заставила ее пульс участиться.

Девушка готова была к страстному порыву, но проявление нежности внезапно полностью обезоружило ее.

Кин не стал целовать ее на прощанье. Лесия была разочарована, но в то же время благодарна ему за то, что он уважает ее намерения. А ведь прояви он большую настойчивость, и она, скорее всего, уступила бы.

Девушка будто бы во сне прошла к лифту и поднялась в свою квартиру. Закрыв дверь, она с улыбкой прислонилась к двери, а сердце билось так, словно она бегом взлетела по ступенькам. Вдруг что-то словно толкнуло ее подойти к окну и взглянуть на улицу. Кин все еще стоял у своей машины. Увидев ее, он помахал, сел в автомобиль и уехал. Охваченная пронзительным ощущением счастья, Лесия не смела даже шевельнуться, боясь нарушить это чудесное состояние. Я люблю его, думала она. Люблю так сильно, что и вообразить не могу пределов своей любви.

И неважно, если Кин пока еще не любит ее. Все равно это непременно случится. Ну а если нет, продолжала думать Лесия, потрясенная прозрачной ясностью собственных чувств, она будет страдать, когда все кончится, но ей будет достаточно знать, что она любила.

Следующий день был полон неприятностей. По почте принесли карточку на прием к зубному врачу; прораб, ведущий строительство одного из домов, позвонил и сообщил,

что уникальный карниз прибыл из Крайстчерча расколотым на три части и заказчик вне себя от ярости; а другой прораб заявил, что спроектированная Лесией крыша никак не подходит для данного дома. А потом позвонила мама и напомнила, что все ждут Лесию на празднование годовщины свадьбы родителей Рика.

– Прилечу, как на крыльях, – сказала Лесия, мгновенно забыв о неприятностях. И не в силах удержаться, добавила немного смущенно: – Возможно, я захвачу с собой кое-кого.

– Приготовить одну спальню или две? – спросила мама.

– Какая проза! – засмеялась Лесия.

– В наши дни приходится. Мне уже случалось попасть впросак.

– Две спальни, – сказала Лесия, но что-то в ее голосе насторожило Монику, и она спросила уже совсем другим тоном:

– А мы его знаем?

– Я тебе о нем рассказывала – это Кин Пейджет. – Последовавшее за этими словами молчание показалось девушке слишком долгим и даже многозначительным. И она добавила: – Я, правда, еще не пригласила его, поэтому, если ты возражаешь...

– Нет. Должна сознаться, мне даже любопытно, – сказала Моника. Она рассмеялась, и ее голос снова обрел теплоту и живость. – Нет, неправда – мне просто ужасно любопытно. Хотелось бы знать, какие отношения вас связывают?

– Мы встречаемся, – осторожно ответила Лесия.

Снова молчание.

– Ты не одобряешь? – спросила Лесия напрямик.

– Я не знаю его... Но разумно ли это?

– Почему же нет? – Она выговорила это более резко, чем намеревалась, досадуя на себя за несдержанность.

– Я читала, что подобные вещи случаются с незаконно-рожденными детьми, – спокойно сказала Моника. – Они встречают членов своей родной семьи, и между ними возникает сильное притяжение. – Пока Лесия осмысливала ее слова, Моника закончила: – А поскольку они росли не вместе, между ними не существует психологических и нравственных барьеров.

Неприятная мысль.

– Не думаю, что это тот случай, – сказала Лесия, – но... мы не торопимся, мама.

– Замечательно, – отозвалась Моника. – У меня разумная дочка.

– Конечно, – подтвердила Лесия.

– Ошибки совершает каждый, – сказала Моника. – Главное в том, чтобы научиться делать из них выводы, а это ты умеешь. Если Кин Пейджет захочет приехать с тобой, мы расстелем для него откормленного тельца.

– И заколете красную ковровую дорожку?

– Непременно, – рассмеялась Моника. – Ну, мне надо бежать. До свидания, родная.

Приободрившись, Лесия отправилась преодолевать свалившиеся на нее трудности, а вечером, когда позвонил Кин, набралась храбрости и сказала:

– Мне скоро предстоит съездить на шестидесятую годовщину свадьбы родителей отчима – не в этот, а в следующий уик-энд. Я подумала, может быть, ты захочешь поехать со мной?

– С большой охотой, – сказал он. – Подожди минуту, я сейчас сверюсь со своей записной книжкой. Да, все прекрасно складывается.

Они обговорили детали поездки, и Кин спросил:

– А что еще тебя сегодня расстроило?

– Больше ничего, – ответила Лесия, опять услышав в своих словах вызывающую интонацию.

– Когда я тебя не вижу и не могу погрузиться в прохладу твоих зеленых глаз или попасть в плен твоих губ, я получаю возможность сосредоточиться на твоём голосе. В котором сейчас чувствуется какая-то невысказанная мысль, – мягко сказал он.

– Да ничего подобного, – возразила она.

– Когда-нибудь, – продолжал он неторопливо, – ты почувствуешь, что можешь рассказывать мне обо всем.

Да, подумала Лесия, с улыбкой опуская трубку, потому что внезапно все проблемы представились ей легкоразрешимыми. Надо просто жить и радоваться, и пусть будет, что будет...

В течение следующих двух недель они виделись очень часто: Ходили на концерт симфонического оркестра, на пару фильмов – печальную французскую драму с блестящими актерами и веселую комедию – и от обоих получили большое удовольствие. Они обедали в ресторанах, понимая, что было бы неразумно – и нелегко для нервов – обедать дома. Они посетили открытие выставки и ушли через полчаса, смеясь над претенциозными трактовками претенциозных экспонатов, и конец вечера провели в маленьком баре, где ничто не мешало их беседе.

В выходные они катались при луне на яхте, принадлежавшей одному из друзей Кина, съели превосходно приготовленный ужин и любовались фейерверком над заливом. Но это великолепное зрелище было испорчено для Лесии, когда при вспышках яркого света она разглядела угрюмое выражение лица Кина. Должно быть, подобные вещи напоминали ему об обстоятельствах смерти матери.

Лесия осторожно вложила свою руку ему в ладонь. Сначала Кин никак не отреагировал на эту робкую попытку утешения, и хотя девушка делала вид, что следит за многоцветными огнями, с шумом рассыпавшимися над водой, она остро ощутила это отвержение. Но когда шли пешком к ее дому, Кин спокойно сказал:

– Спасибо, что держала меня за руку.

– У тебя поразительная сила воли, – неожиданно для себя

заметила Лесия.

– Я не боюсь ни огня, ни фейерверков. – Он помолчал и добавил нехотя: – Просто они оживляют воспоминания.

Вечером накануне отъезда в Гисборн Лесия и Кин отправились на вечеринку к Андреа. Кин хорошо вписался в незнакомую компанию, частично благодаря своему интеллекту и властному обаянию, которое привлекало к нему взгляды и интерес в любом месте.

Но, по правде говоря, выражение «хорошо вписался» едва ли достаточно полно передает эффект, который Кин произвел на одну особу, кисло думала Лесия, глядя на рыжеволосую пышнотелую молодую женщину, напропалую заигрывавшую с Кином.

– Я хочу сказать тебе пару слов, – пробормотала Андреа, проходя мимо нее на кухню с пустым подносом. Лесия последовала за подругой.

– О чем? – осторожно спросила она, выкладывая в вазочки аппетитные закуски.

Открыв дверцу холодильника, Андреа достала блюда с едой, поставила их на стойку и аккуратно принялась снимать прозрачную пленку.

– Поспеши на выручку к твоему драгоценному Кину и спаси его от девушки Дэмьена. – Она фыркнула. – Правда, бедняжка откусила кусок, который ей явно не по зубам. Но Дэмьен в ярости, он пьет рюмку за рюмкой с тех пор, как появились вы. Как бы он не набросился на твоего Кина.

– Я захвачу эти вазочки...

– Не трогай, – запретила Андреа, шлепая ее по руке. – Иди и веселись; все прочие, кажется, слава Богу, веселятся на славу.

А Кин в особенности. Лесия увидела, как роскошная рыжеволосая особа слегка переступила на месте и ее грудь качнулась вперед и вверх. Девушка Дэмьена не могла бы высказаться ясней, даже если бы повесила себе на шею плакат.

Мысли Лесин словно дошли до Кина – он поднял глаза, и веселые огоньки в них тотчас же погасли. Он что-то сказал рыжеволосой, отошел от нее и двинулся мимо болтающих, танцующих, шумных гостей прямо к своей цели – к Лесин.

Кин совсем не похож на своего отца, подумала Лесия и вся подобралась, охваченная лихорадочным ожиданием. И он нисколько не напоминает Энтони.

Мужской голос над самым ухом заставил ее вздрогнуть:

– Вы позволите угостить вас коктейлем?

– Нет! – сказал Кин, умудрившись в одно коротенькое словцо вложить отчетливую неприязнь. – У меня есть коктейль для этой дамы.

Он протянул Лесии бокал, но его глаза устремились на лицо мужчины с первобытным вызовом, окончательно смутив беднягу.

– Извини, приятель, – пробормотал тот и исчез.

– Не было никакой необходимости вставать в позу, – резко сказала Лесия. – Он всего лишь проявил любезность. А даже

если бы не только любезность, я в состоянии сама справиться с нежелательной ситуацией.

Она ожидала, что Кин рассердится, но он смутил ее своим смехом и, нагнувшись, быстро и жадно поцеловал в губы.

– Я заявил о своих правах, – сказал он. Хотя в его голосе и звучала некоторая шутливость, глаза сурово горели.

– Неужели ты ревнуешь?

– Если желание вытащить тебя отсюда и провести с тобой безумную ночь, после которой мы оба едва ли найдем в себе силы поднять головы, и есть ревность – значит, я ревную.

Лесия часто задышала, приоткрыв пересохшие губы. Она провела по ним языком и, поймав взгляд Кина, поняла, что это невинное движение послужило как бы приглашением. Глаза его вспыхнули, и их огонь проник за хрупкую преграду ее самообладания.

– Это больше похоже на неупокоенное вожделение, – выговорила она хрипло.

– Нет, – сказал он, понизив голос так, чтобы слышала только одна Лесия. – Ты не из тех женщин. Ты – женщина, которую я люблю до безумия и которую хочу иметь право называть своей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

И, уже не желая больше сдерживать своих чувств, он обнял ее. Они притворились, что танцуют, но это была только видимость. В гостиной стоял немалый шум от стереоприемника, но Лесия ничего не слышала, ничего не сознавала, кроме стука их сердец, ритмы которых чудесно слились в гармоническую, сложную и выразительную мелодию. Абсолютно сознательно, не заботясь о том, что совершает акт капитуляции, Лесия сказала:

– Идем, Кин.

Уже пять минут спустя они были в его машине и мчались под мерный рокот мощного двигателя по тихим улицам пригорода, освещенным ярким светом фонарей, который затмевал сияние луны и звезд.

– Я хочу отвезти тебя домой, – сказал Кин ровным голосом. – К себе домой.

Слегка поколебавшись, Лесия ответила:

– Да.

И тут ее охватила паника – все происходило так стремительно, чувства слишком переполняли ее, она теряла контроль над событиями. Кин потянулся и накрыл широкой и теплой ладонью ее беспокойно стиснутые на коленях руки. И словно по волшебству нервный страх превратился в решимость. Кин бегло взглянул на нее. Его лицо было сосредото-

точенным и суровым, но Лесия чувствовала, что его снедает жестокая, почти обессиливающая страсть, потому что и с ней происходило то же самое – кости сделались мягкими, в голове все перепуталось, так что она лишилась способности рассуждать и не могла додумать до конца ни единой мысли и только знала каждой клеточкой тела, что настал ее час и пришел Он – ее мужчина.

Выпустив ее пальцы, Кин спросил:

– Ты принимаешь таблетки?

– Нет. – Руки у нее похолодели и замерли.

Он кивнул.

– Презерватива будет достаточно? Если нет, я могу подождать.

Подобная расчетливость должна была бы вызвать в девушке отвращение, разбить романтические чары, которыми он околдовал ее, заявив о своей любви. Но сейчас Лесия слишком хорошо понимала Кина, чтобы счесть его бесчувственным. И хотя мысль о том, что у них может быть ребенок, заставила сердце затрепетать от множества незнакомых эмоций, она знала, что пока еще не время решаться на беременность.

– Вполне достаточно.

Он сказал спокойно и трезво:

– Я понимаю чувства обоих этих бедняг – того, который был женат, и другого, который уговорил тебя обручиться, хотя и знал, что ты его не любишь. Потому что я сделал бы то

же самое – не упустил бы тебя ни при каких обстоятельствах.

Сердце у Лесин подпрыгнуло, потом забилось медленно и гулко.

– Мне хотелось принадлежать тебе с первой же секунды, как я тебя увидела, а когда ты привез меня домой после нашего первого обеда вдвоем и я посмотрела на тебя из окна и увидела, что ты стоишь у автомобиля и смотришь на меня, тогда я поняла, что люблю тебя.

Его сухой смех был не в силах скрыть его горячей страсти.

– Как трубадур, который стоит под башней своей возлюбленной, – пробормотал он. – Я уверил себя, что просто хочу убедиться, все ли благополучно, но в глубине сердца ждал в награду розу и обещание.

– Жаль, что у меня не было розы, – сказала Лесия, растроганная его словами. – Но я дала тогда тебе обещание, даже если ты его и не слышал.

Кин ничего не ответил и молчал до тех пор, пока они не подъехали к его дому и не вошли в большую гостиную, обращенную окнами к морю. Свет луны широкими серебряными полосами лежал на мебели, воздух был прохладным.

– Одна из моих фантазий уже осуществилась, – сказал Кин, не делая попыток дотронуться до нее. – С тех пор, как мы проснулись на диване после той ночи, я все пытался представить твои волосы, в которых запутались лунные лучи.

– И вот я снова здесь, – сказала Лесия.

– Да. – Он приблизился к ней. – Улыбнись мне, Лесия. Улыбнись так, будто ты всю жизнь ждала только меня. Когда ты улыбаешься, я начинаю верить в рай.

Она выполнила его просьбу и шагнула прямо в его объятия.

Они обменивались поцелуями каждый вечер при расставании, стоя в саду, где летние ароматы будоражили их чувства, делясь теплотой и радостью, но не слишком увлекаясь. Сегодня же оба они шагнули в иное измерение. Его мужская энергия разбудила в ней что-то дикое, и она откликнулась с таким же пылом, подчиняясь ритму страсти.

Все происходило стремительно, и инстинкт манил ее вперед по темной, таинственной дороге неистовства, бурных, неудержимых эмоций и нескончаемой чувственности. Его медленные и умелые движения истощали ее силы и размягчали кости, сжигающий жар нарастал и пробегал по венам расплавленной ртутью. Мысли смешались, и Лесия просто окунулась в бездонную пучину наслаждения.

Когда его рука отогнула ворот ее платья, она застонала и, повернув лицо, поцеловала его в ладонь, коснувшись ее язычком.

– Распусти волосы, – попросил он.

– Что?

– Распусти их. Я хочу чувствовать их на своей коже.

Не отводя от него глаз, Лесия расстегнула заколки и встряхнула головой, освобождая пряди из тяжелого узла. Во-

лосы упали ей на лицо, хлынули на шею прохладным шелком.

– Вот оно, – выговорил Кин сдавленно и погрузил пальцы в густую струящуюся массу. – Лесия, освещенная луной.

Бурная радость обожгла Лесию и придала ей смелости. Она потянула рубашку с его плеч, провела пальцем по расширяющейся дорожке темных завитков и положила ладони ему на грудь, вздрагивая от ощущения силы и мощи, которое передалось ее рукам.

– Ты такой великолепный, – едва слышно пробормотала она. – Ты... внушаешь мне трепет.

– Я мужчина, – веско сказал он. – Вот и все. И этому мужчине ты нужна больше, чем воздух. Ты осуществишь еще одну мою фантазию, Лесия?

– Какую?

– Ту, в которой я вижу, как ты раздеваешься передо мной.

Медленно и, как только могла, соблазнительно Лесия провела руками по бедрам и, нагнувшись, дотянулась до подола платья. Все так же медленно она выпрямилась, удерживая пылавшие, как синие костры, глаза Кина своими и поднимая подол юбки.

– Не останавливайся, – выговорил он глухо.

Внезапный острый приступ стыдливости заставил ее ускорить последние движения. Она стянула платье через голову и позволила ему выскользнуть из пальцев на стул. Поскольку платье было на подкладке, под ним были только лифчик и

трусики из бледно-желтого атласа. Тяжелые теплые бусины янтарного ожерелья скользнули по нежной коже ее груди.

– Да, – сказал Кин, и его голос резко разорвал царившее в комнате молчание. – Именно такой я все время представлял тебя с того самого утра, когда мы проснулись вместе на диване. Высокой, изящной, сильной, как богиня...

Лесия больше не боялась. Пальцами, которые дрожали только совсем чуть-чуть, она расстегнула застёжку лифчика, надеясь, что выглядит такой же манящей и притягательной, какой себя чувствовала. По ее груди пробежал озноб от свежего ночного воздуха.

Его руки сжались, потом повисли вдоль тела.

– Я так хочу тебя, что боюсь потерять контроль над собой, – проговорил он сквозь зубы. И помедлил, прежде чем добавить: – Боюсь быть грубым – и сделать тебе больно.

– Ты не можешь сделать мне ничего плохого, – сказала Лесия спокойно и убежденно. – Я – твоя половина, та, которая из всех людей больше всего похожа на тебя. Что бы ты ни сделал, мне это не сможет повредить.

Не успела она ахнуть, как он схватил ее на руки и понес через холл в спальню. Огромная кровать была залита потоками серебристого света. Кин опустил ее на покрывало, она потянулась к нему, но он сдернул с нее трусики и принялся целовать ее, а его пальцы тем временем пробежали вверх по внутренней стороне ее ноги и коснулись горячих потаенных складочек, которые так жаждали этого прикосновения.

Закрыв глаза, она полностью отдалась на волю своих инстинктов. Она ничего не чувствовала, кроме его тела, изумленная могуществом энергии, которая вскипала в ней, когда она окуналась в неизведанный ранее сладостный мир стихийных чувств.

Ничего подобного прежде ей не приходилось испытывать. А Кин не останавливался, и она знала, что еще немного, и она не выдержит – умрет от наслаждения, разорвется ее сердце и все ее обезумевшее тело...

Долгое время спустя, когда она стала приходить в себя, Кин серьезно сказал:

– Со мной такого еще не бывало.

– Чего? – вздрогнула Лесия.

Он повернулся, натянул на них простыню и покрывало, потом прижал ее к себе, и Лесия свернулась калачиком, впитывая тепло его тела.

– Такого полного соединения, – пояснил он негромко.

– Со мной тоже, – сказала она, касаясь губами его груди.

– Никогда?

Ей показалось, что он удивлен, и она поспешила добавить:

– Такого в самом деле еще не было. Но у меня не слишком богатый опыт.

Кин рассмеялся неторопливым вкрадчивым смехом.

– По определенной причине, возможно связанной с моим самолюбием, я рад.

– И я тоже. Какое интересное совпадение. А сейчас – до-

бавила она, – мне лучше вернуться домой.

Следующим утром они должны были лететь в Гисборн, и хотя Лесия уже собрала чемодан, ей хотелось провести ночь в своей квартире.

– Наверное. – Он приподнял ее подбородок и заглянул в глаза. – Ты переедешь ко мне, когда мы вернемся?

Паника охватила ее, сковала язык.

– Я... не знаю.

– Здесь над гаражом есть квартира, из которой получился бы удобный офис.

– Какой ты предусмотрительный, – пробормотала Лесия, вовсе не уверенная, что это так уж ей нравится.

– Просто я эгоист. Я хочу, чтобы ты жила здесь, потому, что счастливым я себя чувствую только с тобой. Я знаю, что придется многое переустраивать, но не стоит пока об этом беспокоиться.

Кин не стал уговаривать ее остаться и не счел нужным присоединиться к ней в душе. Он подвез ее к дому и поцеловал на прощанье с такой нежностью, что, открывая дверь подъезда и заходя в вестибюль, Лесия сказала себе: все будет хорошо!

Кин позвонил, когда она еще лежала в постели, и на какое-то мгновение сердце ее тревожно сжалось.

– Как у тебя дела? – спросил Кин.

– Прекрасно.

– Я буду через час.

А она-то испугалась, что он не сможет поехать с ней! Сердце девушки радостно подпрыгнуло, но сладостное чувство облегчения не развеяло ее беспокойства. Он сказал, что любит ее, и она поверила ему, но он предложил ей только жить вместе, а не выйти за него замуж.

Сдвинув брови, Лесия ткнула кулачком подушку. После того, что она слышала о семейной жизни его родителей, можно понять его предубеждение против брака. Что ж, если дело именно в этом, она переедет в его дом у моря. Она слишком любит его, чтобы в чем-нибудь ему отказать, и пусть даже он не хочет жениться – ее это вовсе не трогает. Ведь время, снисходительно думала Лесия, в конце концов, работает на нее.

По пути в аэропорт Кин сказал ей:

– Только что звонила Софи, она хочет, чтобы я забрал у нее коробку с фотографиями, которая принадлежала моему отцу.

Лесия осторожно полюбопытствовала:

– А почему фотографии хранились у нее?

– Потому, что мне они были не нужны, – буркнул он. – Я давно предлагал сжечь их.

Лесия заметила, как его длинные пальцы, лежавшие на рулевом колесе, напряженно сжались.

– Но почему, Кин? – спросила она как можно деликатнее.

– Это все равно не заставит меня переменить о нем мнение. Не знаю, сколько мне было лет, когда я впервые понял,

что он прохвост. Это было еще задолго до маминой смерти.

Лесия моргнула. Голос Кина был таким ледяным и бесстрастным, что у нее по всему позвоночнику пробежал озноб. Подумав немного, она предположила:

– Вряд ли тетя Софи попросила бы тебя взять их, если бы не считала, что это важно.

– Как специалисту по генеалогии, – сказал он жестко, – ей каждый документ из прошлого представляется чрезвычайно важным.

– Может быть, у тебя будут дети, которые скажут ей спасибо.

Кин промолчал, и Лесия решила, что ей не следует вмешиваться в данный вопрос. Однако после значительной паузы он взглянул на нее и сказал, хотя и довольно холодно:

– Я заберу их в воскресенье вечером.

Инстинкт приказал Лесин хранить молчание.

Когда они уже почти подъезжали к аэропорту, она дотронулась до руки Кина.

– Мне любопытно знать, как продвигаются ее поиски нашего общего предка.

– Если только таковой вообще существует, – ответил Кин, улыбаясь уголком рта, – Софи его отыщет. У нее чутье ищейки и упорство бульдога.

Согретая звучащей в его голосе нежностью, Лесия тоже улыбнулась.

Моника и отчим встречали их в аэропорту. Оба постара-

лись скрыть некоторую настороженность и изрядное удивление. Впрочем, мужчины сразу пришлись друг другу по душе. Моника вела себя более сдержанно, но это можно было объяснить ее материнской тревогой.

Они с Кином разместились на заднем сиденье автомобиля. Кин взял ее за руку, и Лесия подумала, насколько осложнится ситуация, если маме и правда не понравится Кин. Но ведь Моника вовсе не лишена здравого смысла и, конечно, скоро поймет, за что Лесия его полюбила.

В конце концов, Кин очень похож на ее первого мужа.

Пока Рик с Моникой обсуждали приготовления к празднику, Лесия украдкой поглядывала на Кина, и сердце ее сладко сжималось, когда он улыбался ей в ответ.

Вечером Лесия надела шелковое платье персикового цвета, отчего ее кожа засветилась розовым румянцем, а зеленые глаза заблестели, как драгоценные камни. Но, возможно, дело было вовсе не в платье и не в косметике. Это счастье сделало ее ослепительно красивой, счастье и выражение глаз Кина, когда он увидел ее.

Праздник удался на славу. Родителям Рика Кин понравился безусловно, а кузины, кузены и друзья семьи падали, как кегли, перед его обаянием. Потанцевав под звуки старинных мелодий с мамой и бабушкой, он пригласил Лесию и принялся разучивать с ней па бальных танцев с такими названиями, как «Максина», «Валетта», «Военный тустеп» и «Веселый Гордон». Кин был превосходным танцором, и Ле-

сия порхала, как бабочка, в его объятиях, изумленная и радостная.

После окончания грандиозного пиршества она уселась поболтать с матушкой Рика.

– Даже мужчины согласны, что он славный малый, – сказала ей бабушка Блайт, следя своими острыми голубыми глазами, как Кин смеется чему-то в группе молодых людей. Она перевела взгляд на Лесию: – А ты небось беспокоилась?

– Но не из-за вас, – сказала Лесия. – У меня ужасное подозрение, что Кин не очень нравится маме.

– Да, она немного тревожилась. – Старая дама посмотрела на свою невестку, которая великолепно выглядела в ало-черном элегантном платье. – Но думаю, ты ошибаешься. Она просто хочет быть, уверена, что ты не ошиблась в очередной раз. А сейчас ты видишься с парнем, с которым была помолвлена?

– Нет. Он живет в Веллингтоне.

– И ты все еще чувствуешь себя виноватой перед ним?

– Да...

– Ну тогда, пожалуй – и обещаю, что это будет единственный раз, когда я злоупотреблю своим правом старшей по возрасту, – я опущу в твое ушко жемчужину житейской мудрости. Я убедилась, что в наших силах лишь распорядиться собственной жизнью. Мы можем помогать людям, можем причинять им боль, но в конце концов каждому самому придется отчитываться за то, как он распорядился тем, что ему

дано Богом.

Бабушкины незатейливые слова должны были бы успокоить Лесию, и все же на протяжении этого чудесного уик-энда, наполненного весельем, слезами и искренними чувствами, Лесия не могла отделаться от неясных опасений.

После того как воскресным утром все дружно позавтракали – довольно поздно, – одна из троюродных сестер, знаменитая своей вредностью, взмахнула длинными ресницами и провозгласила, глядя на Кина:

– Все-таки знаете, это очень странно, что первый муж Моника и ваш отец были так похожи.

– Согласно общепризнанной вековой мудрости, у каждого человека есть двойник, – сказала Моника, уже уставшая, как и Лесия, от восклицаний и предположений родни по этому поводу.

Кузина удивленно посмотрела на нее, но решила развить свою мысль дальше:

– И все же – если вдуматься – какое поразительное совпадение. А у отца Лесии тоже был раздвоенный подбородок?

– Я схожу за его фотографией, – любезно предложила Моника. Кузина махнула ресницами в сторону Рика:

– Вы ведь не возражаете? – спросила она запоздало.

– Ни в коей мере, – ответил тот безмятежно.

Вернулась Моника с фотографией и торжественно положила ее перед кузиной.

– О, твое свадебное фото! – воскликнула та. Потом пере-

вернула снимок и посмотрела на обратную сторону. – Мельбурн. А как ты тогда оказалась в Австралии, Моника?

– Я там училась, – ответила Моника, намазывая масло на гренки.

– Но странно, что ты не вернулась домой, чтобы сыграть свадьбу.

– У нас не было денег на билеты. Родители прилетели ко мне, и мы скромно и мило отпраздновали в Мельбурне.

Снова перевернув фотографию лицевой стороной вверх, чтобы изучить как можно тщательнее изображенного на ней человека, кузина переключила внимание на Кина.

– Боже, если бы не ранняя лысина, он как две капли воды похож на вас.

– Он был светловолосый, – сказала Моника, намазывая гренки медом. – И не такой высокий.

Рик встал со своего места и, нагнувшись, поцеловал жену.

– Кто поможет мне собирать абрикосы? Надо снять их с дерева, а не то все достанется попугаям.

Часа за два до отъезда в аэропорт Лесия решила поговорить с матерью. Налив себе чаю, она выглянула в окно веранды, где на теннисном корте Кин, Рик и два юных кузена резались в теннис. Картина, впрочем, была достаточно мирной, как и подобало для идиллического завершения чудесного уик-энда.

Переведя взгляд на мамино лицо, Лесия напрямик спросила:

– Тебе не нравится Кин?

– Очень нравится.

– Это все, что ты можешь сказать? – сухо спросила Лесия. Моника рассмеялась.

– Ну хорошо, он великолепен, что тебе самой хорошо известно; ему свойственна та врожденная властность, которую и мужчины, и женщины находят притягательной. От него веет уверенностью и силой. Глядя на него, можно твердо сказать, что он не растеряется в любой ситуации.

– И это все? – снова спросила Лесия.

– Да, – ответила Моника невозмутимо. – А что? Ты ищешь повод для спора?

Лесия бросила на нее досадливый взгляд, но тут же рассмеялась.

– Конечно же, нет! Но ты увидишь, он настолько ни в чем не похож на Энтони, что... Нет, в самом деле. Небо и земля.

Моника кивнула, а тем временем теннисисты, разгоряченные и веселые, вышли из-за ограды и направились к ним. За общей беседой Лесия забыла о разговоре с матерью и вспомнила только в самолете, на пути в Окленд.

Возможно, настоящая причина сдержанного отношения к нему мамы объяснялась тем, что он напоминал ей человека, замужем за которым она была и которого так трагически потеряла. Наверное, ей становилось не по себе, когда она глядела ему в лицо – лицо человека, словно воскресшего из мертвых.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

По дороге из аэропорта Кин завернул к тете Софи. Приветствовав их с неизменным очаровательным энтузиазмом, она указала на маленькую коробку.

– Вот – все они тут. Они принадлежали твоему отцу. – Старушка в упор взглянула на внука. – После его смерти их нашли в его вещах. Эти фотографии – почти все, что у тебя от него осталось.

– А что в них интересного? – Он скривил губы. – Фотографии матери среди них нет, я полагаю.

– Не знаю, я не смотрела. Но Стюарт любил твою мать, – твердо заявила тетя Софи. – По крайней мере вначале. Да, им не следовало жениться, но нельзя, знаешь ли, винить его одного в этой ошибке. Не только укоры совести заставили его застрелиться после ее смерти.

У Лесии на миг перехватило горло. О Боже – бедный мальчик, бедный, бедный Кин! Она импульсивно потянулась к его руке, и Кин, не глядя, сжал ее руку в своей.

– Хорошо, я слушаюсь твоего мудрого совета, – согласился Кин с подчеркнутым равнодушием. – Но ты хранила эти снимки почти тридцать лет. Зачем понадобилось отдавать их именно сейчас?

Не глядя на их соединенные руки – его, загорелую и мускулистую, и ее, светлую и тонкую, – тетя Софи сказала спо-

койно и мягко:

– Я считаю, что ты уже готов увидеть их. Настало время тебе простить отца. Брайен и Зита были отличными приемными родителями, но они смотрели на Стюарта глазами твоей матери. Я не думаю, что они намеренно были к нему несправедливы, но и объективными их не назовешь.

Лесия перевела взгляд с Кина на тетю Софи, привлеченная прозвучавшими в ее голосе стальными нотками.

– Я прекрасно знаю, что представлял собою мой отец.

– Ты знаешь только одну его сторону, – печально сказала Софи Уорбертон. – Во всяком случае, фотографии принадлежат тебе, и я надеюсь, что ты просмотришь их прежде, чем решишься сжечь – если все-таки решишься.

– Может быть, я взгляну на них, но только потому, что этого хочешь ты.

В автомобиле Лесия откинулась на спинку удобного сиденья, глядя в окно на мелькавшие мимо оклендские улицы, окутанные пыльной усталостью, которая свидетельствовала о том, что еще один уик-энд позади, а впереди уже маячит понедельник.

– Поедем к тебе или ко мне? – спросил Кин.

– Мне надо домой – завтра предстоит напряженный день.

– Я могу остаться и отвезти тебя завтра утром по пути в свою контору.

– Я нездорова, – выговорила Лесия, с трудом ворочая языком, который от смущения сделался неповоротливым.

– И что же? – Он с упреком посмотрел на нее. – Если тебе хочется спать, и больше ничего, я стану держать тебя за руку и сочту себя счастливым.

Часто заморгав, чтобы скрыть слезы, Лесия сказала:

– Кажется, это самое приятное из того, что мне когда-либо говорили.

– Надеюсь, что все-таки нет, – возразил Кин, и голос его прозвучал напряженно и хрипло. – А как же насчет того парня, с которым ты была помолвлена, – этого Барри?

– Барри вознес меня на пьедестал, – взволнованно объяснила Лесия. – Я всегда чувствовала, что настоящую меня он не видит. Ему представлялась некая жрица, которой он мог поклоняться, а не живая женщина.

– И ты не была с ним близка, – проговорил он ровно.

Лесия помотала головой.

– Он женат?

– Не был, когда мы разговаривали последний раз.

– Вы до сих пор поддерживаете отношения? – спросил он неторопливо и сдержанно, но от скрытого в его словах смысла у Лесии зашевелились волосы на затылке.

– Время от времени он звонит мне. Для него очень важно знать, что мы остались друзьями.

– Не похоже, чтобы он видел в тебе друга. Если ему так нужен предмет поклонения, нашел бы себе другую богиню, – сказал Кин грубовато-наставительным тоном. – Он слишком долго обременял тебя. Но, слава Богу, у тебя хватило здра-

вого смысла понять, что брак, на который дают согласие под давлением, – настоящее бедствие. Так чем ты планируешь заняться сегодня? – спросил Кин.

– Я и в самом деле неважно себя чувствую, – сказала она. – Отвези меня домой, я приму таблетку и лягу спать.

Кин свернул с автострады и по лабиринту узких портовых улочек подъехал к дому Лесии. На этот раз он поднялся к ней в квартиру, проследил, чтобы она сразу приняла болеутоляющее, приготовил ей чай. Потом посадил к себе на колени и поцеловал таким долгим поцелуем, что ее веки сами собой сомкнулись, а губы начали дрожать.

– Хочешь, чтобы я остался? – спросил он с нежностью. – Бедная девочка, ты выглядишь усталой и печальной.

– У меня и правда небольшие спазмы, – призналась она. – Но это пустяки. Завтра утром я проснусь совершенно здоровой, со мной так всегда бывает.

Он прижался щекой к ее волосам, и Лесия услышала, как ровно бьется сердце в его груди. Потом он опустил ее на диван.

– Ложись спать, – приказал он.

Улыбаясь, Лесия прошла в ванную, ополоснулась под теплым душем, провела руками по груди, бедрам и вздрогнула, вспоминая страстные ласки любимого...

Вытершись и надев ночную сорочку, она принялась распаковывать свой чемодан, и тут в дверях появился Кин.

– Быстро в постель, – скомандовал он.

– Ладно, оставлю это до утра.

– Если без меня тебе будет лучше, я уеду, но мне больше хотелось бы остаться.

Внезапно глупые слезы подступили к ее глазам. Поспешно проглотив их, она сказала:

– Я тоже хочу, чтобы ты остался.

Он занес в комнату свой саквояж, который, должно быть, захватил из машины, достал оттуда несессер и стал готовиться ко сну.

Проворчав что-то по поводу ее кровати – не слишком большой по сравнению с его необъятным ложем, – Кин тем не менее с удовольствием вытянулся на ней и заключил Лесию в теплое кольцо своих рук. Постепенно она расслабилась и погрузилась в сон.

Она спала крепко, и ее подсознание словно заперло все сновидения в самом укромном уголке мозга. На следующее утро Лесия проснулась бодрой и здоровой. Лениво повернувшись на бок, она поцеловала Кина в небритый подбородок и подумала, ликуя: наконец-то я вижу перед собой будущее, сияющее, как солнце, на расстоянии вытянутой руки. Я люблю, люблю этого человека, и он любит меня...

Подобное пробуждение было для нее новым и восхитительным опытом – как и скрипучий по-утреннему голос Кина, его энергичное потягивание до хруста в суставах, ленивая, довольная и озорная улыбка, нарастающее возбуждение от его поцелуев, даже неразбериха в тесной ванной и очень

крепкий кофе, который сварил Кин.

Лесия негромко напевала, пока они готовили завтрак – яйца-пашот и апельсиновый сок для Кина, а для нее гренки с томатным соком. А сев за стол, она подумала, что никогда не забудет этого утра.

– Ты похожа на летний рассвет, – сказал ей Кин неторопливо, но его голос решительно не соответствовал глазам, в которых пылало синее пламя. Он взял ее руки и поцеловал ладони. – Жутко не хочется покидать тебя, но я должен идти прямо сейчас.

Без Кина квартира сразу опустела. Но Лесия крепко держалась за воспоминания о проведенной вместе ночи и, отправляясь в свою рабочую комнату, так и сияла от счастья.

А за несколько минут до обеденного перерыва позвонила Дженни и сообщила, что они с Брайеном приняли окончательное решение.

– Нам очень понравился последний проект, – сказала она. – Я хочу поскорее приступить к строительству.

– Тогда я составлю заявку на подряд. У вас есть на примете какая-нибудь строительная фирма?

– Я выбрала одного человека, с которым Брайен работал прежде. Мы решили не прибегать к услугам фирмы и просто нанять рабочих, – сказала Дженни.

– Но кто станет наблюдать за строительством? – осторожно возразила Лесия. – Кто-то должен организовывать работу, заказывать материалы, платить по счетам. Для неопытного

человека это нелегкий труд.

– Я справлюсь, – твердо заявила Дженни. – Я жду ребенка – об этом пока никто не знает, кроме Брайена, – и мне как раз необходимы такого рода заботы, чтобы занять время.

– В заботах у вас, безусловно, недостатка не будет, – заверила Лесия, стараясь не вкладывать в свои слова никаких эмоций.

– У меня все получится, – настаивала Дженни. Ее голос излучал непоколебимую уверенность. – Но я все-таки буду чувствовать себя спокойнее, зная, что вы поблизости, на тот случай, если мне понадобится помощь.

– Ну, конечно. Мы оговорим это в контракте.

Через десять минут Лесия со сдержанной улыбкой повесила трубку. Дом будет именно таким, каким хочет его видеть Дженни, и в придачу будет возведен в пределах сметы.

Снова вернувшись к своим занятиям, она с легким удивлением отметила, что Кин почему-то не звонит. Она, правда, не особенно ожидала – он ведь слишком занят на работе, и на сегодняшний вечер они не строили никаких планов.

Вечером она сама позвонила Кину, но его не было.

И в ней снова зашевелились непонятные опасения, нарастая с каждой минутой...

Ночной сон был тяжелым и не принес облегчения. Первое, что ощутила Лесия, проснувшись, была тупая головная боль. Даже наступивший день – свежий и умиротворяюще ясный, с живительным морским ветром, который унес из го-

рода всю пыль и выхлопные газы, так что в воздухе запахло цветами и солью, – не смог снять с ее плеч томительную тяжесть и развеять усталость, которая затуманивала мозг.

Чтобы как-то встряхнуться, Лесия пошла в гимнастический зал и там на тренажерах дала выход своей досаде на то, что Кин не звонит ей.

Но это была не просто досада. Терзавшее ее чувство гораздо больше напоминало страх – беспричинную мучительную тревогу, которая с каждой минутой делалась все сильнее.

Она открывала дверь подъезда, когда позади нее у тротуара остановилось такси. К огромному своему изумлению, она услышала голос матери. Обернувшись, с удивленным смехом Лесия воскликнула:

– Мама, что ты здесь делаешь? Рик тоже приехал с тобой?

Моника, не отвечая, расплатилась с шофером. Когда такси отъехало, к подъезду почти сразу же подкатил другой автомобиль, и из него вышел Кин, высокий и неприступный. На ярком солнце в его волосах вспыхивали рыжие искры. Паника сдавила горло Лесии. Она застыла, держась одной рукой за дверную ручку, а они тем временем поднимались по ступенькам, не глядя друг на друга.

– Что происходит? – спросила Лесия и сама не узнала свой голос.

– Нам надо поговорить, – сказал Кин. Каждое его слово было холодным и ровным, как морская галька.

Лесия метнула на него быстрый взгляд, но ничего не смогла прочитать на суровом и властном лице и посмотрела на мать, которая выглядела совершенно измученной – глаза ее были обведены большими темными кругами.

Они молча поднялись на лифте вверх, и Лесия открыла дверь в свою квартиру. Когда все вошли внутрь, она сказала коротко:

– Садитесь и расскажите мне, что случилось.

Мать села, а Кин сказал:

– Вот что я нашел в коробке, которую дала тетя Софи.

Лесия взглянула. Снимок обгорел по краям, но на нем ясно были видны двое. Они стояли рядом, рука об руку, на какой-то улице. Судя по одежде женщины, снимок был сделан в шестидесятые годы. Позади них поднимались волны – такие ровные, что казались ненастоящими. Оба улыбались, хотя можно было подумать, что женщина прячет за улыбкой слезы.

Сдвинув брови, Лесия спросила:

– Это мама и отец?

– Посмотри на его волосы. У него нет лысины. Это твоя мать и мой отец. – Голос Кина был совершенно лишенным эмоций, безжизненным, невыразительным – и беспощадным. Прежде чем Лесия успела осмыслить его слова, он добавил: – Они отдыхали вместе в Квинсленде тридцать лет назад.

Лесия круто повернулась к матери. Моника, бледная и

взволнованная, молча смотрела на нее.

– Может быть, кто-нибудь объяснит мне все-таки, что происходит? – сдавленным голосом спросила Лесия.

Мать начала было что-то говорить, но Кин перебил ее, и в голосе его прозвучало такое убийственное презрение, что у Лесии все сжалось внутри.

– Похоже на то, – произнес он официальным тоном, – что мы – единокровные брат и сестра.

– Нет! – возразила Моника побелевшими губами.

– Я не верю вам. Вы были его любовницей.

– Да, – ровно произнесла Моника. – Это правда. Мы были с ним близки, но Лесия вовсе не дочь Стюарта.

– О, ради всего святого, – резко перебил ее Кин. – К чему продолжать лгать? Разве вы не видите, что вы сделали с Лесией? Вы нас обоих обманули, – произнес он таким ледяным и злым голосом, что у девушки задрожало сердце. – Но к несчастью – или к счастью, – мой отец сохранил эту фотографию на память, в качестве трофея.

– Лесия – не его дочь, – повторила Моника, отчеканивая каждый слог.

– И ты можешь это доказать? – выговорила Лесия, с большим трудом преодолевая спазм в горле.

Кин протянул было к ней руку, но тут же уронил ее, словно не осмеливаясь к ней прикоснуться.

– Я ухожу.

– Вы останетесь и выслушаете меня, – твердо сказала Мо-

ника.

– Ради чего? – спросил он, и его глаза на каменном лице вспыхнули ледяным огнем. – Я не хочу выслушивать, как вы станете объяснять, почему нарушили супружескую верность.

Моника вздрогнула.

– Да, я действительно была неверна мужу, и отнюдь не горжусь этим, но если вы и в родстве с Лесией, то в родстве, судя по всему, самом отдаленном. Моя дочь родилась спустя двенадцать месяцев после того, как я видела вашего отца в последний раз.

– Но почему мы должны верить вам? – спросил Кин с оскорбительной вежливостью. – Вы не можете доказать, что она не дочь моего отца. Судя по всему, ваш роман мог длиться много месяцев – мой отец часто приезжал в Австралию по делам.

Моника вспыхнула.

– За кого вы меня принимаете? Я знала, кто вы такой. И неужели вы думаете, я стала бы молчать, если бы вы с Лесией были братом и сестрой? Это же чудовищно!

– Не более чудовищно, чем когда женщина спит с мужчиной потому, что он похож на ее мужа.

Его глаза блеснули таким непримиримым гневом, что Лесия невольно загородила мать. Но Кин мягко и решительно отстранил ее и закончил:

– Муж, который провел фактически полтора года в инвалидном кресле! Не похоже, чтобы он мог стать отцом.

– И тем не менее он стал им. – Моника сжала губы и твердо сказала: – Я расскажу вам, как именно все произошло. Через год после того, как Денис попал в аварию, я тяжело переболела гриппом и долго не могла оправиться от осложнений. Здоровье мое резко ухудшилось, я совсем обессилела. Тогда предприятие, где прежде работал Денис, поместило его на казенный счет в санаторий, и я получила возможность отдохнуть. В Мельбурне той весной было холодно, я замерзала, и меня отправили в Квинсленд хорошенько прогреться. В первый же день там я встретила Стюарта Пейджета.

Лесия посмотрела на Кина. Он впился в ее мать свирепым, пронизывающим, как лазер, взглядом.

– Тебе не обязательно все это рассказывать, – торопливо, чувствуя, что сердце у нее вот-вот разорвется, вмешалась Лесия.

– Все-таки я расскажу... – Моника судорожно вздохнула. – Контраст был потрясающим. Денис был совсем сломлен болезнью. Он отказывался вставать с постели, твердил, что хочет умереть. А в Стюарте жизнь была ключом, как когда-то в Денисе. Я знала, что поступаю дурно, безнравственно, но я...

Лесия мягко взяла мать за руку.

– Хватит, мама.

Моника сжала руку дочери.

– Я сразу поняла, что с Денисом у него нет ничего общего.

– Так вот почему... – Лесия запнулась.

– Да, именно поэтому я встревожилась, когда ты рассказала мне про Кина. Я подумала, что он мог пойти в своего отца.

– Пошел я в отца или нет, но вы с ним спали, – упрямо повторил Кин.

Моника кивнула.

– Я не рассчитываю, что вы сумеете понять. Но мы с Денисом были женаты всего год, когда с ним произошло несчастье. Я очень любила его. А он так сильно переменялся. – Моника крепче сжала руку дочери, но не отвела глаз от сурового лица Кина. – С вашим отцом я на какое-то время могла представить, что вернулось прошлое. Я не знала, что он женат, он говорил мне, что холост.

Кин покачал головой. Его губы сжались в жесткую, неумолимую линию.

– Он солгал, но для него это было в порядке вещей.

Моника взглянула на Лесию.

– Это произошло в сентябре, за год до твоего рождения.

– А мне неизвестно, когда мой отец наезжал в Австралию. – Голос Кина звучал холодно и отчетливо, глаза казались бездонными, как вселенная. – Я знаю только, что он покончил с собой за три месяца до рождения Лесии и четыре месяца спустя после смерти моей матери.

Негромко, без малейших признаков гнева, Моника спросила:

– Значит, вы не верите, что Лесия вам не сестра?

Кин на миг зажмурился.

– Я не осмеливаюсь, – выговорил он напряженно и хрипло.

Лесия понимала, что он сейчас чувствует. О, сама она полностью доверяла матери, но если они не установят каким-то образом дату последней поездки Стюарта Пейджета в Австралию, Кин никогда не сможет избавиться от ужасного подозрения.

Кин словно слышал ее мысли – он вскинул голову, лицо его, несмотря на золотистый загар, покрывавший кожу, было очень бледным и осунувшимся.

– Я должен знать наверняка, – произнес он страстно, в упор глядя на Лесию. – Ты понимаешь меня?

– Да... – Лесия выпустила руку матери и отошла к окну. – Но мы никогда не сможем это доказать, по крайней мере чтобы убедить тебя полностью, – выговорила она почти беззвучно.

– А ты готова пойти на риск? – спросил он вполне спокойно.

– Я знаю свою маму, – ответила Лесия.

– А я, к сожалению, знаю только, что эта женщина спала с моим отцом, потому что он напоминал ей мужа, который был для нее потерян. Я думаю, что этот разговор уже не принесет ничего нового. Я ухожу.

Лесия закрыла глаза, чтобы не видеть, как он уходит. Ко-

гда дверь за ним затворилась, Моника провела дрожащей рукой по лицу и пробормотала:

– О Боже, Лесия, как бы я хотела... Если бы я только могла...

– Не надо!

Лесия знала, что шансы собрать необходимую информацию тридцатилетней давности ничтожно малы. И Кин никогда не вернется, а она остаток своей жизни проведет, оплакивая свою любовь. Если только...

Но эти два слова из всех человеческих слов самые бесполезные.

– Не знаю, как ты, мама, а я не прочь выпить чаю.

– Лесия... – неуверенно начала Моника.

– Все в порядке.

– Нет, неправда. – Моника взглянула на свои руки, на золотое кольцо Рика и на обручальное колечко с камнем, которые весело блестели в наполненной светом комнате. – Твое зачатие стало возможным потому, что твой отец сумел все же преодолеть депрессию и мы оба страстно хотели иметь ребенка. А через несколько недель он скончался на моих руках от разрыва аорты... – Моника прерывисто вздохнула. – Это было последним проявлением его жизненных сил.

– О, мамочка...

– Мы не знали наверняка, но были уверены, что я забеременела. И он очень сильно волновался, не мог поверить в такое счастье... – Она посмотрела на дочь. – Я никогда раньше

не понимала толком место в Библии, где сказано, что грехи отцов падут на головы детей. Но сейчас наконец поняла. Я не могу изменить то, что совершила много лет назад, но могу поклясться, что ты не дочь Стюарта.

– Больше ни слова об этом! – воскликнула Лесия, крепко обняв мать. – Кто я такая, чтобы бросить камень? Мы все ошибаемся, а для меня ты всегда самая лучшая из всех мам, какие только существуют на свете.

У Моники задрожали губы.

– Значит, ты мне веришь?

Лесия нежно погладила ее по щеке.

– Да, – ответила она просто. – Я тебе верю. Я же тебя так давно знаю и не помню, чтобы ты мне когда-нибудь лгала.

– Кин вернется? – спросила Моника.

– Если сумеет доказать, что ты и его отец не имели возможности встречаться в течение девяти месяцев до моего рождения, то, вероятно, да, – проговорила она ровным и безжизненным тоном.

Моника закрыла глаза, потом открыла их снова.

– Ты очень сильно любишь его, – сказала она с глубоким сочувствием.

– Ничего, все как-нибудь обойдется.

Но, едва произнеся эти слова, Лесия уже не могла больше сдерживаться и заплакала – беззвучно и горько, непрошенные слезы лились и лились по щекам. Моника долго обнимала ее и гладила по спине, прежде чем приступ отчаяния миновал.

Потом Лесия вытерла лицо и несколько раз глубоко вздохнула, остро ощущая холод и пустоту.

– Ты преодолеешь это, я знаю, – задумчиво сказала мать. – Да, сначала будет тяжело, и никакая новая любовь не сможет полностью заменить тебе прежнюю. Но время и правда лечит. Я люблю Рика так же сильно, как любила твоего отца, пусть и по-другому. И еще, милая, хотя тебе и очень плохо сейчас, я рада, что Кин пробудил тебя ото сна. Я боялась, что ты так навсегда и останешься в своей башне, опасаясь покинуть ее и причинить страдания какому-нибудь мужчине. Не стоит возвращаться в нее снова. Одно из многого, что можно сказать в пользу любви, – то, что она никогда не бывает напрасной. Надо только понять, что боль – ее неизбежная спутница, и смириться с этим.

В течение последовавших затем наполненных мраком дней Лесия цеплялась за эту мысль и повторяла мамины слова бесконечными ночами, стараясь хоть немного успокоиться.

Она заставила себя вести прежнюю жизнь – навещала друзей, развлекалась и позволяла развлекать себя, и работала – так много, что под глазами у нее появились темные круги.

А ночами она ходила взад-вперед по комнате, до тех пор, пока в изнеможении не валилась на постель и не впадала в глубокое, не приносящее облегчения забытье.

Однажды ей позвонила Дженни.

– Все отлично, дело сдвинулось с мертвой точки, мы с

Брайеном сегодня подписали бумаги. Приходите к нам ужинать, мы разопьем бутылку шампанского и отметим это событие.

– Извините, но к ужину я никак не успею, – машинально ответила Лесия.

– Тогда завтра пообедаем вместе.

Лесия замешкалась с ответом. Но, разумеется, Кина там не будет.

– Большое спасибо, это очень мило с вашей стороны.

Все и правда было довольно мило, Дженни, как видно, немало потрудилась, чтобы обставить встречу как можно торжественнее. И она знала толк в винах – на столе стояло самое лучшее французское шампанское, к которому сама Дженни, однако, не притронулась. Лесия, помня о том, что ей предстоят сборы в дорогу, выпила всего один бокал и заставила себя съесть как можно больше, несмотря на комок в горле, по-видимому поместившийся там навсегда.

В конце обеда Дженни сказала небрежно:

– Я думаю, вы согласны с Кином, который считает меня беспринципной охотницей за богачами, у которой вместо глаз – долларовые бумажки?

– Нет, – возразила Лесия, скрывая неловкость. – Я видела, как вы смотрите на Брайена.

Дженни сильно покраснела.

– Благодарю вас, – ответила она непривычным для нее нерешительным тоном и, покосившись на Лесию, заговори-

ла торопливо: – Мне надо извиниться перед вами. Когда мне сказали, что Кин обедал с женщиной, которая, судя по всему, является его сестрой, я узнала, кто вы такая, и предложила вам заказ на проектировку дома – как приманку. Я хотела смутить Кина, напомнив ему о его отце, который не отличался разборчивостью в связях, – вот почему я устроила ту прогулку на остров. Но я не подумала о ваших чувствах, и потом мне стало стыдно. Особенно когда я узнала, что вы вовсе не дочь Стюарта Пейджета. А когда я посмотрела ваши рисунки, то поняла, что эту работу смогу доверить только вам. Но я, правда, вела себя очень скверно.

– Все в порядке, – сказала Лесия, стараясь казаться спокойной.

Дженни покачала головой.

– У Кина были причины не доверять мне, но он вывел меня из себя. Он держался со мной с ледяной вежливостью, которая глубоко уязвляла меня, и каждую секунду обдавал презрением. Он не рассказывал вам?.. Да, я вижу, что рассказывал. – Не ожидая ответа, Дженни продолжала: – Я увлеклась им и вообразила, что тоже ему небезразлична.

– Вам вовсе не обязательно все рассказывать, – сказала Лесия мягко.

– Но мне это необходимо! Конечно же, он меня рассчитал. Я вынимала из стола свои вещи и плакала, когда вошел Брайен. Я и раньше встречалась с ним, и мне было жаль его, потому что у него умерла жена и вид у него был такой поте-

рянный. Вот так все и началось. А Кин, разумеется, решил, что я стала встречаться с Брайеном, чтобы отомстить ему.

– Но меня это вовсе не касается, – сказала Лесия.

– Я и правда сначала встречалась с Брайеном, чтобы добраться до Кина. Но очень скоро поняла, что Брайен – это как раз тот человек, который мне нужен: добрый, веселый, легкий – и, да, очень удачливый предприниматель. А деньги меня интересуют, не стану отрицать.

– Наверное, всех нас они интересуют в определенной степени, – подтвердила Лесия, пытаясь придумать, как прекратить этот разговор, не выдавая своих чувств.

– Значит, меня в большей степени, чем других. – Дженни пожалала плечами. – Я решила выйти за Брайена и родить ему детей, чтобы он мог радоваться жизни. И мне было бы гораздо легче – и Брайену тоже, – если бы меня признала семья. В особенности Кин, потому что он много значит для Брайена.

– На вашем месте я рассказала бы Кину все то, что вы сейчас рассказали мне, – посоветовала Лесия.

– Я подумала, может быть, вы...

Тщательно подбирая слова, Лесия ответила:

– Я не могу, потому что мы с Кином больше не видимся.

– То-то я заметила, что вы очень бледны. Вот в чем дело.

Извините меня, но почему?

С любой другой женщиной Лесия ни за что не стала бы откровенничать, но исповедь Дженни словно сдвинула некую преграду в ее сознании. Пусть потом и наступит раскаяние,

но сейчас Лесия не успела опомниться, как уже рассказывала Дженни, как вышло, что она давно уже не видит Кина.

– О Боже, – выдохнула Дженни, когда Лесия замолчала. – Что за чертовщина! Надо же было случиться такому! Лесия, мне очень жаль. Вы не против, если я скажу Брайену? Больше об этом никто не узнает.

– Скажите, – устало отозвалась Лесия. – Я знаю, что Кин ужасно вел себя с вами, но он любил свою тетю.

– Да, мне это известно. Похоже, она была славной женщиной. Но она не могла иметь детей – еще и по этой причине они взяли к себе Кина.

Кин не звонил. Она, естественно, и не ждала звонка, но каждый раз, заходя в гостиную, с надеждой смотрела на маленькую красную лампочку на автоответчике.

Просто удивительно, до чего физически ощутимо горе. Оно болью отдавалось в костях, переворачивало внутренности, затуманивало зрение, и прохожие на улице казались ей бесформенными призраками, бесплотными видениями в угрюмом, зловещем мире. Слава Богу, остался всего один день, и она полетит через Тасманово море в страну, где родился и умер ее отец, на большой желтый материк, населенный причудливыми птицами и еще более удивительными животными. Еще до последней встречи с Кином она полностью оформила поездку и теперь спешила покинуть этот город, жить в котором вместе с Кином стало для нее слиш-

ком большим напряжением. Каждый раз, завидев впереди высокого широкоплечего мужчину, она чувствовала, как в ее сердце вскипает безрассудная радость, чтобы тут же смениться горечью и пустотой.

Поздно вечером, когда Лесия, собрав чемодан, проверяла, на месте ли билеты и паспорт, раздался щелчок домофона, и голос Кина сказал:

– Лесия, мне надо тебя видеть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прерывисто втянув в себя воздух, Лесия ответила:

– Хорошо, – и нажала кнопку. Ожидая, пока он поднимется, она едва удерживалась от сильного желания кусать ногти. Эту привычку она преодолела еще до того, как ей исполнилось восемь. Безумная, страстная надежда боролась в ней с предчувствием самого худшего.

Он сразу же спросил:

– Ты еще не ложились?

– Ты же видишь, что нет, – сказала Лесия. – Садись. Я надеюсь, у тебя все в порядке?

– Как посмотреть, – мрачно ответил он, не трогаясь с места. – У меня неприятности в Малайзии с нашим совместным предприятием. Я заехал к тебе по пути в аэропорт. Но нам удалось установить, что мы с тобой не брат и сестра.

Холодное отчуждение в его глазах и голосе заставило ее сдержать невольный всплеск радости.

– Как ты узнал? – спросила она глухо.

– Час назад ко мне приезжали тетя Софи и Брайен.

– И что же?

– Видимо, ты сказала Дженни, что мы больше с тобой не встречаемся.

В его голосе не было осуждения, но Лесия машинально подняла руки, потом снова уронила их и стиснула пальцы

так, что побелели суставы.

– Да. Прости, если ты не хотел, чтобы она знала...

– Это неважно. – Его губы исказила жесткая усмешка. –

По правде сказать, она пристыдила меня, воздав мне добром за зло, что я, несомненно, заслужил. Она все передала Брайену, конечно, а он связался с тетей Софи. Они приехали ко мне и рассказали, что Брайен и тетя Софи были у нас дома в ту ночь, когда случился пожар. – Кин говорил спокойно, в его глубоком голосе не слышалось ровно никаких эмоций.

Лесия провела языком по пересохшим губам.

– Я не совсем понимаю...

– Очевидно, мама приготовила для отца праздничный ужин по поводу его возвращения из Австралии. На столе стояли свечи. Брайен сказал, что, когда они с тетей вошли в гостиную, мать сбежала вниз по лестнице с какими-то фотографиями в руках.

– С теми, на которых была моя мама? – прошептала Лесия, охваченная страхом. Кин кивнул.

– Она поднесла их к свече, чтобы сжечь, она явно была в истерике... Отец выхватил их у нее, но на ней уже загорелась одежда. По словам Брайена, на плечах у нее был широкий газовый шарф... Они с отцом пытались сбить пламя, но она вырвалась и с криком бросилась вверх по лестнице.

Лесия стояла неподвижно, пытаясь понять психику женщины, искавшей спасения в комнате маленького сынишки. Какие ужасные воспоминания оставила она в его памяти!

Кин тем временем продолжал четким, твердым и ровным голосом:

– Она умерла спустя пять месяцев. Тетя Софи утверждает, что все это время отец был при ней, он даже на работу не мог ходить, не то что ездить в Австралию. Он дождался, пока на меня перепишут материнское наследство, чтобы обеспечить мое будущее, а потом покончил с собой. Так что моей сестрой ты быть никак не можешь.

Лесия шагнула вперед и обняла его, повторяя снова и снова: «Все хорошо, все хорошо»... – до тех пор, пока мышцы его тела не расслабились, а руки не сомкнулись вокруг нее. Но, даже ощущая его тепло и силу, вдыхая любимый запах, который одновременно успокаивал и волновал, Лесия знала, что все напрасно. Слова Кина – монотонность и размеренность речи и безжизненная усталость, с какой выразил он свои чувства, – дали ей понять, что надежды нет. Моника явилась причиной ужасной гибели его матери, и, глядя на Лесию, он всегда будет видеть охваченную пламенем фигуру, которая преследовала его в ночных кошмарах.

– Я должен идти, – сказал он решительно и твердо.

– Да. Будь осторожен. – Она уронила руки вдоль тела и, отступив назад, смотрела, как он исчез в дверях. Потом подошла к окну и увидела: Кин, словно не мог удержаться, взглянул вверх и махнул ей рукой.

Через три недели Лесия неторопливо шла по главной ули-

це маленького шикарного курортного городка, расположенного к северу от Брисбена в Австралии. На ней были шорты и футболка. Раньше ей нравилась эта обстановка: пальмы, пляж, магазинчики с сувенирами и общая атмосфера праздника, характерная для места, куда люди приезжают отдохнуть и повеселиться. А теперь Лесия даже удивлялась, что в самую ясную погоду небо кажется ей сумрачным, что ее не радуют изысканные лакомства и вообще ушли из жизни веселье и интерес.

Но она мужественно твердила себе, что преодолет это состояние – отчаяние и уныние были слишком сильны, чтобы продолжаться долго. Она надеялась.

– Лесия! – прозвучало за ее спиной.

На секунду у нее остановилось сердце. Очень медленно, держа спину и шею так прямо, что напряжение ощущалось даже в пальцах ног, Лесия обернулась...

Ее сердце снова и громко забилося. Она попыталась улыбнуться, подумав при этом, как ужасно эта попытка, должно быть, выглядит со стороны.

– Здравствуй, Кин, – сказала она настороженно и сдержанно. – Что ты здесь делаешь?

– Мне необходимо поговорить с тобой, – сказал он отрывисто. – Пойдем.

Но он повел ее не в кафе и не в бар. Вместо этого он направился с ней вдоль по улице, затененной пальмами и другой пышной растительностью, ко входу в очень фешенебель-

ное здание, стоявшее прямо на чудесном пляже. Здесь дома не разрешалось строить выше, чем в четыре этажа, и все роскошные строения отменно вписывались в пейзаж и казались единым целым с субтропической природой. Лесия остановилась.

– Что это?

– Гостиница. Тут нам никто не помешает. Она кивнула с некоторой неохотой и прошла с ним по аллее к высокой двери.

– Где ты остановилась? – спросил он.

– На турбазе.

– Я отвезу тебя туда, когда мы кончим разговаривать.

От этой перспективы последняя тайная надежда, теплившаяся в сердце Лесин, завяла горестно и умерла.

Номер был обставлен прекрасной мебелью, чистые прохладные тона обивки перекликались с яркой бирюзой моря и матовой бледностью песчаного пляжа. Балкон с навесом, вьющейся зеленью, столиком и шезлонгами выходил на залив.

– О чем ты хотел со мной поговорить? – спросила она напрямик.

Кин подошел к окну и немного постоял, глядя наружу, преградив своей внушительной фигурой путь сияющему потоку света, затем повернулся к ней и заговорил сурово:

– Очень о многом, но все это каким-то образом сводится к одному факту: я здесь потому, что мне не хватает тебя. От

меня словно бы оторвали половину. Я не мог есть и спать и, только работая, забывал о тебе на некоторое время. И то – едва стоило оторвать глаза от бумаг, я ловил себя на том, что вспоминаю твою походку, твою улыбку, – и всего меня пронзала невыносимая боль... Но когда я понял, что причиной смерти моей матери являются те проклятые фотографии, я почувствовал, что, полюбив тебя, предал ее.

– Знаю, – выговорила Лесия, потрясенная до глубины души.

– Я говорил с Брайеном и тетей Софи, и хотя из их рассказа ясно, что она была нервной и неуравновешенной женщиной, она остается моей матерью. Она сделала меня своим наперсником, я всегда знал, что отец встречается с другими женщинами. – Он сжал губы. – Я не понимал толком, что это значит, но слишком хорошо видел, как это отражается на ней.

– Наверное, она была очень несчастлива, но она лишила тебя детства, – печально произнесла Лесия.

Кин нахмурился, потом кивнул.

– Так ты готова великодушно простить меня за то, что я оскорбил твою мать и заставил тебя пройти через ад, а потом расстаться со мной, будто все это ничего не значило?

– Ты и правда идиот! – воскликнула Лесия. – Я же люблю тебя, и, конечно, я тебя прощаю, если ты считаешь, что это необходимо.

Сделав два огромных шага, Кин пересек комнату, поднял

ее со стула и заключил в крепкие объятия.

– Мой обожаемый ангел, радость моего сердца! А я-то думал, что ты намерена оставить меня наедине с последствиями моей глупости.

– Это не было глупостью. Я не надеялась, что ты сумеешь преодолеть прошлое, – сказала она, склоняя голову ему на плечо, упиваясь знакомым запахом, прикосновением стальных мускулов к ее груди и всей первобытной неукротимой мужественностью, которая была свойственна Кину. – Увидеть свою мать таким образом... Когда ты рассказал мне, у меня просто заледенела кровь в жилах. Это больше того, что может вынести ребенок. – Слезы неудержимо заструились по ее лицу.

– Не плачь, – сказал Кин, и его хриплый голос прозвучал разительным контрастом в сравнении с нежным объятием его рук. – Милая, ну пожалуйста, не плачь...

Она несколько раз глубоко вздохнула, взяла предложенный им платок, вытерла лицо и высморкалась. Потом, подняв на него глаза, твердо произнесла:

– И все же моя мама стала причиной гибели твоей. Прошлого уже не изменишь.

Он не шевельнулся, только на его щеке дрогнула жилка.

– Когда я был в Малайзии, я так страшно тосковал по тебе, что делалось больно дышать, и я очень скоро понял, что передо мной стоит выбор. Я стану жить или прошлым, или настоящим и будущим. А поскольку мое настоящее и буду-

щее – это ты, то выбора не было.

Такими простыми словами он поведал о своем решении, которое, конечно же, далось ему нелегко. Лесия уткнулась лицом ему в шею, поцеловала теплую кожу, а ее сердце переполнилось невыразимой благодарностью. Кин же продолжал:

– Моника не отвечает за поступки моего отца и за истерику матери. И она дала мне тебя. Если бы я еще сомневался в своей любви, меня убедил бы собственный ужас, когда я узнал, что никто, и даже твоя мать, не знает точно, где ты находишься.

– А если бы ты не увидел меня среди всей этой массы туристов?

– Все было предусмотрено, – ответил Кин с самоуверенностью, которая одновременно рассердила и восхитила ее. – Сегодня ты должна звонить Монике. Она обещала узнать твой адрес, а я, получив его, собирался сидеть у твоей двери, как смиренный проситель.

– Ха! – воскликнула Лесия, и в зеленых глубинах ее глаз заискрился смех. – Не очень-то ты похож на просителя. На трубадура, требующего розу и обещание, – еще куда ни шло.

– А ты дашь их мне? – спросил он уже без тени веселья в голосе, теперь в нем слышалось страстное нетерпение и жгучее, ликующее торжество мужчины, который может не сомневаться в ответе.

– Я уже это сделала.

Лесия знала, что он любит ее. Она интуитивно чувствовала это еще до того, как Кин впервые ей в этом признался. Но услышать от него такие слова – что она нужна ему как воздух, что речь идет о самой его жизни – вот это радость, вот это восторг!

– Пятнадцать минут назад, – задумчиво сказал Кин, – когда я увидел, как ты идешь впереди меня по улице, настолько поглощенная ролью туристки, что даже не замечаешь мужчину, который пожирает глазами твои стройные ножки, и безмятежное лицо, и водопад светло-медовых волос, и всю твою фигуру – такую изящную, что любая женщина рядом с тобой кажется неуклюжей, я забыл о своем упорном стремлении всегда и везде сохранять самообладание и признался себе, что без тебя моя жизнь лишена смысла.

– А моя – без тебя, – откликнулась Лесия, просто констатируя факт.

Он поцеловал ее. Это был чудесный пир после долгого голодания, радость после печали, первый шаг на изысканном празднике чувств. На этот раз, думала Лесия, уже не будет ни боли, ни расставания.

Спальня была большой, с массивной кроватью, окна выходили на сверкающую гладь залива. Когда Кин хотел опустить шторы, Лесия воспротивилась:

– Нет, оставь так. Пусть на нас смотрит солнце.

Кин пристально взглянул на нее, угадывая причину ее просьбы.

– Ладно, – сказал он, возвращаясь к ней. Его лицо было серьезно и сосредоточенно, и только вспыхивавшие в глазах искры выдавали его чувства.

– Ты согреваешь мне сердце, – сказал он. Не дотрагиваясь до нее, он просто стоял и смотрел.

– Я люблю тебя. – Она обхватила ладонями его лицо, и пальцы радостно вздрогнули. Они поцеловались и медленно двинулись к постели, на которую падала легкая кружевная тень от растущих за окнами пальм. В этой залитой солнцем комнате на широкой кровати Кин показал ей, каким он умеет быть сдержанным. Прошлое отступило назад и исчезло, когда ласкающее пламя побежало по их жилам и окружило плотным кольцом, соединив их в неразрывное целое.

Желание неудержимо нарастало в ней, и скоро сделалось трудно дышать, и она еле слышно застонала, не умея выразить словами свое состояние. И время, и пространство перестали для нее существовать... Позднее, вспоминая об этих мгновеньях, Лесия представляла только солнце, которое высвечивало гибкое сильное тело, отливавшее золотом, бронзой, излучавшее здоровье и жизнь. И еще бушевавший в ней огонь – опасный и благодатный...

Рука Кина легла ей на талию, скользнула по животу.

– Да, – сказал он. – Ты моя, и только моя, навсегда, так же как я – твой, всецело, без оговорок, без опасений, без условий.

Он придвинулся к ней... До сих пор они оставались осто-

рожными, даже уважительными в своих ласках, несмотря на нарастающую силу страсти. Но с этого мгновения оба перенесли в царство чистейшей чувственности, и об осторожности было забыто. Лесия откликалась на каждое движение его тела, прижималась к нему все крепче, каждую ее клетку переполняло напряженное ожидание, которое делалось все нестерпимее. И вот наконец она достигла цели, к которой стремилась, и волны невыразимой радости захлестнули ее, подхватили и понесли...

Медленно приходя в себя, они лежали в блаженном молчании. Безвольными пальцами Лесия отвела прядь влажных волос со лба Кина, а он прижал ее руку к губам и поцеловал. По мере того как успокаивалось их дыхание, слышнее становился шум на пляже – мягкий плеск волн, смех и сухой шелест пальмовых ветвей при порывах ветра.

Взгляд Лесин упал на их тела, все еще сливавшиеся в объятии, и она слабо улыбнулась.

– Мы похожи на тигров – такие же полосатые и яркие.

– Моя ненаглядная тигрица. – Его привычно резкие интонации превратились в нежное урчание. – Подожди минуту. – Не разжимая рук, он повернулся на спину, так ловко, что Лесия оказалась наверху. Улыбка, появившаяся на его губах, была определенно тигриной. – Ты кажешься такой спокойной, уверенной в себе, твои зеленые глаза по-прежнему ясные и независимые. Мне приятно знать, что я могу заставить тебя утратить самообладание, потому что ты делаешь

со мной то же самое. – Кин помедлил. – Вот почему я не вспомнил о предохранении. Но ты не против, если мы прямо с этой минуты будем ждать ребенка?

Вопрос был слишком серьезным, чтобы ответить на него второпях, не поразмыслив как следует, и Лесия добросовестно задумалась.

– По правде сказать, пока я предпочла бы воздержаться. Обычно требуется год или около того, чтобы мужчина и женщина привыкли жить вместе, прежде чем они решаются иметь детей. И все же, если это случится, мы справимся.

Она поцеловала его в щеку и в волевой подбородок, и Кин спросил:

– Когда мы поженимся? – Задержку с ответом он, должно быть, принял за отказ и продолжил: – Мне жаль, если у тебя имеются принципиальные возражения против этого обычая, но мне необходимо знать, что ты совсем моя, и я буду гораздо счастливее, если мы обставим все в традиционном духе: с кольцами и свидетелями.

– А если я захочу сохранить девичью фамилию? – спросила Лесия с шутливым упрямством. Кин был человек властный, и она не могла позволить ему сразу получить все, что он пожелает.

– Если тебе так хочется, – произнес он хладнокровно.

– С тобой лучше не шутить, – со смехом пожаловалась Лесия. – Я вовсе не возражаю против того, чтобы сделаться миссис Пейджет.

– Отлично, – сказал он.

– Значит, в традиционном духе? Моя мама с огромной радостью займется устройством нашей свадьбы...

Они поженились в Гисборне два месяца спустя. Свадьба была людной и шумной, дети смеялись, танцевали и бегали в свое удовольствие, а взрослые поглядывали на них снисходительно и радовались, может быть, не так громко, но не менее искренне.

Когда молодая пара ждала автомобиль, который должен был отвезти их в аэропорт, тетя Софи сказала с лучезарной улыбкой:

– Между прочим, дорогие мои, я все-таки раскопала связующее звено. У одного из сыновей Летиции был роман с гувернанткой его сестры, девушкой по имени Джулия Спринг. Должно быть, любовь была настоящей, поскольку, раз он не мог жениться на ней, он не женился и ни на ком другом. Их сын потом уехал жить в Австралию.

Несколько часов спустя среди великолепия одного из тропических островов Кин поднес руку Лесии к своим губам:

– На месте того Пейджета я не отправил бы своего сына на другой конец света.

– На месте того Пейджета, – сказала Лесия, обхватывая ладонями его подбородок, – ты женился бы на Джулии Спринг и послал к черту викторианские условности. Но, возможно, их сын сам захотел уехать. Ведь твои собственные

предки тоже в конце концов проделали путь на другой конец света. Страсть к путешествиям, должно быть, фамильная черта.

– И во мне она есть, – сказал Кин, повернув ее так, чтобы она могла видеть между элегантно изогнутыми стволами кокосовых пальм бледное мерцание кораллового песка на берегу и вытянутый залив, сочные краски которого утонули во тьме теплой ночи. Вокруг них в черном бархатном небе дрожали звезды, огромные и многоцветные.

Вместе с двумя своими друзьями Кин владел этим островком, который отделяло от главного острова Фиджи расстояние в несколько километров морского пространства. Тут находился, наверное, самый крохотный в мире «отель»: шесть деревянных домиков с острыми крышами – «шатры вождей», ненавязчиво оснащенные внутри всеми современными удобствами. Дорожки, проложенные через душистый сад, густо заросший экзотическими растениями, вели к каждому из домиков от центрального строения, где помещались бар и ресторан. А желающим улыбающиеся босоногие официанты разносили заказы по домикам.

Кин и Лесия поужинали на террасе темной гостиной великолепно приготовленными изысканными яствами и потом отправились на прогулку вдоль берега. Ни одна живая душа не нарушала их уединение. Рука об руку они шли по мягкому упругому песку, вслушивались в легкий шелест волн и почти все время молчали.

– Там, в нашем «шатре», – сказал Кин шутливо, что, однако, не могло замаскировать низких страстных нот в его голосе, – есть прекрасная кровать. А ведь ты, наверное, устала? День был такой долгий...

Улыбка преобразила лицо Кина. Он всегда останется властным и упрямым, думала Лесия, подавая ему руку и поворачивая вместе с ним назад. Он такой, какой есть, и любовь не сделала его мягче, как любовь не изменила и ее натуры. Но она ни за что на свете не хотела бы, чтобы он стал другим.

Две недели, которые ожидали их впереди, обещали стать чудесными и нескончаемыми. Наслаждаясь беззаботной праздностью в тропическом лесу, они станут скреплять связавшие их узы, пока вместе не преодолеют все страхи и сомнения. Соединив руки так же, как они соединили свои жизни и судьбы, они шли по тропинке между пальмами в будущее, которое открывалось перед ними, прекрасное и полное надежд, в жизнь, возведенную на прочном фундаменте любви.